

Агния Валевская

Украсть
своё

Мне удалось выкинуть его из головы, я собираюсь замуж за другого, да и в целом моя жизнь размеренна и понятна. Пока в ней снова не появляется он. Тот, в кого была влюблена с первого дня в универе, тот, кто стал моим первым мужчиной и на следующее же утро растоптал мое сердце. Но я изменилась, и теперь не позволю ему проникнуть в мое сердце снова. Так я думаю, пока он не похищает меня за три дня до свадьбы.

— Привет. Тебя подвезти? — спрашивает Женя.

— Нет, — отвечаю я, стараясь не выдать своей злости.

— Боишься, что передумаешь выходить замуж? — улыбается этот гад.

— Не боюсь.

— Тогда... Садись?

Усмехаюсь такой дешёвой манипуляции, но почему-то, открыв дверь, сажусь.

И уже через несколько минут понимаю, что это было ошибкой.

— Ты не туда свернул, — спокойно говорю Жене.

— Маш, ты не поняла что ли? — Клыков удивленно переводит взгляд с дороги на меня.

— Что не поняла?

— Я тебя украл!

Украсть своё
Агния Валевская

Глава 1. Какие люди

Маша

Прекрасный вечер. Наверно. По крайней мере, все атрибуты для того, чтобы он считался таковым, соблюдены. Отпив немного яблочного сока, я снова оглядываю зал. Рома впервые за долгое время предложил поужинать сегодня вместе, и вот сейчас мы сидим друг напротив друга в моем любимом ресторане. Я уже утолила голод моими любимыми морепродуктами, музыканты играют именно то, что мне нравится, ну или хотя бы не вызывают желания заткнуть уши как в прошлый раз, когда мы ужинали здесь с папой, а ещё сейчас я чувствую себя красивой как никогда: это серебристое платье, что решила сегодня надеть мне невероятно нравится, и в салоне девочки сумели создать образ, который идеально мне подходит. Сначала макияж показался мне немного вызывающим, но спустя несколько минут я привыкла и всю дорогу до ресторана периодически смотрелась в зеркало, чтобы налюбоваться своим видом. В общем, сегодня идеально все: даже Рома отложил свой телефон и пытается со мной общаться, как это делают нормальные пары.

Но несмотря на все перечисленное, меня все равно что-то тревожит. И как бы я не пыталась отбросить это зудящее беспокойство и насладиться этим вечером сполна, это волнение не отпускает весь вечер.

Даже Рома замечает мое состояние:

— Ты какая-то нервная. Светиться от счастья должна — как-никак со своим будущим мужем ужинаешь.

— Наверно из-за работы. Сама не пойму, Ром, — признаюсь я.

Да, Рома недавно сделал мне официальное предложение, но сейчас почему-то даже это не радует.

Удаётся расслабиться, только когда мы выходим из ресторана: я вдыхаю морозный воздух, и меня почти полностью отпускает.

На ступеньках ковер, дорожка от ресторана идеально расчищена от снега, но вот за пределами ресторанной территории сплошной гололёд. Пока мы идём к Роминой машине, которую он оставил дальше, так как мест на парковке ресторана не было, Рома периодически скользит по льду, которым покрылся город после резко стукнувшего мороза, и превратил подтаявший снег в каток размером во всю столицу.

Кто-то даже рад этому, как вон та девчонка, что рассекает по улицам прямо на коньках рядом с бабушкой, но только не Рома, который, спасибо, хотя бы не матерится при мне еле передвигаясь по скользкому покрытию. Я держусь за него, а точнее больше держу его сама под локоть, но и это в какой-то момент не помогает, и Рома все же окончательно теряет равновесие и начинает падать, когда мимо нас проходит какой-то парень. Прохожий быстро подхватывает моего жениха, не дав ему растянуться у своих ног, помогает встать, после чего они оба замирают, уставившись друг на друга.

На улице темно, только уличный фонарь в отдалении освещает пространство, но видимо этого тусклого света хватает им, чтобы узнать друг друга, потому что Рома в миг напрягается, а незнакомец хмыкает:

— Какие люди! — коротким жестким голосом без излишней актёрской наигранности, но именно от этой стали в голосе мне становится не по себе. Но не только от его тона меня прошибает насквозь — я узнаю этот голос.

Парень стоит ко мне боком, да я и не старалась его рассмотреть, пока он ловил грохочущегося Рому, но его голос заставляет меня взглянуться в его лицо. Я замираю. Это действительно он... Его голос...

Рома что-то грубо отвечает, а я продолжаю пялиться на «прохожего» и находиться в прострации. Прошло уже три года с момента, как я видела его в последний раз, а я опять превратилась в молчаливую дурочку, которая только и может, что пялиться на этого парня.

Краем сознания улавливаю, как Рома резко отталкивает его от себя, и не сразу понимаю, что они сцепились. Через считанные секунды, Рома уже лежит на спине и пытается увернуться от летящих в него ударов этого сумасшедшего. Такого же красивого и такого же дурного.

Он постоянно с кем-то дрался и раньше — я думала парни его недолюбливают за его популярность и внешность, а теперь своими глазами вижу как это происходит на самом деле. Вот так сходу начать избивать человека!

Протупив пару ударов, которые Рома все же успел получить, я кидаюсь их разнимать, но моих сил явно недостаточно, чтобы отцепить этого ненормального, который не стал добивать Рому, и схватив за грудки, что-то то ли спрашивает, то ли угрожает. Рома не отвечает. Я вижу на его лице неподдельный страх, и в следующий миг он закрывает глаза.

Испугавшись не на шутку, я делаю очередную попытку помочь Роме, но быстро понимаю, что сил моих не хватает, и почти взмаливаюсь:

— Женя! Отпусти его! Ему уже плохо! — но Женя как будто не слышит — он явно не на шутку взбешён, и тогда я кричу, со всей силы толкая его: — Клыков!

Это наконец срабатывает. Он ослабляет хватку, Рома сразу открывает глаза, а в следующий миг я невольно сталкиваюсь с глазами, что снились мне каждую ночь на протяжении пяти лет, пока год назад я не попала в аварию, после которой некоторое время сны мне не снились вообще.

Женя пристально смотрит на меня, как и я, утопая в его до боли знакомых, но в то же время уже чужих глазах, а Рома воспользовавшись его ступором — по другому и не назовешь то, как Клыков уставился на меня, двигает Жене в челюсть, отчего тот на миг теряет ориентацию. Осознав, что Рома теперь захочет воспользоваться моментом и вернуть то, что успел получить от Жени, я тяну его от бывшего однокурсника:

— Рома, пойдём, пожалуйста!

Женя быстро приходит в себя, и видимо это останавливает Рому, потому что он, сплунув рядом с Женей, все же поддается и идет... А Женя, так ничего и не сказав, молча провожает нас взглядом.

Меня трясет. И теперь я, кажется, понимаю, почему весь вечер я чувствовала себя не в своей тарелке. Вот о чем знала моя интуиция и посылала сигналы.

Прежде чем сесть в машину я оборачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на свою первую любовь. Женя уже сидит прямо на земле, скрестив руки на согнутых коленях, и смотрит в нашу сторону. Мы в последний раз встречаемся глазами, после чего я сажусь в машину, которая трогается и вскоре скрывает нас за поворотом.

Действительно: «Какие люди!» Откинув голову, я закрываю глаза. И мысли сами заполняют сознание.

Узнал или не узнал? Ведь смотрел он на меня так, как никогда раньше... А если все же узнал, то интересно, почувствовал хотя бы что-нибудь отдалённо похожее на то, что испытала я?

Глава 2. Больше не торкает

Маша

Три года. Три года я его не видела. И думала никогда больше не увижу. Думала он уехал в свой город на юге страны или за границу, но никак не представляла, что он в Москве. Так близко. Неужели за эти три года мы ни разу с ним не пересекались?

Да, именно этого я и хотела — не встречаться с ним больше, поэтому и перевелась в другой вуз на третьем курсе сразу после первого семестра, не став ждать даже окончания учебного года, но все же всегда надеялась, что ненароком увижу его вновь где-нибудь в городе. Да что там, даже приходя на пары в другую группу, в другие аудитории, все полтора года где-то на глубоко-подсознательном уровне желала вновь увидеть его и выдохнула, лишь когда получила диплом, потому что даже стены другого вуза, другие преподаватели не помогли не представлять его привычно сидящим на парте и болтающим с очередной однокурсницей, когда я заходила в аудиторию. После выпуска я уже перестала искать его глазами, будучи уверенной в том, что его в Москве больше нет. Но скорее всего все эти полтора года после окончания универа он был в одном со мной городе. Так близко... И столица действительно ему очень к лицу — вон как уверенно он держался на Московском льду и даже ловил некоторых коренных москвичей, которых после этого ещё и бил, кстати.

Моя первая любовь. Мой первый мужчина, который долго оставался единственным — я не могла решиться на близость с Ромой долгое время, а Рома все понимал и не торопил. До сих пор благодарна ему, что с пониманием отнесся к моей просьбе не спешить. Смешно: после того раза с Женей такого не было, а тут вроде уже серьёзные отношения, а чувство будто грязно, не должно. Хотя никогда я не гналась за моралью, вон даже Клыкову отдалась непонятно чем думая, но все не могла пересилить себя с Ромой.

— Когда любишь, способен ждать. А я люблю тебя, Маш, — так Рома мне говорил, и эти его слова всегда помогают мне вернуть мозги на место, когда начинаю сомневаться в решении связать себя с ним на всю жизнь. Он действительно любит. Несмотря на сидение в телефоне, несмотря на немного разные взгляды на жизнь и даже несмотря на тот неприятный случай в клубе, который папа все никак не забудет. Рома даже видел мой ужасный шрам на теле, что оставила мне на память та авария, и даже после этого не передумал на мне жениться.

А для меня это ценно. Ценно, когда мужчина не обращает внимания на внешность, а любит за внутренний мир. Я часто против воли сравнивала его с тем же Женей, который водился только с красивыми, а за одной первокурсницей даже бегал и убивался по ней, после того как она выбрала не Женю, а его друга Андрея.

Но Рома не такой. Он всегда подчеркивает, что ему нравится мое содержание, а не обертка, хотя и над ней я, признаться, поработала.

Интересно... Выгляди я также как сейчас три года назад, обратил бы Клыков на меня свое драгоценное внимание, или его всегда интересовали либо стервы, либо те, кому он не нужен?

Мы почти доехали до моего дома, и все это время я плавала в воспоминаниях, в то время как Рома периодически матерился, высматривая в зеркале свои ссадины.

— Этот урод хотел меня убить!

Не хотел. Я была там и все видела. Хотел бы — убил. Ему ничего не мешало, даже я,

которая и на миллиметр не смогла отодвинуть его. Конечно, поначалу мне это все безобидным не казалось, но вот анализируя уже сейчас, я понимаю, что Рома преувеличивает. Но этого я, естественно, не произношу.

Только за что Рому пусть не так агрессивно, как он сейчас рисует, но все же мочил Женья?

— Откуда вы знаете друг друга? — решаю вынырнуть из своего молчания.

— Как понял, вы с ним тоже знакомы, вон и фамилию его на раз назвала? — с претензией отбивает мой вопрос Рома.

Эта его манера не отвечать на вопрос сразу, переводя стрелки, раздражает, но часто я просто игнорирую порыв указать ему на это, как делаю это и сейчас, и просто отвечаю:

— Мой однокурсник. С первого вуза.

«Тот из-за кого я перевелась во второй, где познакомилась с тобой», — озвучиваю лишь в своей голове.

— А вы откуда знакомы? — вновь предпринимаю попытку узнать не дающий покоя момент.

— Бизнес, — многозначительно отвечает он, выкручивая руль для поворота, после чего все же поясняет: — Этот придурок предъявил, что я его облапошил.

— А это так?

— А это бизнес! — на эмоциях выкрикивает Рома. — Он думал мы в детском садике? Здесь все играют не по правилам. Подумаешь, не тот товар поставил — прописывать в договоре надо было все, а раз не догнал до этого, то это уже не мои проблемы! Недоумок.

Ответ Ромы немного проясняет ситуацию, и теперь Женья не выглядит абсолютным неадекватом. Но все же, вместо того, чтобы решать вопросы дипломатично, Клыков почему-то решил отыграться кулаками. Где были раньше мои глаза? Он ведь всегда был такой.

Дальше до дома доезжаем в тишине, а точнее под периодическое бурчание Ромы. Меня он больше не трогает, чему я несказанно рада, так как сил даже просто на разговоры нет — все ушли на поддержание нормальной работы организма после этой встречи.

Доехав, сухо прощаюсь с Ромой и возражаю на его предложение проводить меня — возле подъезда также скользко. Не хватало, чтобы еще здесь его кто-нибудь ловил и бил после этого.

Захожу домой и напрямик иду в ванную, где тщательно разглядываю свое отражение в зеркале.

Действительно прекрасный вечер. И да, жаль, что мы увиделись при таких обстоятельствах, но все же я рада, что это произошло сегодня — несмотря на то, что на лице уже отражается усталость, выгляжу я очень красиво.

Мда, кое-кто помял моего жениха, но зато я радуюсь, что была при параде. Вот что я за человек такой?

Страхивая ненужные мысли, принимаюсь за снятие макияжа, после чего раздеваюсь и иду в душ, под которым меня осеняет: меня больше не торкает от Жени!

Боже! Какое же это счастье осознавать, что избавилась от разрушающей зависимости. Да, я не часто вспоминала его в последнее время, отношения с Ромой также в этом помогли, но вот для той меня, которая надыхаться не могла на своего кумира, то, что я испытываю сейчас после встречи с ним — огромное достижение. Я даже могу спокойно о нем думать, а не улетать в фантазиях о совместном будущем! Боже...

Совсем я была юная и незрелая, возводя Клыкова в ранг идеалов, а он обычный парень.

Классный, со своими плюсами и даже минусами, что подтвердилось сегодня, но все же обычный, такой же как все. Такой же как Рома. А может даже хуже. Не зря я тратила папины деньги на психолога. И да, несмотря на долгую работу над внешностью, основная работа была проделана мной в совсем иной плоскости. Я наконец научилась любить себя...

Выхожу из душа, ещё раз смотрю на себя и, вдыхая полной грудью, тихо радуюсь этим переменам в себе.

Но вот уснуть сразу все равно не могу. Видимо сказывается пережитый стресс. Заранее ставлю будильник на попозже, чтобы хотя бы утром наверстать час сна, и оставляю время только на быстрые сборы. И, конечно, с утра не успеваю полноценно привести себя в порядок.

Ладно, зато кожа и глаза отдохнут от косметики.

Одеваюсь тоже мрачновато — в то, что первым попадает под руки: чёрный свитер и серые брюки. Сегодня весь день просижу в кабинете, поэтому могу себе позволить побыть серой мышкой.

Вызываю такси и еду на работу.

Работаю я в модельном агентстве. Нет, конечно, не моделью. Не тот рост, да и внешность все же не проходит по стандартам, потому что меняла я себя максимально естественными способами, даже губы не увеличила, как того требуют запросы современных агентств.

Работаю я фотографом. Папа хотел устроить к себе, чтобы в будущем я возглавила его компанию, но я поняла, что мне это совсем не интересно, и после длительных бесед мне все же удалось убедить его хотя бы дать попробовать себя в том, что мне отзывается на данный момент.

Придя на работу, сразу включаюсь в последний проект, который нужно закончить как можно скорее, и отвлекаюсь от обработки фотографий только тогда, когда раздаётся звонок телефона. На экране высвечивается Фина — моя начальница и владелица фотоагентства.

— Мащ, у нас тут клиент. Подойди, пожалуйста.

— Я? А Настя где? — не совсем понимаю я столь странную просьбу.

— Настя на месте, но молодой человек просит фотографа.

— А Яся где? У меня работы итак много — я не возьму новый заказ, — отрезаю я, все еще не понимая, зачем могла понадобиться, ведь Фина все это прекрасно знает и без моих напоминаний.

— Яся не подходит. Просят именно тебя, — достаточно учтиво говорит Фина, а потом ее голос не срывается на гневный шепот: — Я тебя уволю, если ты ещё что-нибудь скажешь. Бегом на ресепшн.

Конечно, она не уволит, но, все же решив не провоцировать начальницу лишней раз, я послушно бросаю работу и иду куда велено. Но, когда вижу, кому именно я понадобилась, то просто обмираю на месте. Там стоит Женя!

Глава 3. Здравствуйте

Женя

Маша явно не ожидала меня здесь увидеть. Вообще было бы идеально, если бы эта встреча прошла без свидетелей, но сначала администратор, а потом и хозяйка сего места отказались пускать меня напрямик к Маше, ссылаясь на строгий пропускной режим. Ага. В фотоаппаратной или как они там себя называют.

Но все же я удовлетворен, потому что изумленная Маша стоит сейчас в двух метрах от меня. Повезло, что ее босс догадалась, что мне нужна именно она, и мое: "Мне нужен фотограф желательного с экономическим образованием" сработало, потому что напрямую ее имя назвать я не мог — обещал, что никогда не подойду к ней сам, причем два раза. И да, фактически это можно назвать нарушением — я это понимаю, но все же я должен был ее увидеть после нашей вчерашней встречи.

Увидев ее вчера, сначала подумал, что откинулся. Ну реально, такая красивая и одновременно родная. Ангелы ведь наверняка такие: необычайно прекрасные, как никто из людей, и близкие, будто давно их знаешь. Да и знала, как меня зовут. Но что-то не вязалось. Какого хрена мой ангел ушел с этим мудаком?! Это же за херню вообще?

Да ладно, понял я, что это Маша. Не сразу, но понял. А потом пялился на то как она уходит с этим... И факт в том, что не будь она вместе с этим придурком, я бы прошел мимо, даже не узнав ее в темноте.

Но что она вообще делала рядом с ним? Как вообще могло такое случиться, что она имеет какое-то отношение к этому говнюку? Мечтал ему втащить уже несколько дней, и тут он сам упал ко мне в руки — грех было не воспользоваться.

Держать обиды не в моем стиле, но этот козел задел за живое. Деньги, что мы должны были выручить с продажи, нужны были не мне — я обещал их Мишке, моему ассистенту, который собирался потратить их на лечение матери. Чуть не накрылась ее операция, и в который раз выручил Андрюха. Но я был по-прежнему зол на этого упыря, который вместо 220-ваттных компрессоров поставил 140-ватные. Пятьсот штукблин! Я ещё, идиот, договор нормально не составил, понадеялся на добропорядочность, ведь обсудили все, да и до этого никаких проблем с поставщиками не было, но хрен там. Меня барыги на рынке так не кидали так, как это чмо. Если бы не Маша — он точно не отделался бы несколькими ударами.

А Маша... В ней всегда было что-то манящее для меня, что я, правда, старательно игнорировал в универе. Причем я до сих пор не разгадал что именно, потому что это была точно не внешность, тем более три года назад. А разгадать я пытался — не забывал ее почему-то. Наверно, не исчезни она так резко и продолжай пялиться все время, не грузился бы, но ее поступок заставил взглянуть на нее по-другому. Точно не как на обычную девушку, с которыми я часто имел дело и даже не парился, после того как они мне надоедали.

Я реально привык к ее постоянному вниманию и воспринимал как должное. Но после ее перевода из нашего вуза мне стало ее не хватать. Не так как Ангелины — девушки с которой расстался на тот момент, когда мне она предпочла моего друга Андрея. От отсутствия Маши мне было не так остро, не так больно, но так грустно и пусто, будто потерял что-то очень близкое. А потом ещё и Андрей, словно специально, бил по больному, периодически что-то спрашивая про Машу. Хотя я даже не сказал ему, что мы переспали в

тот злополучный день моего рождения — вот уж кто действительно сделал мне ценный подарок. Жаль я этого тогда не оценил.

— Маш, это наш новый заказчик, — обращается к ней ее начальница, пока я люблю ее растерянностью, а затем поворачивается уже ко мне: — Прошу, Евгений, присаживайтесь. Вот, это Мария, наш самый лучший фотограф, с высшим образованием. Все сделает в лучшем виде. Сейчас Анастасия вам кофе принесёт.

— Спасибо, кофе не надо. Можно чай?

Та кивает, а я вновь перевожу свой взгляд на Машу.

Она выглядит по-другому. Совсем не как вчера. На ней невзрачная скромная одежда, волосы собраны в пучок, на лице, я уверен, нет косметики, а я все равно люблю. Люблю и пытаюсь найти хоть один изъян в ее внешности, но похоже ее отец соврал тогда, потому что ничего такого я не вижу. Наоборот, она изменилась в лучшую сторону: неужели сделала операцию? Почему-то думал, что она на такое не пойдет, хотя с ее деньгами, точнее с деньгами ее папаша это скорее ожидаемо.

— Здравствуй, Маша, — когда ее босс отходит, и создается иллюзия уединения, обращаюсь наконец к ней.

— Здравствуйте, — в нарочито деловом тоне отвечает Маша.

Понятно. Будем играть в деловые отношения. Ну окей.

— Мария, — выделяю ее имя и без прелюдий перехожу к официальной части, точнее к предложению, под которым я здесь. — Меня интересует съёмка с самыми лучшими вашими моделями. СКЮ будет три, но мне нужно по три образа на каждый предмет и желательно с разными аксессуарами.

— Хорошо, я поняла вас, но вы могли это обговорить с Настей — нашим администратором, и прописать в тз. Необязательно для этого отвлекать меня от работы. Или у вас какая-то отдельная просьба ко мне? Пока что ничего нестандартного или из ряда вон необычного вы не озвучили, — она смотрит на меня с вызовом, и я едва ли не чувствую угрызания совести за то, что посмел оторвать ее от дел. И почему я решил, что будет просто...

— Видите ли, Мария, я хочу быть уверенным, что товар на фото будет выглядеть наилучшим образом, а для этого мне нужно было познакомиться с вами, чтобы понимать, кому я доверяю столь ответственную работу. Я немало плачу за этот заказ.

— Вы уже обсудили с Финой стоимость? — поднимает вверх она свои прекрасные бровки.

— Да, приблизительно, и за скорость я дополнительно плачу 100 % от суммы.

— К чему такие траты? — спрашивает она спокойно, в своей манере. Она никогда не была особо эмоциональной, и в этом есть своя прелесть. Конечно, она поняла, что я здесь не только ради фото.

— Люблю красивых девушек. А модели у вас самые красивые, что я видел, — хочется позлить ее за высокомерие и мне это удаётся: в ее глазах вспыхивает пламя, но она быстро берет себя в руки.

— Хорошо Евгений. Как вас по отчеству?

— Можно просто Женя и без отчества, — делаю попытку прекратить этот фарс.

— Хорошо Евгений, — упрямо игнорирует она мои слова. — Я действительно тороплюсь — мне нужно успеть за сегодня обработать кучу фотографий. Вы, пожалуйста, вносите все в тз, а если у меня возникнут вопросы — я вам наберу. И если у вас возникнут

вопросы — не обязательно приезжать, вы мне можете позвонить.

— Отлично. Есть визитка? — незамедлительно пользуюсь предложенным вариантом.

— Эмм... Позвоните на ресепшн — я подойду, — уже не так бодро отвечает Маша, пытаюсь слиться.

— Думаю, это будет не совсем удобно.

— Да, вы правы, — сдается она. — С собой визитки нет, поэтому можете записать.

Она диктует номер, после чего я все же не сдерживаю улыбку и прощаюсь с ней. Сегодня у меня тоже много работы.

— До, встречи.

Глава 4. Кто он?

Маша

Женя стоит слишком близко. Слишком, чтобы я могла оставаться максимально спокойной. Все же я вчера переоценила себя. Он просто. Не может. Не волновать. Боже, да он красив как греческий бог! И если раньше он был смазливый парнем, то сейчас он уже больше похож на потрясающего мужчину. Он стал еще красивее, хотя еще пару лет назад я думала, что никого красивее быть не может. Оказывается может — он сам спустя два года. Интересно: у него теперь каждый день новая или хотя бы через день? Раньше считала, что менять девушек раз в месяц это часто, а сейчас не удивлюсь ничему.

И вот кто точно утром нашел время на себя: такая прическа явно была создана с помощью укладки. Черная футболка полуоблегает увеличившиеся со времен универа мышцы торса, а от куртки, что он держит в руках, да и от него самого исходит умопомрачительный запах морского одеколona. А еще от него исходит запах уверенности. Той уверенности, что придают мужчине деньги.

И когда он говорит своим сногсшибательным голосом: «Здравствуй, Маша», я понимаю, что буду вспоминать это еще несколько дней. Зачем он приперся?!

Решаю сразу обозначить дистанцию. Он пришел якобы по делу, вот пусть тогда так и остается, иначе мне трудно будет не вляпаться снова, потому что да, он берет своим обаянием, внешностью и харизмой — на это сложно не вестись, а больше ничего в нем нет. И к тому же я знаю, что с любовью такие чувства ничего общего не имеют.

Что ему надо от меня вообще?

И когда они успели с Финой обсудить стоимость? Ушлый какой. И щедрый.

— К чему такие траты? — спрашиваю его, когда он упоминает сумму, но тут же жалею.

— Люблю красивых девушек. А модели у вас самые красивые, что я видел, — отвечает он, а меня огнем обжигает от этих слов. Он совсем не изменился — такой же бабник как и был, но почему меня это задевает!

Стоп.

Я больше не вляпаюсь в это снова...

После огня меня будто окатывает холодным душем, и я прихожу в себя. Это Женя. Да, он классный на вид, возможно цепляют его феромоны, но он тот, кто однажды сделал мне больно, а значит я точно не буду сейчас реагировать на него хоть как-то. Не важно зачем он пришел сюда — я просто сделаю свою работу, и мы разойдемся. Больше ему ничего не светит: ни единой моей эмоции и уж тем более ни единой слезинки. И у меня есть Рома, которого я люблю.

От этого решения мне сразу становится легче, и опять я смотрю на Женю трезвым взглядом. Поэтому когда он пытается перевести наши отношения в неформальный вид своим «Можно просто Женя и без отчества», я возвращаю его на место:

— Хорошо Евгений. Я действительно тороплюсь — мне нужно успеть за сегодня обработать кучу фотографий, — правда зачем-то отчитываюсь я, а следом и вовсе сама себя загоняю в ловушку. — Вы, пожалуйста, вносите все в ТЗ, а если у меня возникнут вопросы — я вам наберу. И если у вас возникнут вопросы — не обязательно приезжать, вы мне можете позвонить.

Женя сразу улавливает смысл и цепляется за это. Ну какое «можете позвонить»?!

И, конечно, в итоге я диктую ему свой номер.

Он уходит, а его победная улыбка еще долго стоит перед глазами.

Медленно плетусь к себе, но когда прохожу мимо Фины, она машет из кабинета, приглашая к себе. Вообще она Афина, но ей не нравится быть созвучной чужеземной столице, а тем более богине войны, пусть и справедливой, и поэтому она говорит называть ее Финой.

— Итак. Кто это? — едва захожу к ней, налетает с вопросом она. — Не, я привыкла, что к Полине то и дело хахали наведываются, от других это ожидала, но вот с тобой проблем, Маша я никак не предвидела.

— Ну каких проблем, Фина?

— А то ты не знаешь! Ни один мужик переплачивать не будет! Запомни! Затрахаёт ещё своими придирками. Кто он?

— Бывший однокурсник, — вполне честно отвечаю я.

— Спала с ним?

— Что за вопросы! — ахаю я и невольно краснею.

— Яс-с-с-но, — вздыхает она. — О боги, ладно, хоть платит нормально, буду держать фокус на этом, чтоб не свихнуться. Все, иди. Видеть тебя не могу, — машет она головой, утыкаясь в свой комп, и в следующую секунду вновь поднимает взгляд на меня. — Стой. Что с Уваровым? Сколько ещё фоток осталось?

— Пятьдесят.

— Что так долго-то? Опять у Полины лицо отёкшее? Уволю нахрен.

— Не отекшее. Татуировку Уваров попросил убрать.

— Ну точно уволу — говорила не вздумай этого дракона лепить! Нет, чтобы маленькую, аккуратненькую. Ой... Если бы не морда ее красивая. Ладно, работай, Машунь, — уже мягко заканчивает она.

Возвращаясь к себе, сразу достаю зеркало. Мда, это прям какое-то издевательство после вчерашнего. Не надо было так радоваться, что Клыков застал меня в лучшем виде — сегодня пришло возмездие. Чуть ли не хнычу, представляя, как выглядела перед ним. Круги под глазами ушли, но вот волосы, которые я даже не потрудилась привести в порядок, перед тем как выйти из кабинета, просто удручают.

Оставив самокритику, приступаю к работе. А через несколько минут открывается дверь и только потом раздаётся тихий стук.

— Мааш, можно?

— Да, конечно, Насть, — говорю я и вопросительно смотрю. Обычно она заходит по рабочим вопросам, вот только сейчас выглядит не так энергично как обычно.

Она заходит и аккуратно садится на стул, а потом с загоревшимися глазами говорит:

— Признавайся, кто такой этот Евгений Александрович, — выделяет она его имя особой интонацией.

— Александрович? — переспрашиваю я.

— Ага, на визитке написано. Ну так что с ним? Он клеится да? Свободный значит?

Я лишь успеваю с улыбкой закатить глаза. Такая вот Настя: ее слабость — красивые парни. Хотя о чем это я. В этой комнате это точно не только ее слабость. По крайней мере касается Жени — я и сама когда-то была под его чарами.

— Ты как за Рому выйдешь, дашь мне его номерок? — едва ли не облизываясь, продолжает она.

— У тебя же визитка есть. Зачем ждать, когда я выйду замуж, — говорю и слышу нотки то ли усталости, то ли грусти в своем собственном голосе.

— Ой, я умоляю. Я его как увидела и узнала по чью он душу, подумала, что накрылась ваша свадьба, — хихикает Настя, — но заметила потом, что не очень-то ты ему рада, да? Поэтому если Рома все же не обломится, то ты знаешь кто в очереди за этим перчиком. Видела на какой он тачке приехал?

— Нет.

— На Audi A6! — восклицает она, но увидев, что мне это ничего особо не говорит, Настя цокает, а потом добавляет: — Она стоит больше пяти лямов!

— Ладно, — вздыхаю я, так как мне не особо интересно, на чем он там приехал — все равно не особо разбираюсь в машинах, да и недолюбливаю их уже год как, — расскажи, что вообще было.

Настя в красках начинает описывать, как Женя зашел и какие эмоции она при этом испытала, и потом, наконец, переходит к сути:

— Ой, он зачем-то мозги крутил. Не мог сразу сказать: «Хочу Машу»? Хорошо Фина догадалась с третьей попытки. Ну я, если честно, тоже вообще не могла представить, что он к тебе.

— Почему? — мне вдруг стало обидно: красивые парни не могут интересоваться мной?

— Думала не твой типаж. Он же нифига не зануда, как твой Рома, например.

— Настя, Рома не зануда, — поправляю ее.

— Ага, ага, — кивает она с таким видом будто спорить не станет, но останется при своем мнении. — Ладно, пойду, а то вдруг опять какой-нибудь красавчик придет, а тут вместо того чтобы там, — игриво хлопает она глазками.

— Ой, Насть, — смеюсь я. — Откуда ты такая только.

— Из Саратова я, госпожа столичная в десятом поколении.

— В пятом, а не в десятом. Когда запомните уже, — бурчу я. Один раз ляпнула, так они теперь постоянно припоминают это.

Настя уже почти скрывается за дверью, когда я все же решаюсь попросить:

— Насть... Принеси потом, пожалуйста, его визитку.

Я просто посмотрю, мне интересно как он там записан. Это ничего не значит, — уверяю себя.

Глава 5. Все-таки написал

Маша

Домой возвращаюсь поздно. Рома, конечно, не смог забрать и подвезти — несмотря на то, что сейчас зима, у них во всю идет подготовка к весеннему сезону, и работы много. Я его понимаю — сама трудоголик в какой-то степени.

Придя домой, быстро готовлю кушать овощи с креветками. Последние, кстати, закончились — надо не забыть купить завтра, как впрочем и остальные продукты — почти ничего не осталось.

Поужинав, звоню папе. Обычно он сам набирает меня, но видимо, эти дни тоже занят на работе.

— Привет, пташка, — почти сразу отвечает на звонок он. — Как ты?

— Нормально-о, — тяну я, почему-то вспоминая внезапно свалившегося на меня Женю. Хочется поделиться хотя бы с кем-то своими переживаниями, но вот про Женю папе точно ничего говорить не надо. Это табу. Я помню, каким злым он был, когда по глупости, а может и по необходимости я поделилась с ним своими чувствами. Он сказал, что убьёт Клыкова, и я всерьез переживала, что он это сделает.

— А ты как, пап? Совсем что-то не звонишь.

— Да Сергей в отпуск ушёл, а мы не нашли кого поставить временно, вот и кручусь теперь как белка в колесе. Когда домой приедешь?

Хочется сказать, что я дома, но не хочу расстраивать папу. Сколько пыталась его убедить, что настала пора мне жить пусть скромной, но самостоятельной жизнью, удалось убедить его без дальнейших споров дать съехать, только когда заявила, что до работы добираться по пробкам не удобно, особенно учитывая, что квартира папы расположена в центре, а там жуть, что творится утром. И то папа порывался купить мне квартиру, чтоб «не таскалась по съемному жилью». Мне же всего-навсего хотелось хотя бы полгода побыть самостоятельной. В итоге эти полгода растянулись на полтора, а мне по-прежнему нравится быть самостоятельной, несмотря на то, что люблю своего отца безгранично.

— На выходных постараюсь приехать, пап.

— Можем поехать куда-нибудь. На рыбалку хочешь?

В детстве я любила рыбалку, как и все, что связано с водой и морем, но потом мне стало жалко рыб. Такой вот парадокс, рыбу и особенно морепродукты я обожаю, а вот ловить и лишать их жизни уже не очень.

— Давай лучше побудем дома, приготовим что-нибудь вместе.

— Можно и так, — соглашается с предложением папа. — Хлюпик-то твой планы не строил на эти выходные?

— Папа, он не хлюпик. Он и в зал ходит, между прочим. И я люблю его — не говори о нем так, — защищаю Рому, а сама невольно сравниваю с Женей — вот кто точно не хлюпик. Как только смог так возмужать... — И нет, с ним никаких планов нет — он сейчас на работе загружен.

— Ага, ты и тогда так говорила, — опять припоминает папа тот случай.

— Пап, ну мы же договорились не поднимать ту тему больше. Вышло недоразумение.

— Надеюсь Машунь. Ты у меня умница. В обиду себя не дашь. И я не дам, пусть знает.

Эти слова вселяют сил и уверенности. Только примеряю я их не по отношению к Роме,

а по отношению к совсем другому человеку. Да, я уже не та влюблённая дурочка и точно не собираюсь страдать, как делала это на протяжении больше двух лет. А папа действительно сделал тогда все, чтобы я скорее могла справиться со своей «болезнью».

— Ладно, пап, пойду уже потихоньку готовиться ко сну, а то не выпалась сегодня, а завтра трудный день, — произношу, а у самой мурашки, когда представляю, что завтра вновь может заявиться Женя.

— Спокойной ночи, дочка.

— Обнимаю, пап.

Нажимаю отбой и вспоминаю о Роме. С этой работой он даже не может сообщение написать. Вот уж участь невесты, а вскоре и жены успешного человека.

А в следующую секунду телефон в руке оживает вибрацией и звуком сообщения. Как быстро реализуются мысли: все-таки написал, — улыбаюсь я.

«Добрый вечер. Чем занимаешься?»

Вот только вместо имени над сообщением виднеется номер, и сердце уходит в пятки, когда узнаю цифры.

Настя все же принесла визитку. Стильную и интересную, как впрочем, и ее хозяин, который значился как Клыков Евгений Александрович, без указания должности или ещё какой-либо информации помимо номера. И это странно: ведь нерационально так делать — люди могут забыть. Впрочем, это Женя, а он все же не дурак, и иногда его вообще не понять. Особенно мне.

Номер вбивать в контакты я не стала, но сложно было не запомнить четыре девятки на конце.

Все-таки написал.

Причем опять на ты. И как ему вообще в голову пришло спрашивать, чем я занимаюсь? Ладно бы ещё спросил как дела, но и этого не следовало делать — не надо было вообще мне писать.

Одновременно с этими мыслями улавливаю в теле совсем противоположную эмоцию... Блин, я ведь на самом деле в какой-то степени рада его сообщению. Как можно научиться это контролировать? Не хочу я радоваться такому.

И что мне ответить? Не вступать же в переписку.

Точно. Можно ведь просто игнорировать.

Но руки все же чешутся — где-то на подкорке зудит незавершенность, так как до этого я практически никогда не оставляла сообщения без ответа, поэтому я не выдерживаю и, чтобы обмануть мозг, пишу Роме:

«Как дела? Я соскучилась», — добавив сердечко в конце сообщения.

Ответ приходит через пять минут, за которые я не выпускаю телефон из рук:

«Я занят. Много работы».

Настя права — он и правда зануда, вот только это не повод не любить человека. И будто в подтверждение моих слов приходит следующее сообщение от Ромы:

«Люблю тебя. Скоро идем в ЗАГС подавать заявление, не забывай, моя будущая жена».

Вот. Самое главное — это любовь. Мы ведь не подростки переписываться по десять раз на дню.

Да, жаль, конечно, что и будучи подростком у меня такого не было... Но не грузить же теперь этим Рому, он-то не виноват.

Сама не знаю зачем, открываю сообщение от Жени. Да что будет, если я просто отвечу!

Раздула из комара гиппопотама.

Пишу:

«Гадаю, зачем тебе это все».

И тут же стираю. Нет. Не хочу давать знать, что думаю об этом.

Набираю другой текст:

«Лучше писать в рабочее время. Сейчас я уже дома. Что-то срочное?»

Нажимаю отправить и необычайно горжусь собой. Правда очень скоро это чувство сменяется другим, когда приходит следующее сообщение от Жени:

«Конечно. Хотел пожелать спокойной ночи одной замечательной девушке».

Губы против воли трогает легкая улыбка. Хочу связвить, чтобы у Клыкова больше не было желания писать подобное и вызывать у меня такие эмоции, но в голову ничего дельного не приходит, поэтому просто пишу ему «Спокойной ночи» в ответ, ставлю телефон в авиарежим и убираю подальше. Потому что если Женя вздумает еще что-нибудь написать — я и сегодня не усну.

Долго ворочаюсь, пытаюсь найти удобную позу и выключить мысли. Наконец, недосып делает свое дело, и я засыпаю.

А утром меня ждет очередной сюрприз.

Глава 6. Начнем?

Маша

Сегодня у меня запланирована съемка с Олей. Пока еду в такси уже представляю возможные образы и интересные позы. Такси попало с незатемненными задними окнами, и я люблю ярким зимним солнцем, счастливо морщась и подставляя лицо его теплу. Утром я встала пораньше, и поэтому успела свою обычную утреннюю программу: душ, зубы, завтрак и легкий макияж, что также добавляет баллов для хорошего настроения.

— Привет, — здороваюсь с Настей, придя на работу.

Настино настроение, судя по всему тоже на высоте — она прямо сияет, увидев меня.

— Доброе утро, — улыбается она.

Что это с ней, интересно. В последний раз у нее глаза так светились, когда мы снимали одного известного парня-модель, она тогда еще упрямо не вылазила из студии, прикинувшись зрителем.

Захожу в кабинет за фотоаппаратом и ноутбуком и иду в студию, а войдя, понимаю истинную причину Настино настроения — развалившись в моем кресле, туда-сюда крутится Клыкков!

Точно! Было во взгляде Насти еще и некое ехидство. Вот зараза — ничего не сказала!

Я наблюдаю как Женя елозит мое кресло, пока он решив сделать круг, не видит меня.

Сегодня на нем белая футболка, которая невероятным образом подчеркивает красоту его смугловатой кожи. Сейчас замечаю, что весь его образ выглядит дорого: на руках премиальные на вид часы, одежда явно не из масс маркета, опять же уложенная прическа и обалденный парфюм.

Как он успел разбогатеть за это короткое время? Конечно, до уровня папы ему еще далеко, но некоторым не хватает и жизни даже для такого. А еще папа ошибался: никакой Женя не болотный нищоброд, которому никогда не суждено заработать хотя бы на одно мое платье — так папа утешал меня три года назад. Тогда мне, конечно, было все равно сколько зарабатывает Женя и из какого он социального слоя, но папа так уверенно говорил об этом, что на какую-то долю меня отпускало. Но все же я понимала, что неважно сколько у Жени денег — он все равно не купит мне ни-че-го, потому что я ему попросту не нужна.

— Мария, здравствуйте! Вы опаздываете, но ничего, я рад, что вы пришли.

Я нервно смотрю на часы: две минуты десятого. И то они прошли, пока я смотрела на его виляния.

— Начнем? — спрашивает он, хлопая руками по подлокотникам и выпрямляя спину.

Гневная тирада, которую я собралась обрушить, отодвигается на задний план, потому что? Начнем? Что это вообще значит?

— Вы хотите присутствовать на съемке? — догадываюсь я, но все же не веря до конца, решаю уточнить.

— Нет, — его ответ вгоняет в ступор, но не успеваю я выдохнуть, как он уточняет, — не просто хочу, но ещё и буду. Фина в курсе.

Класс. Ей от денег совсем башню снесло? Он же не 300 % доплачивает, чтоб так работу усложнять, причём, не только мне. Известно, что заказчики не могут себя адекватно вести, наблюдая за процессом и не мешая при этом. Да и редко встретишь таких, кто изъявляет подобное желание — у них обычно много других дел. В отличие, видимо, от Жени.

— Вы не доверяете нашему агентству, Евгений Александрович? — вспоминаю его отчество.

— Почему же, Мария Владимировна, доверяю, иначе бы меня в вашем агентстве не было. Не переживайте, я просто понаблюдаю за процессом, — с мягкой обезоруживающей улыбкой говорит он. — Вы меня даже не заметите.

Ох, разве это возможно: не замечать тебя? Это такое наказание для меня? За что?

Понимаю, что спорить смысла нет, и чем быстрее отфоткаю, тем быстрее избавлюсь от его общества, прекратив этот фарс.

Надеюсь он не будет флиртовать с Олей, отвлекая ее от работы.

— Хорошо, как вам будет угодно.

В этот момент в студию заглядывает Саша — молодая девочка, что помогает готовить одежду для съемки. В основном это отпаривание, но иногда бывает надо что-то прогладить утюгом или подшить.

— Саш, привет. Ты как раз вовремя, — обращаюсь к ней. — Где вещи для съемки? — спрашиваю уже у Клыкова. — Нам нужно подготовить их к съемке: отпарить, отгладить если потребуется.

— Они уже готовы, — отвечает он и взглядом показывает на угол комнаты, в котором уже распакованные стоят какие-то металлические штуки, которые я даже не замечала все это время.

— Что это? — ошарашено смотрю на точно не предметы гардероба, которые ожидала увидеть.

— Карбюраторы.

— Это не одежда! — восклицаю я.

— Да, это запчасти для машин, — как ни в чем не бывало объясняет он, словно тупой блондинке.

— Ты издеваешься? Зачем тогда модели? Ты мог просто заказать предметную съёмку.

— Ты предметной съёмкой не занимаешься. И заметь сейчас ты первая перешла на ты.

— То есть ты уже не собираешься притворяться, будто тебе нужна съёмка? Зачем ты достаешь меня?

— Видишь ли, Маша, на самом деле цель не совсем достать тебя. Но вот карты я раскрыть не могу. Извини, это бизнес, как говорил один мой знакомый.

Я понимаю, про кого он говорит, потому что сразу в голове всплывает голос и интонация Ромы, с которой он говорил тогда в машине: «А это бизнес!»

Но обдумать не успеваю. Заходит Оля — модель, что пришла для съемки, и, видя Женю, немного меняется в поведении. В походке, пока она подходит к нам, появляются умелые виляния бёдрами, глазки не отрываются от Клыкова, а голос, с каким она произносит «Здравствуйте» и вовсе отдаёт откровенным флиртом.

— Что снимаем сегодня? Надеюсь не нижнее белье или купальники? — произносит так, будто на самом деле надеется.

Если бы она села на Женю — я бы даже не удивилась — это бы смотрелось очень гармонично тому, как она себя сейчас ведет.

— Карбюраторы, — отвечаю ей тоном гопника.

Лицо у меня наверно соответствующее, потому что, посмотрев на меня, она сразу подсобирается и спрашивает серьезнее:

— Это что? Я только кардиганы знаю.

Взглядом киваю на угол комнаты и, пока она пытается понять, говорю:

— Сегодня предметная съемка, но ты рядом постоишь, попозируешь. Надень сначала вон то желтое платье, думаю, оно хорошо будет смотреться тут. Что скажете Евгений Александрович?

— Делай, как знаешь — я тебе доверяю, — игнорирует он мои потуги вернуть дистанционное «вы», а мне становится на это уже все равно. — Я же сказал, что просто понаблюдаю.

Мы приступаем к съемке, водрузив первый из трех карбюраторов на стол, и Женя действительно ведет себя тихо, как и обещал, никак не вступает в коммуникацию с Олей, хотя сама она пару раз пыталась заговорить с ним. Но... Большое, огромное «но». Он все время смотрит на меня, и я буквально чувствую его взгляд.

Сначала я думала, что накручиваю себя, но, не выдержав и обернувшись первый раз, я натываюсь на его расслабленный гипнотизирующий взгляд. Также как и во второй и в третий.

Мне уже даже хочется, чтобы он начал разговаривать, лишь бы избавиться от этого въевшегося под кожу внимания, от которого по телу то и дело пробегают мурашки, будоража и волнуя обычно спокойную меня. Поэтому, когда поворачиваюсь в четвертый раз, чтобы попросить его не рассматривать меня, он словно прочитав мои мысли, отводит глаза в сторону.

За два часа съемок мы меняем образы и карбюраторы, которые для меня почти одинаковые, делая просто кучу фотографий, так как для меня важно отработать любой заказ на максимум. И в конце, отпустив Олю, я все-таки показываю Жене фото, подключив камеру к ноутбуку.

— Все так?

— Мне нравится. У тебя классно получается, — так просто и искренне говорит он, не зная, как этими словами вызывает мой внутренний восторг.

— Тогда на сегодня все. Обработка займет примерно два дня. Мне самой выбрать подходящие фото или отправить все и... выберешь сам? — окончательно «тыкаю» я.

— Выбери сама — ты же профи, — делает он вновь комплимент моей работе.

— Хорошо, — отвечаю я и беру фотоаппарат с ноутом в руки, собираясь идти.

— Во сколько ты сегодня заканчиваешь? — так запросто спрашивает он, и, видя мое замешательство, почему-то решает еще больше ошеломить меня. — Я могу тебя подвезти.

После его комплиментов это особенно режет слух.

— Спасибо, но есть кому меня подвозить. Вы даже знакомы, — довольно грубо отвечаю я, злясь на столь наглое предложение.

Как он вообще себе это представляет?! Я, без пяти минут чужая жена, должна разъезжать с тем, кто обошелся со мной как последний козел?

Лицо Жени сразу меняется, когда я косвенно упоминаю Рому. Я даже замечаю, как он сжимает челюсть, и я, радуясь произведенным эффектом, иду к выходу, оставляя его позади.

— До завтра, Маша, — долетает со спины как угроза.

— До завтра... — шепчу я слишком тихо, понимая, что сказал он это не просто так.

Запираюсь в кабинете и пытаюсь вспомнить, что-то такое, что не дает покоя. А когда, наконец, вспоминаю, мне становится не по себе.

«Видишь ли, Маша, на самом деле цель не совсем достать тебя. Но вот карты я раскрыть не могу. Извини, это бизнес, как говорил один мой знакомый».

Это бизнес...

Что он задумал? Мечь? И если да, то каким способом здесь замешана я? Не через меня же он собрался отомстить Роме? Или через меня...

Чувствую себя пойманной птицей, которая не понимает, что происходит и что с ней сделают: сожрут, посадят в клетку или отпустят.

А еще, когда я продемонстрировала, что все же узнала его отчество, он назвал меня также полным именем. Откуда он знает мое отчество... Уж точно не с универа — там нигде наши отчества особо не светились. Неужели запомнил имя отца, когда тот разговаривал с ним три года назад?..

Глава 7. Зачем тебе это?

Женя

— До завтра, Маша.

Вижу, как напряглась ее спина.

Знаю, что прозвучало будто я собираюсь ее наказать, но просто не вывожу, когда она говорит об этом своём тубике. Как представлю их вместе, аж кулаки сами сжимаются и мечтают резко соприкоснуться с челюстью этого мудилы. И ладно бы кто другой был ее парнем. Хотя нет, не ладно.

Убираю по коробкам карбюраторы. Надо скорее выдвигаться на работу — ее много, а я, несмотря на это, трачу время здесь. Но все же не трачу. Это слово вообще не подходит, учитывая какое наслаждение я получил, наблюдая за Машей.

Мда, сказал бы мне кто двадцатилетнему, что я буду кайфовать от такого, а не чисто от секса, да еще и что главной героиней этого действия будет Синицына, я бы поперхнулся от смеха, а потом сильно погрузился бы, представляя насколько все печально, раз дела обстоят таким образом. Только вот сейчас мне нифига не печально. Я действительно был, блин, рад, тупо на нее пялиться.

На нее просто можно смотреть и разгадывать, чем же она привлекает в своей внешности, потому что уверен: сейчас точно найдется много ценителей ее неяркой красоты. Но когда она в работе — это превращается в отдельный вид искусства. Какая она сексуальная и уверенная с этим своим фотоаппаратом. Только не он делает ее такой, а она, прикасаясь к нему, становится настоящей амазонкой своего дела.

Горящий взгляд, уверенный голос, зажигающая энергия, да и вообще вся она в комплекте — это космос.

Может поэтому она раздражала меня в универе? Потому что экономика ее совсем не зажигала, и она была просто терпилой, участь нелюбимому делу? Возможно... Но точно не только это изменилось с тех пор. Причем не только в ней. Во мне самом словно переключился какой-то тумблер, и я даже не знаю, в какой именно момент. Может этих тумблеров было несколько и они включались последовательно?..

Сейчас же Маша умело придумывала позы. Причем настолько неординарные, что становилось непонятно, кто все же главный в кадре: вроде модель, а почему-то акцент остается на основном предмете.

А когда в конце Синицына показала ещё даже не отредактированные фото, я захотел купить свои же карбюраторы. Желательно все.

И этой Оле все же тоже нужно отдать должное: все, что говорила Маша, она исполняла как профессионал. Не зря агентство оценивается многими на 5 звёзд. И я получается, не соврал тогда, называя моделей самыми. Которые иногда бывают все же немного навязчивы.

Эта Оля не сразу поняла, что не интересна мне от слова совсем. Хотя потом, умница, все же сообразила. Ну еще бы: это не могло не дойти до нее, учитывая, что во время всего процесса съёмок я не отрывался от разглядывания Маши. Маши, которая решила играть в недотрогу, несмотря на то, что я ей нравлюсь — ну глаза-то врать не будут. Она даже попыталась слить меня со съемки вначале:

— Вы не доверяете нашему агентству, Евгений Александрович?

— Почему же, Мария Владимировна, доверяю, иначе бы меня в вашем агентстве не

было, — нагло вру я, потому что был бы.

Да я, блин, не то что студию выбрал из-за неё. Я в принципе заказал и нехило переплачиваю за эту съёмку, только чтобы иметь возможность вот так вот наблюдать за ней, имея на это как бы право. А что со мной произойдет, когда наконец коснусь ее так, как мне хочется, я не представляю. Скорее бы это уже случилось... Я, конечно, могу играть учтливое и терпеливое, но все же не долго.

Вечером иду в зал. Вообще люблю подвижные виды спорта, но их оставляю как кардио. Мышцы же в последнее время просят иной нагрузки — в виде железа. Да и с Андреем есть возможность пересечься только там. Он блин не только бизнесмен, но еще и примерный муж, а недавно и папа. Ну как недавно — уже год как, но его сынок по-прежнему для меня кроха.

— Здорова, — пожимаем друг другу руки.

— Как там Егор Андреевич? — спрашиваю о сыне Смольновых, приземляясь на скамейку в раздевалке, чтобы переобуться.

— Нормально, затемпературил правда вчера. Сопли, все дела.

— Ого, и как Ангелина? Переживает?

Помню, когда мы заболели с сестрой, мама была сама не своя, и реально хотелось поскорее выздороветь, чтобы только она не переживала так, будто мы собрались на тот свет.

— Ну я точно больше переживаю, — издает смешок Смольнов. — Она молодец в этом плане — поит травами, еще что-то там делает.

— Травами? — недоверчиво переспрашиваю я. — Там же жаропонижающие таблетки-сиропа всякие надо давать?

— Я тоже так думал, пока реально не прочел исследования и статьи по этой теме. Поэтому у нас только натуральное лечение, без вреда здоровью, — улыбается Андрей.

— Ну ты и каблук, — подкалываю его.

— Зато Егорка реально здоровым растет. Смотрю на его сверстников и замечаю это. Так что каблук не каблук, а женщины бывают поумнее нас в некоторых вопросах.

— И тебя травами поит? — угораю я.

— Блин, она так ухаживает за мной, когда я болею, что я даже жалею, что быстро выздоравливаю.

Завидую ему. Всегда завидовал. Ангелина реально классная и настоящая. Именно этим она мне и понравилась на фоне моих «девушек», которые строили из себя тех, кем не являются. Но только спустя время я понял, почему так заиклился на ней — мне не хватало искренности в себе самом, вот и тянуло к той, кто этим обладает. Да и спор с Андреем тогда свое дело сделал, добавив азарта.

К Маше же сейчас я испытываю нечто иное. Мне просто хочется быть в ее поле, потому что словно становлюсь другим человеком. Не знаю как это объяснить, но когда она рядом я начинаю чувствовать вкус жизни.

— Пойдем тренировать, натурал, — мягко бью по плечу, после чего мы выходим из раздевалки.

Занимаемся в поте лица. И после обычной программы решаю поделаться больше упражнений на ноги и ягодицы, вместо упражнений на руки. Мышцы и тело прямо просят этого.

— Становая тяга? Давно не было? — приподнимая брови, спрашивает Андрей, зная меня как облупленного. Я реально больше выжимаю из этого упражнения при воздержании.

Такая вот особенность.

— Угу. Две недели, — вспоминаю, когда последний раз виделся с Кристиной.

— А что так? Лаве что ли нет? Подкинуть? — подкальывает он меня, зная, на каких условиях состоятся наши встречи.

Кристина — не обычная девушка. Она элитная эскортница, которая завязала. И сейчас, так выходит, я ее единственный клиент. Один олигарх настолько восхищался ею, что подарил бизнес, который ее обеспечивает без необходимости работать в этой нише дальше. Потом он то ли уехал, то ли умер. Но вот если Кристина вышла из эскорта, то эскорт из Кристины нет, поэтому когда мы познакомились, она не смогла отказаться от моего предложения. Да и понравился я ей, куда же без этого. Но в любом случае ее симпатия ко мне никак не переходит границ, и меня это устраивает: я ей деньги, она мне классный секс без делания мозгов.

— Напомни, кстати, перевести тебе — мне деньги пришли, — вспоминаю про долг, который занял из-за того кретина. Даже не хочу называть его Машиным.

— Что там с тем уродом? Так и не договорились?

— Не а. Все с ним прекрасно. Пока. Правда, двинул я ему несколько раз, когда увидел недавно... Он с Машей, прикинь.

— С Машей?.. Синицыной? — удивляется друг.

— Да. С ней.

— Не, быть не может. Зачем ей такой гандон? Тебя мало что ли было, и она решила похуже найти?

— Спасибо, конечно, за комплимент, но я и сам не в курсе, как ее так угораздило.

Повисает молчание.

— Но не долго ему осталось быть с ней, — решительно заявляю я.

— Ты же не мокруху сейчас имеешь ввиду?

— Нет, конечно. Я заберу у него Машу.

— Стоп, — хмурится друг. — Скажи, что пошутил.

— Нет. Я у нее сегодня был. Смотрел как она снимает.

Смольнов проводит руками по голове. Только какого он так сильно переживает?!

— Зачем тебе это?

— Хочу ее.

— Не боишься, что ее пахан выполнит угрозу?

— Ну во-первых, будем надеяться он не скоро узнает, если Маша ему не наябедничает как в универе, конечно. А во-вторых, нет, не боюсь. Он проблемы с бизнесом обещал, а я уже закаленнее тебя в этом вопросе, поэтому даже интересно, что он там придумает, и как я в итоге из этого выкручусь.

— Ты же не выносишь столичных. А Маша вроде как место рождения, да и жительства не меняла.

— Знаешь в чем прикол? У меня самого теперь квартира в Москве и Московская прописка. Я реально долго тянул с этим, тачки менял, а квартиры снимал, но от кары не уйдешь — я сам стал тем, кого раньше терпеть не мог. При чем я их ведь не за какие-то качества ненавидел, а просто, за то что они москвичи. Так что... Кого осудишь тем и будешь, — горько усмехаюсь я этой правде жизни.

— Всем бы твои проблемы, — усмехается Андрюха, а потом снова становится серьезным и, помолчав какое-то время, говорит: — Ты знаешь я всегда на твоей стороне,

просто Маша... Оставь ты ее. Она итак настрадалась из-за тебя.

— Ты что-то свою Ангелину не оставил. Морду даже бил кое-кому. Все нормально, — поднимаю руки в примирительном жесте, когда замечаю волчий взгляд напротив. — Я это спокойно говорю. Просто говорю же: хочу ее.

— Вот в этом и дело! Ты... — он не успевает договорить, потому что я перебиваю его.

— Нет, не в этом смысле хочу. Ты знаешь — я уже говорил: я натрахался. А Кристина просто для того, чтобы ладони не стирать постоянно и навыки не терять. Но если брать чисто секс, то да, конкретно Машу я хочу. Но хочу от неё и ещё что-то.

— Что?

Беру паузу, чтобы правильно сформулировать.

— Как бы объяснить... Её.

Глава 8. Стрессоустойчивая

Маша

В среду залетаю на работу как фурия. А все потому что, мне снился Женя, и даже во сне я чувствовала его проникающий внутрь взгляд. И все бы ничего, если бы на утро я не проснулась как голодная львица, которой хотелось совсем не еды. Посмотрев в календарь, я поняла, с чем это связано — как раз середина цикла, а значит причиной могла быть овуляция, вот только такого никогда раньше не было! Видимо все же надо «радовать» Рому чаще.

Раньше я часто отнекивалась от предложений Ромы, а потом он и сам стал редко просить. Видимо гормоны отыграли свое, да и я, к его сожалению, оказалась не такой темпераментной. Мне больше по душе проводить с ним время за другими занятиями, например, за разговорами как вчера — мы немного поговорили по телефону перед сном. Он пожаловался на проблемы на работе, а я рассказала про интересную съемку недельной давности, умолчав о еще одной, даже более интересной съемке карбюраторов, что состоялась этим же днем. Побоялась, что Рома или догадается, или начнет расспрашивать о заказчике, а рассказывать о Жене я была не готова — я ведь знаю, что скоро он исчезнет из моей жизни. Зачем нервировать Рому.

А вот сам Женя так и не написал. Но я и не ждала. Хотя наверно это все же ложь, потому что засыпая, я еще раз проверила телефон, а проснувшись проверила снова. И платье я выбрала одно из самых сексуальных, думая о возможной встрече с ним.

Увидев меня, Настя опять улыбается, только вот сегодня я уже вижу ее насквозь!

— Так, Анастасия. Если и сегодня меня ждет сюрприз, то лучше мне сказать об этом сейчас, — выжидающе смотрю на нее.

— Эмм, а если второй раз, это тоже сюрприз? — делая из своих бровей домики, спрашивает она.

— Ясно. Я так полагаю, он в кабинете?

Настя едва заметно кивает с таким видом, будто выдает тайну противнику. Хотя противник — не я, а тот, кто уже во второй раз проник на мою территорию.

К себе иду решительно, но как только подхожу и берусь за дверную ручку, слышу бешеный стук своего сердца. Да что же это такое. Не дожидаясь, пока оно успокоится, дергаю ручку и открываю дверь.

Вот только итак колотящееся сердце начинает стучать еще быстрее, когда встречаюсь с глазами того, кто стоит по ту сторону двери. Мы смотрим друг на друга целую вечность, которая длится несколько секунд. Я не выдерживаю первая и нелепо отвожу взгляд в сторону. Это не правильно. Так быть не должно. Не должна я так реагировать на него.

— Привет, — осипшим голосом здоровается Женя.

И вариантов этой хрипотцы два: либо он тоже что-то чувствует, либо хорошо играет роль того, кто что-то чувствует. Причем я не знаю, какой из вариантов хуже. Ведь, если не играет, то шансов мне устоять перед ним становится меньше. Хотя и сдаваться я не собираюсь.

Рома. У меня есть мой Рома. Думать только о нем, а не о всяких смазливых проходимцах, непонятно что затеявших, — твержу себе, вспоминая черты любимого человека.

Только вот ни черта не выходит, потому что перед глазами стоит другой. Стоит в прямом смысле и никакое воображение его пронизывающие глаза перебить не может.

— Привет, — отвечаю я, разворачиваюсь на 180 градусов и закрываю за собой дверь, направляясь в соседний кабинет.

— Так. Кто пустил его в мой кабинет? — спрашиваю, залетая к Фине.

— Кто платит тебе, тот и пустил. Клиент просто хочет посмотреть, как ты обрабатываешь фото, — уткнувшись в какие-то бумаги, отвечает она.

— Посмотреть, как обрабатываю? А смысл? Смысл ему на это смотреть? Я их отправлю на диск.

— Маш, ну желание клиента закон, — поднимает она на меня свой взгляд. — Просто покажи ему и все, и так удобнее ведь — сразу понятно какое фото, без всяких названий, поисков.

— Нет, не удобней! — ворчу я. Какой толк от этого удобства, если мне будет дискомфортно от того, что он опять будет рядом. — Ты же всегда нормальная была! И когда Полинин мужик требовал посмотреть процесс, даже на порог не пустила.

— Не сравнивай. Одно дело ревнивый неадекват, а другое... — она не договаривает. — Все, не обсуждается. Я тебе премию выпишу повышенную.

— Которую я потрачу на успокоительное!

— Твоё дело. Ты говорила, что ты стрессоустойчивая.

Ну не настолько же...

Возвращаюсь к себе. Женя уже стоит отвернувшись и что-то делает в своем телефоне. Услышав, как я вошла, он аккуратно поворачивается, но я уже на него не смотрю и замечаю его движения лишь периферийным зрением.

— Я... — начинает он, но я его перебиваю.

— Посмотришь, как я обрабатываю фото?

— Если ты не против, — в голосе уже нет ничего кроме уверенности.

Услышав это, сразу хочется воскликнуть: «Против!», но почему-то решаю промолчать. Я все равно не успею влюбиться в него заново за эти пару дней, так почему бы не позволить себе побыть рядом с тем, кого любила долгое время. Побыть хотя бы для того, чтобы понять, что эта история завершена. Чтобы понять, что я изменилась и ценю себя, чтобы снова не влюбиться в того, кто не ценит. Чтобы попрощаться и отпустить его из своей жизни навсегда. Побыть, чтобы просто побыть...

Включаю ноут, подсоединяю к нему второй монитор для более удобной работы, и еле как усевшись в кресло, стараясь не задевать рядом сидящего 'клиента', 'открываю папку со вчерашними фото.

Я очень люблю свой кабинет. Точнее любила до этого момента, потому что раньше он не казался мне настолько тесным, что двое людей не могут сидеть в нем, не соприкасаясь ногами. Но видимо от этой близости неловко мне одной, потому что Женя прекрасно себя чувствует, развалившись в соседнем кресле.

Помня о доверии «клиента» отобрать лучшие фото самой, так и делаю, не вступая лишней раз с ним в коммуникацию, и приступаю к ретуши. У Клыкова же задачи молчать, видимо, нет, поэтому спустя три обработанные фотографии он говорит:

— Ты не только фоткаешь классно, но еще и из этих же фоток потом делаешь магию. Оля с карбюратором еще красивее стали.

И меня от этого «красивее» пронзает маленьким уколом ревности. Оля действительно

красотка.

— Спасибо за комплимент, но я не люблю разговоры во время работы.

— Я тоже. Но вне работы ты разговаривать со мной отказываешься.

— Да, ты прав. Возможно дело не в работе, а в человеке.

— Возможно дело в том, что ты не позволяешь себе того, чего тебе хочется.

— И чего же мне хочется по-твоему? — не выдерживаю и смотрю прямо в его наглючие глаза.

— И без меня прекрасно знаешь, — усмехается Женя.

Тепло приливает к щекам, и я понимаю, что прямо в этот момент краснею, выдавая себя с головой... Ведь утром я действительно хотела его. Хвала овуляции, блин!

— Ты слишком самоуверен! — отворачиваюсь я, продолжая гореть, но краешком глаз успеваю заметить взметнувшиеся в удивлении брови, а следом:

— Я не себя имел ввиду, Мащ, но видимо ты действительно сама прекрасно себя знаешь.

Бросаю очередной злой взгляд, но молчу, потому что если скажу ещё что-то, то рискую выдать себя еще больше. Хотя куда уже больше.

Пытаюсь сосредоточиться на экране, на ползунках цветокоррекции, на деталях, которые нужно подправить, но как бы не старалась, все равно чувствую Женю. Все же он слишком близко. При желании я даже могу услышать, как он дышит. Боже, он ведь выдыхает воздух, который смешиваясь с остальным воздухом вдыхаю я. Мы дышим одним воздухом. И мне кажется, что я вот-вот опьянею от этого. Мне вдруг становится душно. Я понимаю, что срочно хочу приоткрыть окно, и резко встаю.

В этот самый момент по нелепой случайности встает и Женя. И если, когда мы сидели, между нашими телами еще было какое-то расстояние и лишь наши ноги были рядом, то теперь и мы сами оказываемся почти прижаты друг к другу. В этот момент я понимаю, зачем встал Женя — слышится вибрация телефона, которую я сразу не уловила, но ни я, ни он не обращаем на это внимание, так как опять смотрим друг на друга. Взгляд Жени медленно опускается на мои губы, и я прекрасно понимаю, что должно следовать за этим. Его рука касается моей щеки, плавно переходя к затылку, вызывая во мне сладкую дрожь, а в следующее мгновение он слегка притягивает меня, приближаясь одновременно к моим губам.

Умом я понимаю, что не должна этого допустить, и тело меня не предает. Но вот то, что я чувствую... Я знаю, что я и только я позволяю сейчас себе чувствовать на полную мощность желание этого поцелуя. В голове уже прокручиваю, как наши губы касаются друг друга, почти ощущаю трепетность этого момента и... отворачиваюсь.

Потому что знаю: не всегда следует за такими желаниями идти. Несмотря на то, что действительность может оказаться даже лучше представлений — как раз так и случилось той ночью, я наперед знаю цену этого, возможно легкого, поцелуя с Женей — боль окажется в тысячу раз весомее.

Вместо моих губ Женя соприкасается своими губами с моей щекой. И даже это касание отзывается во мне вспышками чувств. Самых разнообразных, самых восхитительных. Самых опасных...

— Телефон, — почти шепотом говорю я, прикрыв глаза.

Женя медленно отстраняется, двигая стул, и поднимает трубку. Он слишком нужен кому-то, раз этот кто-то ждал ответа все это пусть недолгое, но все же время.

— Да, — отвечает он, после чего слушает собеседника. — Хорошо, сейчас буду.

Отключившись, Женя смотрит на меня.

— Справишься без меня? — со своей фирменной улыбкой на губах подмигивает он мне.

А я настолько потрясена своими эмоциями, вызванными этим невинным поцелуем, что не могу ничего ответить кроме серьезного:

— Да.

Я справлюсь... Должна справиться.

Глава 9. Прекрасное утро

Женя

Выхожу от Маши, словно вылетаю на крыльях — настолько воодушевленно себя чувствую. Сегодня наконец удалось пробить ее броню. И я не поцелуй имею в виду, а ее милые красные щечки! Капееец. Она хочет меня! Реально хочет. Я этого даже не ожидал. Видел, что небезразличен, какую бы снежную королеву она из себя не строила, но что настолько близок к цели заполучить ее, даже не догадывался.

Лыба у меня сейчас наверно на все лицо и это несмотря на то, что Миша — мой ассистент рассказал о чп. Ничего особенно — очередные трудности. Это первые траблы я воспринимал как Армагеддон, и хорошо, что тогда рядом был Андрей, который своей уверенностью и поддержкой вправлял немного мозги. А сейчас, пройдя уже 100500 различных вызовов, я стал более просто к ним относиться. Хотя новый гемор, безусловно, всегда неприятная штука.

Надо разобраться, почему товар не пропускают на таможне. Неужели Машин пахан пронюхал и уже успел организовать? Хм... Вряд ли. Уже бы из под земли меня достал, а я даже в метро не спускаюсь — всегда наверху, долго искать не надо. А вставлять палки в колёса без промывания мозгов — это бессмысленно. Он бы так не сделал.

И ведь я еще не разобрался с этим Машиным ублюдком, который наверно думает, что я схавал и на этом успокоился. Но я нет. Не успокоился.

Прохожу мимо Насти и невольно ей улыбаюсь. Настя смущается, хотя прекрасно знает, кто моя цель, и что я настроен решительно. Надо было наверно все же не флиртовать с ней, но как-то не подумал выключить своё обаяние.

Быстро дохожу до машины, потому что забыл сегодня куртку. Уже второй раз за эту зиму. Все-таки есть минусы в подземной парковке дома — спускаясь к машине совсем не мерзнешь, зато потом выходя на улицу ощущаешь на себе все градусы зимы. Хорошо, что принимаю контрастный душ, благодаря чему не успеваю заоченеть за эти двести шагов.

Сажусь в машину, только потом завожу ее и, пока она греется, прокручиваю в голове это воистину прекрасное утро.

Маша сегодня прошла по всем моим эмоциям. Сначала я обалдел, когда увидел ее. Она была без сильного макияжа как в тот день, точнее в тот вечер, когда мы встретились на улице, но вот одежда, в которой она была... Блин, она наверно специально так оделась — специально для меня. На ней было полу облегающее темного цвета платье на лямках, которое нереально подчеркивало ее классную фигуру. Не понятно, конечно, почему она морозится, раз я ей все-таки нравлюсь, но ладно, главное факты. Ведь я себе их не рисую?..

Потом, когда она вышла, не успев зайти, я немного испугался, что она не вернется, но вспомнил разговор с Финой.

— Меня бесит этот ее. Не знаю, какая у тебя начинка, но Маши промыть рецепторы не помешает. Совсем говна не чуёт. Но учти: обидишь ее, и пожалеешь. Я, конечно, гоняться за тобой не смогу, да и вряд ли захочу, но вот Валю на фото к тебе приделаю. Сам знаешь — с фотошопом и соцсетями мы на ты. Не отмажешься потом.

— Кто это? — спросил на всякий случай. Интересно, что там за Валя, которой пугают парней.

— Мой друг. Гей.

— Все. Понял. Машу не обижать.

Я как бы и не собирался, но стимул, конечно, впечатляющий. Мне так еще не угрожали. Но смеяться не решился — слишком серьезной выглядела Фина.

— Вопрос: а если она все же откажется работать со мной?

— Не сможет.

И правда не смогла, хотя по взгляду было видно, что пыталась. Не зря подмазывался к ее начальнице с помощью удвоенной оплаты.

Потом мне было весело, когда Маша пыталась сесть так, чтобы даже наши ноги друг друга не задевали. Увы, и это оказалось невозможным.

Следом испытал невероятную радость, когда разговор зашел о желаниях Маши и о том, что в этих желаниях есть я.

Ну и конечно, эйфория. Я наконец ее коснулся так, как мне хотелось — губами. Хотя это лишь самая малая часть того, как я хочу ее касаться и что с ней сделать. Но все же часть.

А ведь я даже не надеялся. Если бы не эта случайность, по которой мы оказались максимально рядом друг с другом — наверно ничего бы и не было. Даже этого легкого невинного поцелуя. Выходит должен поблагодарить траблы, потому что Миша позвонил в нужный момент. Или тогда Мишу надо благодарить... Короче, спасибо всем, кто причастен.

А Маша — да, несомненно, это уже не та девчонка, что таяла от одного лишь моего взгляда, но все же я ее волную. Понимаю это, несмотря на то, что поцеловать по-настоящему она себя не дала. Но она не учла одного: я видел ее эмоции, и они намного больше значат для меня, показывая ее отношение, чем если бы она не отвернулась в последний момент и позволила нашему поцелую быть.

Приехав в офис, пытаюсь разобраться, откуда растут корни проблемы, и чего от нас хотят. В итоге ничего решить не получается. И штраф не выписывают, и взятку не берут. Хотя я бы и не дал — такой у меня принцип, просто хотел проверить, что им надо. А с каждым таким простоем в день мы теряем кучу бабок. Мало того, что теряем сейчас, так и потом нас могут сместить конкуренты просто из-за того, что товар вовремя не появился в наличии. Херово.

Домой прихожу поздно вечером, заказав по пути доставку из ресторана и забрав у курьера аккуратно подъехав к дому, в мое логово. Голодный как волк сразу принимаюсь за еду, а уже после иду в душ, где при одной мысли о Маше поднимается буквально все: и настроение, и волосы на теле, и сами знаете что еще. Давно я таким голодным не был.

Выхожу из душа и слышу вибрацию телефона. Звонит Кристина. Хах, даже она не дождалась — до этого всегда звонил первым я.

— Привет, — умеренно томным голосом говорит она.

Вообще считаю это искусство: уметь быть сексуальной, но при этом не перебарщивать. Кристина этим искусством владеет сполна. И вообще про нее могу сказать — она самая лучшая в сексе из всех девушек, кто у меня был, а было их у меня не мало. С единственным отступлением: лучшая в сексе, но лучше всего мне было с Машей.

Не сразу я это понял. Помню, как кусал локти после нашей ночи, злясь и на себя, и на нее, потому что думал, что теперь Маша не отвяжется от меня. Вышло же совсем наоборот — будто после нашей близости она остыла ко мне. Но остыла, конечно, не после близости, а после моих слов, брошенных на утро. И вот спустя время я понял, что тот ее взгляд, когда она дарила мне себя, был самым сексуальным на свете. На меня никто никогда так не смотрел. Ни ее неопытность, ни ее неяркая внешность на тот момент не смогли перекрыть

этого. И именно поэтому я должен вернуть ее себе. Не должна она так смотреть ни на кого больше. Только на меня.

Да, кажется, влип я по полной.

— Привет, Крис, — поднимаю трубку.

— Крис? Не малышка, не куколка, а Крис? Ты меня со дня нашего знакомства так не называл, — смеется она. — Ладно, спрашивать с чего вдруг такие перемены не буду, но... Жек, мне нужны деньги. Хочу запустить рекламу, а ждать начала недели не хочу. Хочешь приеду?

— Хочу, — честно отвечаю я, так как без секса долго не могу, а помогать себе уже не помогает — мне хочется стонов и тепла женского тела. И податливой мягкости. И Маши. — Но не хочу, — заканчиваю мысль я. — Сколько тебе надо?

Кристина называет сумму примерно равную двум нашим встречам, и я тут же перевожу ей деньги.

— Я отработаю, Жень.

— Пусть будет подарком.

Надеюсь никогда я больше не попрошу ее приехать ко мне. Больно становится от мысли, что мне это все же может понадобиться. Потому что я. Хочу. Машу. Хочу ее себе всю. С ее робостью, с ее страстью, которая у нее какая-то особенная: не пылкая, но спокойная и желанная, с ее влюбленным взглядом, который, правда, сейчас не совсем влюбленный. Но все равно хочу.

Перед сном долго изучаю материалы, которые могут помочь разобраться в проблеме, созваниваюсь с некоторыми знатоками, а потом вырубаюсь, успев пожелать Маше сладких снов. И ночью опять трахаю ее. Иногда правда люблю, но в последнее время все больше делаю первое — я реально становлюсь голоднее с каждым днем. Просыпаюсь бодрым, но таким, сука, неудовлетворенным, что в душе приходится опустошать причиндалы два раза с интервалом в пять минут.

Ох, Маша, держись.

С необычайным воодушевлением, опять забив на проблемы, еду к своей мучительнице. Пока стою на светофоре, внимание привлекает вывеска кондитерской. Вот я кретин! За эти дни даже шоколадки Маше не подарил, не говоря о цветах. Если честно, купить, когда девушка сама просит, я могу без проблем, а вот самому ломать голову раньше не приходилось. Все-таки прав Андрей, я точно не идеальный мужчина.

Интересно, какова вероятность, что она прыгнет в мои объятия, если порадую ее чем-нибудь?

Усмехаюсь своей шутке, но все же решаю заехать и что-нибудь для этой язвы прикупить. Выбираю два пп-пирожных без глютена и сахара и какао, так как даже не обратил внимание пьет Маша кофе или как и я нет.

И пока еду в студию в голове зреет еще один «коварный» план.

Глава 10. Противоречие

Маша

Просыпаюсь в хорошем настроении и злюсь на себя. Злюсь, потому что прекрасно осознаю, откуда это настроение взялось. А взялось оно, потому что я уже предвкушаю нашу встречу с Женей. Чувствую, что и сегодня он придет.

Вчера после его ухода я так и не докончила нашу работу, переключившись на параллельные заказы. На деле же сама не знаю, почему так поступила, ведь чтобы быстрее отделаться от Жени, нужно быстрее доделать его заказ. Хотя догадываюсь почему. И это не только потому что устала от однотипных фото — так я смогу побыть дольше с этим самым заказчиком, который выбирает присутствовать лично.

А может мне надо это? Может мне надо это, чтобы привыкнуть и понять, что Женя обычный. Да, наверно. Только почему он мне все больше кажется особенным?

Противоречие, Мария...

Ладно. Я слишком вымотана, чтобы здраво рассуждать об этом. Мало того, что этот поцелуй поднял кучу эмоций, так я о нем ещё и думала весь день. И от фоток Оли устала. Хотя раньше она меня так не раздражала своими подкачанными губами, наклеенными ресницами и профессиональным мейком.

Открыв шкаф, пытаюсь выбрать нечто нейтральное, но в то же время то, что мне бесспорно идет. Вчера я немного переборщила с нарядом — все же платье было чересчур облегающее. Сегодня такой оплошности и Жениного ликующего взгляда я не хочу. Как не хочу и выглядеть средне — хочу, чтобы скромно, но вау. Интересно, такая одежда в принципе существует? Потому что в моем шкафу ее точно нет.

Кое-как нахожу компромисс: выбираю скромные брюки и открытую майку, на которую все же приходится надеть пиджак, иначе зима грозитя меня не понять.

В студию прихожу первая, даже раньше Насти, и, зайдя к себе, подготавливаюсь к работе и жду.

Нет, так не пойдет. Так я скоро привыкну к Клыкову, и будет еще сложнее. Сегодня я должна сделать так, чтобы он все понял и отстал.

И только в голове начинает развиваться эта мысль, как дверь открывается, мое сердце взлетает к седьмой чакре, весь мир концентрируется в одной точке и заходит Женя.

Уверена, что нелепо, но все же пытаюсь сделать вид, будто увлечена работой. Ага, пялясь в монитор и даже не держа в руках мышку. Впрочем, Женя не акцентирует на этом внимание (за что ему спасибо) и ставит передо мной коробку. Быстро понимаю, что она из моей любимой кондитерской.

На немой вопрос: «Что это?», Женя отвечает:

— Это тебе. Подумал: вдруг ты не позавтракала.

Я действительно не завтракала, хотя время для этого было. Не было аппетита из-за хорошего настроения и воспоминания о его ночной смске.

— Спасибо, — отвечаю я и из любопытства решаю заглянуть внутрь.

И о, нет. Из коробки на меня смотрят мои любимые пирожные! Как он узнал?! — восхищается моя внутренняя сладкоежка.

И мой план глянуть и сказать, что я такие не ем, проваливается с треском, потому что только такие я и ем.

Отказываться я точно не собираюсь. Пусть будет мини компенсация за моральный ущерб.

Но на этом фокусы не заканчиваются: выясняется, что Женя угадал и с какао. Открываю крышку и вдыхаю шоколадный аромат.

— А на каком оно молоке? — решаю уточнить, понимая, что даже если на обычном, отказаться я не смогу. И не только потому что вкусно — еще и потому что оно от Жени. Впервые в жизни он что-то мне дарит...

— На миндальном, — попадает в точку он.

Я уже несколько месяцев не пью обычное, и кожа после отказа от молочки стала лучше. В растительном молоке тоже, конечно, мало пользы, особенно в покупном, но все же совсем отказываться от вкусных напитков я пока не готова.

Еще раз вдыхаю аромат, после чего прямо при Жене, не стесняясь или стесняясь совсем немного, поедаю вкуснятину.

Еще чуть-чуть и я точно в него влюблюсь... Чтобы немного отрезвить себя, умышленно вспоминаю каким Женя был раньше. Это сейчас ему что-то от меня надо, и поэтому он выглядит как принц. Но тогда...

Помню, как он приходил на мои дни рождения без подарка, причем все три раза, что я с ними училась. Даже Андрей заморачивался и дарил то духи, то еще что-то. Видимо не только я, но и сам Клыков считал подарком одно свое появление. А как я радовалась ему... Дурочка. Но самым шедевральным стало то, что на последний мой день рождения, который я отмечала с ними, Женя пришел со своей девушкой, не зная как этим самым меня убил.

Настроение заметно падает, когда в памяти всплывают его косяки, и даже работа не вдохновляет как обычно. Механически улучшаю цвет, оставляя некоторые фото на потом, чтобы обработать их с большей отдачей.

Женя все это время молчит и лишь спустя полчаса нарушает наше молчание:

— Мащ, давай сходим сегодня поужинать? Ресторан можешь выбрать на свой вкус.

Его голос бодрый и уверенный, будто не он три года назад меня динамил. В ответ на это во мне поднимается злость, и я соответствующе ему отвечаю:

— Ох, это очень мило с твоей стороны. Я даже не знаю... Даже не знаю, как отказать деликатнее.

— А ты не отказывай. Кстати, не обязательно ждать ужина — можем и пообедать, — не реагирует он на мой эффектный отказ.

— Благодарю, но я все же откажусь. Не хочу никуда идти, — уже более спокойно говорю я.

— Как скажешь. Покину тебя ненадолго — ты не против?

— Нет, я только за.

— Прекрасно, — почти бурчит он, видимо не выдержав моего тона.

Так легко сдался? Удивительно и странно, но, тем не менее, отрадно. Без него мне все же спокойнее, и его присутствие никак не помогает о нем не думать, как рассуждала я утром.

Понимаю, что поспешила радоваться спустя уже первые десять минут. Несмотря на то, что Женя вышел, а может и ушел, в воздухе витает его аромат, и я все равно каждые три минуты трачу силы, чтобы перестроить внимание на работу и не думать почему он так резко ушел.

Когда в очередной раз смотрю на часы, замечаю, что уже пять минут как начался обед, а

Женя так и не вернулся. Видимо устал получать мои отказы...

Немного грустная выхожу из кабинета, и вижу, что что-то изменилось, но не сразу понимаю что. И только задумавшись, осознаю, что в коридоре намного темнее и тише, чем обычно.

Подходя к фойе, все же вижу какой-то свет, только он слишком тусклый и мерцающий. Подхожу ближе и едва не ахаю, увидев, что этот свет идет от свечек на столике для посетителей, на котором не только свечи — еще и какая-то еда. И Женя сидящий на одном из кресел за этим столом.

Он не ушел! — ликует мое нутро.

— Я исполнил твое желание: никуда идти не надо, будем обедать здесь.

Понимаю, что хожу по острию, потому что если останусь и поддамся сейчас, соблазвившись романтическим Женей, то точно проиграю.

— Я передумала, теперь хочу уйти.

— Печально, но ладно. Пошли, — встает с кресла Женя.

— Нет. Я хочу пообедать одна, — отрезаю я и, пытаюсь спастись бегством, направляюсь к двери.

Которая меня почему-то не слушается. Да что ж это такое. Так нервничаю, что даже дверь открыть не могу, — сержусь на себя, пока до меня не доходит, что дело не в трясущихся руках.

— Дверь заела, — озвучиваю догадку вслух.

— Она не заела — она заперта.

— Ты издеваешься? — оборачиваюсь и смотрю на Женю.

— Нет, дверь закрыл не я. Это Настя закрыла. Случайно.

— Я убью ее, — цежу сквозь зубы.

— Вряд ли. Ты просто голодная. Сейчас поешь и пообреешь

— Я не буду есть здесь. С тобой. И... Это что устрицы? — обратив внимание на блюда, спрашиваю я.

— Ага.

В этот момент я понимаю, что пропала...

— Какие они вкусные! Где ты их заказал? — спрашиваю я, успев распробовать любимый деликатес. Поорточиться смогу и в чем-то другом, а строить из себя гордую, но голодную смысла нет. Тем более, вряд ли меня выпустят.

— Не скажу, но можем пойти туда в следующий раз.

Женя смотрит на меня еще более голодно, чем я на устрицы. Словно предчувствуя, что я собираюсь ответить, Женя задает следующий вопрос, кажущийся сперва безобидным:

— Давно хочу спросить тебя: зачем ты пошла на экономику?

Чтобы встретить там тебя, пострадать и стать благодаря этому опыту лучше.

— Папа так захотел, — отвечаю я.

— В твоей жизни все решает он? Он тебе и придурка этого сосватал? — он смотрит на меня изучающе.

— Нет, Рому я выбрала сама!

Женя морщится.

— У меня так племянника зовут. Не называй его Ромой. Ему козел больше идет.

— А тебе нет? — не выдерживаю я.

— Маш... Я бы хотел извиниться.

— Извиняйся, — пожимаю плечами я.

Женя сначала ухмыляется моему ответу, а потом произносит серьезно:

— Прости меня, пожалуйста.

— Ладно, — в моем голосе сквозит безразличие, но на самом деле, это потому что я его уже давно простила.

Мой психолог однажды сказала, что у меня есть выбор: либо я выбираю своё счастье и тогда должна простить его, либо я выбираю и дальше тешить свою обиду, беречь и хранить ее, но тогда должна отказаться от счастья. Немного посопротивлявшись я выбрала первое.

— Ты изменилась.

— Да? И чем же?

— Многим. Внешность, характер. Раньше ты была мягче.

— Раньше я была душой.

— Прости, Маш, но ты сейчас дура, иначе не стала бы мутить с этим уродом.

Я вспыхиваю. А Женя лишь пожимает плечами и скрещивает руки на груди, откидываясь на спинку кресла.

— Он хороший! И я... люблю его.

— Ты правда его любишь? — внимательно смотрит на меня Женя, будто пытаюсь уловить мою мимику, каждую мою эмоцию и понять говорю ли я правду.

Но я говорю именно ее. Вспоминаю, как Рома впервые заговорил со мной, ухаживал. Такое не подделаешь.

— Да. Люблю, — уверенно отвечаю я.

Люблю ведь? Любовь — это не яркие чувства, а когда тебе комфортно. И не обязательно постоянно хотеть секса от любимого человека. Да же?

Женя продолжает сканировать и наконец выносит вердикт:

— Ладно, Маш. Я тебя услышал. Главное, будь счастлива.

После чего встает, берет куртку и набирает кому-то.

— Насть, откроешь?

Как в тумане слышу звук открытия замка, их голоса и уходящие шаги. Шаги того, в кого я все-таки успела влюбиться вновь и вновь успела потерять...

Глава 11. Ушел...

Маша

Он ушел...

Смысл произошедшего обрушивается, когда я захожу в кабинет, не доев любимое блюдо, хотя в другой раз вполне осилила бы его. Надо наверно было прибраться, а не оставлять все как есть, только затушив свечки, но я была не в силах. Чуть позже пойду. Я даже ничего не смогла ответить Насте на ее сначала радостное «Ну как все прошло?», а потом и на обеспокоенное «Вы поругались что ли?».

Двигаю мышкой, выводя ноутбук из спящего режима, и тупо пялюсь в монитор.

Ну я ведь этого и хотела? Желания сбываются... Только почему мне сейчас так плохо?

Я ведь все сделала правильно. И не только я — Женя тоже поступил очень мудро и по-мужски, решив оставить меня — нас в покое.

И хотя я изо всех сил стараюсь тоже думать по-взрослому, все равно внутри все затопляет обидой. Почему он так быстро от меня отказался? Я ведь ему нравилась? Нравилась, как и мечтала все эти годы. Или это было просто игрой моего воображения?

Так и не сумев переключиться на работу, чтобы доделать хотя бы Женины фотки, пишу Фине и ухожу пораньше, прихватив с собой ноут, чтобы поработать дома.

Когда дохожу до Насти, вижу, что стол уже прибран и на нем лишь привычная вазочка с конфетами для посетителей.

— Насть, а стол...

— Не парься. Я все убрала, там была-то пара тарелок.

Вообще не пара, но ладно. Больше Настя ничего не говорит и не спрашивает, и я ей очень благодарна за все.

Такси подъезжает быстро. Да и во многих других мелочах чувствуется поддержка — будто кто-то невидимый окутывает меня заботой, понимая какво мне сейчас. И это не дает пасть духом еще ниже.

Доехав до дома, плетусь в ванную, захватив телефон, где-то глубоко-глубоко наивно думая: вдруг Женя напишет или позвонит. Хотя умом понимаю, что будет лучше, если не напишет. Достаточно нашего общения, иначе потом будет еще больнее. А все, что сейчас происходит, пройдет. Однажды мне было даже хуже, но я выкарабкалась. Справлюсь и сейчас. Если бы виделась с Ромой, то возможно вообще не увлекалась бы Женей, но имеем то, что имеем. Возможно, это была проверка, перед тем как мы поженимся. И я с этой проверкой справилась. Ну фактически. Чувства и мысли не в счет.

Давайте уже ваше счастье, — неосознанно улыбаюсь я пусть и грустной улыбкой, лежа в ванной с солью.

И потом, во всем надо искать хорошее — не все так плохо. Мне удалось не втрескаться в Женю по уши, а всего-то по ключицу. Но уже завтра я остыну немного, а потом ещё немного и плюс-минус через неделю совсем не буду думать о нем. Пожалуйста, пусть это будет так, — поднимаю глаза к потолку, представляя в том направлении небо.

На этом моменте пара слезинок все же стекает по щекам.

Да, немного обидно, что оказалась для Жени, как и предполагала, увлечением, но так лучше. И если я смогла пережить его полное безразличие, то и это точно смогу.

Выхожу из ванной, чувствуя себя лучше. Аппетита по-прежнему нет, поэтому проходя

мимо кухни, сразу иду в комнату и беру планшет. Включаю мелодраму, но после 20 минут просмотра выключаю, потому что понимаю, что не хочу смотреть фильмы про любовь. Безуспешно потыкавшись в поисках хорошего фильма без любви, решаю прогуляться.

Одеваюсь и, взяв телефон в руки перед выходом, замечаю пропущенный от Ромы — видимо он звонил, когда ходила за водой. Мысленно прошу прощения и не перезваниваю. Сейчас мне хочется побыть одной.

Недалеко от меня есть парк — иду туда, но и здесь всюду встречаю «идеальную» любовь: парочки целуются, хихикают, и наверняка думают, что искренние чувства и есть вот это все. А меня почему-то злит их непосредственность. Сейчас я убеждена: любовь это не страсть, а уважение.

Вновь вспоминаю Рому и то, что не позвонила ему, даже не ответив на его недавно пришедшее: «Привет. Ты как?». Достāju телефон, чтобы исправить и... Кладу обратно.

Не хочу. Мне нужно немного времени, а Рома моего уныния не заслуживает.

Как и не заслуживает, чтобы его невеста вздыхала по своей первой любви, каким бы обаятельным и красивым он не был.

Резко прерываю этот голос во мне, не дав ему разговориться на полную силу. И так тошно. Жаль, что сейчас нет возможности встретиться со Светой — моей близкой подругой. Хотела бы я поделиться с ней тем, что творится на душе, но она в Токио по работе и очень загружена, поэтому последние две недели мы общаемся редко и то, только в мессенджерах.

В пятницу беру дополнительный выходной и еду к папе. И не только потому что обещала, а потому что и правда нуждаюсь побыть рядом с близким человеком. Еду в наш с ним общий в прошлом дом.

Он так и не встретил женщину после смерти мамы. Мама ушла когда мне было семь — скоропостижно скончалась от болезни, как говорят в таких случаях. Сейчас понимаю, что у него были отношения, но, видимо, не достаточно серьёзные, потому что он никогда не приводил женщин домой, хотя папа у меня молодой — ему немногим больше сорока, и, в целом весьма симпатичный. Помню реакцию Светы на него, когда та впервые увидела его.

Она очень раскрепощенная в плане общения с противоположным полом, но вот в тот день она выглядела как смущенный подросток. Меня очень позабавило это, но потом, когда она отказывалась приходить ко мне в гости, было уже не так весело.

С ней мы подружились после моего перевода в последний вуз. Я и раньше-то была нелюдимою, с бывшими девчонками-однокурсницами общалась в основном в универе, а вот после перевода вообще замкнулась в себе и ни с кем не общалась до тех пор, пока нас с яркой и общительной Светой не поставили в пару по курсовой.

— Маш, а почему ты такая замкнутая? Ты же нормальная. Прикольная вон, — на какой-то день нашей работы спросила Света.

Я лишь пожала плечами, не желая обнажать еще свежую рану после того, что произошло с Женей, но увидев в тот момент в Свете хорошего человека, позволила нашей дружбе зародиться.

Много изменений моих произошли также благодаря ей.

— Але, Маш, ты чего сутулишься? — как-то на последней паре спросила она, хмуро глядя в область моей спины. — Это же на лице сказывается и на прикусе. Почему брекеты не поставишь? Только их надо обязательно с остеопатом параллельно выпрямлять. Я тебе классную клинику посоветую. Мама там работает, она все время в шоке, что они творят. Пипец там такие приходят... Ну как ты, только еще хуже, а выходят красавицами, — да, в

выражениях Света иногда не стеснялась, но я понимала, что говорила она от чистого сердца, а не чтобы унижить или возвысится, поэтому воспринимала нормально. — Ну не сразу выходят, ясен пень, но спустя полгода вообще не узнать. Ты бы хоть красилась, что ли. Пошли сегодня к стилисту? Я на покраску записалась. Если у Анжелки время будет — и тебе образ подберет.

После того почти монолога и начался путь превращения меня из гадкого утенка в нынешнюю Машу. Ее слова будто открыли мне глаза, и от помощи я не отказалась, через какое-то время увидев в зеркале преображённую версию себя.

Я лежала на валике, ходила к остеопатам, научилась пользоваться косметикой, нашла свой стиль и даже носила брекеты. А потом, опять же благодаря Свете, начала встречаться с Ромой.

Пока папа на работе, доделываю работу и отправляю Фине, чтобы та сама переслала готовые фото Жене. Доплачивал он ей, поэтому считаю резонным показать результат, хотя обычно она мне в этом вопросе полностью доверяет. Ну и с Женей не придется пересекаться даже в электронно-почтовом формате.

Могла бы поехать на работу, как всегда делала при таких ситуациях — в студии рабочая атмосфера, удобный второй экран. Но сейчас еще слишком свежи моменты с Женей, о которых это самое рабочее место мне будет напоминать.

Хотя воспоминания, правда более ранние, все же обрушиваются на меня, едва я захожу в свою спальню: вот здесь я обрабатывала ссадины Клыкову, а потом, усадив на свои колени, он начал меня целовать, а потом... Зажмуриваю глаза, пока в памяти проносятся мучительно-сладкие флешбеки.

А потом — на утро он сказал то, что окончательно поставило между нами точку...

Папа приходит пораньше, и я со всей своей теплотой обнимаю его, едва он успевает раздеться. Он всегда меня защищал и оберегал. Мой самый лучший для меня папа. Он, ничего не спрашивая, обнимает в ответ, лишь внимательно вглядываясь после в мои глаза.

— Все хорошо, пап. Такое бывает... — отвечаю на беспокойство в его глазах и слегка улыбаюсь.

— Если он тебя обидит — я ему не только уши оторву, но и все что торчит, — все же говорит папа.

Уже «обидел» и совсем не тот, про кого говоришь ты, пап...

Потом мы ужинаем, обсуждаем все на свете, и я более умиротворенная ложусь спать, немного найдя силы для переписки с Ромой до этого.

Субботу и следующий день также провожу с папой, а вечером воскресенья соглашаюсь на предложение Ромы провести вечер и ночь у него.

Я не могу отказать. И не потому что не умею говорить «нет» — как раз в этом вопросе я себе чаще напоминаю пуританку, но сейчас я хочу хотя бы немного утолить то желание, с которым живу уже несколько дней.

Рома классный. Он заказывает еду из ресторана, на телефон отвлекается редко и только по необходимости, спрашивает, как прошла рабочая неделя и почему я не пошла на работу в пятницу, на что получает мои скупые ответы, не обличающие всей правды. После делает мне массаж, а потом, наверно впервые во время секса с Ромой, я испытываю оргазм.

И то, почему это случается именно сейчас, меня раздавливает, потому что во время близости я представляю Женю. Его губы, руки, глаза. И когда «Женя» губами Ромы касается моей шеи я улетаю.

Он просто был моим первым, и так как в памяти он освежился своим присутствием, психика и выдаёт такие выкрутасы, — объясняю я себе, но не могу отделаться от свербящего чувства неправильности моего поведения.

А через неделю мы с Ромой идем подавать заявление в ЗАГС.

Женя

Еду и все, что сейчас могу слушать — только Винтаж.

Вот и все. Разбили тролли все зеркала.

И сердце Герды все изо льда...

Вот уж точно:

На паузе не сказочный мир. Без тебя.

Видимо не заслужил я своего счастливого мира с Машей. Сука... Только сейчас явно ощущаю, чего хотел, и в голове проносятся картинки, чего уже никогда не будет. И как больно от осознания этого!

Но я должен ее отпустить. Она его реально любит. Уж кто-кто, а Маша врать не умеет.

А если она и себе врет? И сама в это верит? И тогда получается, она говорила правду, которая не правда.

Мда, Клыков, хорош искать оправдания и выдумывать. Все. Это зи энд. Который не хэппи.

Настроение на нуле, но бизнес на это не смотрит. А вообще дела меня всегда вытаскивали из пятой точки. Так происходит и сейчас. Нет, стопроцентного переключения из Жени унылого в Женю на подъеме не происходит, но все же временами я погружаюсь в рабочие процессы, вытесняя этим остальные мысли.

В истории с заморозкой на таможне намечаются первые сдвиги, что, несомненно, не может не радовать, хотя и об успехе говорить еще рано.

Еду домой, пропустив игру с пацанами в баскетбол. В принципе мог бы успеть, не смотря на загруженность, но не захотел. Видеть их довольные рожи, слушать либо их рассказы про случайных баб, либо рассказы уже женатых товарищей, завидовать тем, кого пришли поддержать их девушки, несмотря на то, что это не матч даже, а «дворовая игра». Нет. Сегодня это выше моих сил. Да и рассказывать, почему всегда веселый я сегодня поломанный, желания нет, как и изображать из себя фонтан радуги.

Приехав, делаю протеиновый коктейль и позволяю себе считать его ужином. Больше есть ничего не хочу. Вообще ничего не хочу.

И мог бы сказать, что хочу Машу, но и ее не хочу. Предательница. Не могла дожидаться меня? Не могла дожидаться, пока я поумнею и подкачу к ней? Обязательно надо было вступать в отношения с этим дегенератом?

И хотя не хочу, тело почему-то при мыслях о ней пускает кровь в детородный орган. Полноценно он, конечно, не просыпается, так как я пресекаю этот момент, но вот захотеть секса я успеваю.

Блин, не надо было жаловаться, что ничего не хочу. Так было лучше.

Беру телефон, чтобы набрать Кристине и все-таки нажимаю вызов.

— Привет, Жень.

— Привет. Чем занята?

— Только вышла из душа, — мягким голосом говорит она, словно ничего сексуального в том что она вышла из душа нет. Восхищаюсь ее талантом. Правда сейчас для меня в этом ничего сексуального и правда нет. Он опять лег и вставать не хочет.

— Поговори со мной, — прошу я.

— Я могу приехать. Тем более я тебе должна.

— Сказал же — это подарок. Да и устал я.

Не говорить же, что я трахаться не хочу. Зачем шокировать.

— Уста-ал? Ну я могу и сама поработать, причем чем захочешь... — мурлычет она.

— Крис, скажи: ты меня любишь?

— Что за вопросы, Женя? — резко меняется ее голос. — Нет, не люблю. Но трахаешься ты потрясно. Лучше всех. Я серьезно щас.

— Спасибо, — бурчу я.

— Ты заболел что ли? — обеспокоенно спрашивает она.

— Нет.

— Подожди. Ты влюбился? Вот блин... Женя-я. Это же капец. И че теперь делать?

— Знал бы я, — ухмыляюсь я.

— И как давно?

— Хороший вопрос. Знаешь, мне иногда кажется, будто три года. Не, я мог бы сказать «недавно», но походу реально уже с того времени.

— Ты гонишь? Мы знакомы с тобой полгода.

— Да причем здесь ты!

— Так ты не в меня что ли влюблен?

Хочется воскликнуть: «Конечно, не в тебя!», но вовремя прикинув, как это будет звучать, отвечаю мягче:

— Не в тебя. В свою бывшую девушку.

Да, именно ею мне и хочется считать Машу. Пусть хотя бы в прошлом у нас будут отношения.

— Ох, хорошо, что не в меня, конечно, но все равно мы тебя потеряли.

— Кто мы-то?

— Эскортницы, кто. В моем лице, — поясняет Кристина. — Так, Жень, ты как хочешь, а я приеду. Не чужие друг другу люди. Ты пить будешь? Могу угостить на свои кровные.

— Ты из меня свою подругу-алкоголичку не делай. Не буду я пить, итак мутно.

— Как скажешь. Через полчаса буду.

Кристина приезжает все же прихватив безалкогольное вино. Видимо совсем без бутылки поддержка в ее голове существовать не может. Я даже пью это непонятное пойло, и как будто мне оно даже нравится.

Кристина не пристаёт, хотя прекрасно знает, что мой организм, приложи она минимальные усилия, не посмотрит ни на мое настроение, ни на мое «не хочу». Я и правда наверно хорош и горяч в постели, быстро возбуждаюсь. Но Крис оказывается настоящей подругой, не нарушая моего первоначального желания просто поговорить. А разговариваем мы либо ни о чем, либо просто молчим.

Засыпаю я под ее максимально аккуратный массаж головы, а просыпаюсь уже один.

Заказываю цветы и дорогую коробку конфет с просьбой написать на открытке «Спасибо», и называю адрес Кристины.

А мог бы тебе, Маша, отправлять, причем не только цветы, а вообще все, что ты бы пожелала. Не будь ты такой...

Никаких подходящих оскорбительных слов на ум не приходит, поэтому заканчиваю: не будь ты такой неправильно влюбчивой.

Дни идут похожие друг на друга. Понемногу привыкаю к мысли о том, что поступил

правильно, отпустив Машу, но все же нет-нет да мелькает мысль о том, что Маша повстречается со своим придурком, сама все поймет и напишет мне — номер мой у нее есть.

Фантазер, блин.

Среди недели привычно пересекаемся со Смольновым в зале. И он также вынужденно подрабатывает моим психотерапевтом. Хреновым правда, потому что его: «Ты все правильно сделал», нифига не терапевтирует.

В среду нам наконец дают добро на таможне, и несколько дней я полностью занимаюсь уже порядком заскучавшим товаром. Прихожу домой никакой и, едва успеваю перекусить и принять душ, валюсь с ног.

В таком ритме уже начинаю думать, будто реально смирился и могу дальше жить своей привычной жизнью, в которой не было Маши. Вот только то, что я вижу в один из дней просто выбивает почву из под ног.

Еду на Кутузовском и зачем-то, не доезжая театра Куклачева, смотрю вправо, где вижу девушку похожую на Машу. Пялюсь на нее сколько успеваю, пока машина не уезжает вперед, и не верю своим глазам, но уже в зеркало заднего вида узнаю также ее упыря. Вот так встреча. Внутри воспламеняется уже потушенное, как я думал, пламя, а потом и нахрен все взрывается, когда я соображаю, что до театра Куклачева находится, сука, ЗАГС!

Они че поженились?!

Готов развернуться и вернуться по встрече, чтобы разобраться с этим козлом. Но ладно он — чем Маша думала?! Я же мысли даже не допускал, что у них настолько все серьезно!

Стоп...

Маша была довольно просто одета — какое-то темное платье. Не похожа она была на невесту. Да и где все? Хотя бы пахан ее?

Ок, если не женились, то зачем тогда они туда ходили? — туплю я, пока наконец до меня не доходит, что чтобы пожениться, нужно подать заявление.

Это осознание радует, но не очень. Все равно мне стремно и чешутся не только руки ушатать этому жениху, но и кастет, которого у меня сроду не было.

Решаю реально развернуться, только все же не нарушая правила, но проехав несколько километров до поворота, теряю время и возле ЗАГСа уже никого не вижу. Что, возможно, к лучшему, потому что я реально мог наделать дел об его рожу.

В офис приезжаю на взводе и никак не могу успокоиться, подсознательно выискивая, на ком могу выместить злость. А это неправильно. В итоге сворачиваюсь и пулей лечу в зал, только не в тренажёрку, а ищу Ахмеда, который проводит занятия по боксу.

— О, привет!

— Здорова, — жмём мы друг другу руки. — Я — Женя, — представляюсь я — мы раньше не занимались, только пересекались здесь, поэтому он вроде меня и знает, так как часто виделись, но только на лицо.

— Ты меня искал, Катя сказала.

— Да. Ты свободен сейчас? Грушу надо побить.

— Да, свободен. Пошли.

Я переодеваюсь, и, пока Ахмед разговаривает с кем-то на входе, не дожидаясь его, начинаю бить грушу голыми руками.

— Ээ, ты че? Мне тут кровью пачкать не надо. Надевай перчатки! — строго говорит Ахмед, подойдя ко мне.

И хоть понимаю, что не в испачканной груше дело, а в моих стёртых руках, но возразить

не могу. Хитрый он, однако.

— Так. Я сразу понял, что ты неспроста ко мне. За все время ни разу не приходил, значит что-то реально триггернуло. Но давай так. Какая у тебя цель заниматься со мной сейчас? Если просто выместить зло на груше — ок, только перчатки все же надень. Но если захочешь — могу научить, как выместить гнев более эффективно. Решай.

— Более эффективно? Это как? — удается ему меня заинтересовать.

— Дело в дыхании. Смотри... — начинает наставлять Ахмед.

Зря я раньше не занимался. Меньше ударов пропускал бы. А с другой стороны, меньше и от меня получали, хотя получали итак знатно.

Вспоминаю из-за каких мелочей раньше были стычки и понимаю, что ни одна не сравнится с серьёзностью происходящего сейчас. Казалось бы, вот реальная причина, а знаю, что кулаками здесь практически ничего не решить — бессмысленно просто избить его. Маше ещё жалко его станет, а меня тогда окончательно запишет в мудаки.

После тренировки мысли удивительным образом приводятся в порядок. Но все же не до конца — основной вопрос моего состояния не решен. Поэтому приняв душ, я смотрю на часы и еду в студию к Маше. Только подъезжаю и вижу, как она садится в такси. Решаю ехать за ней.

Впервые так шпионю за кем-то и узнаю, что работа эта непростая, особенно в текущих условиях: во-первых большой поток машин, в котором легко упустить из вида такси, каких полно, во-вторых, не присядешь на хвост, потому что машину мою Маша знает, а обозначать себя раньше времени я все же не хочу — вдруг ей взбредет в голову поиграть в прятки, а мне это не нужно — я хочу поговорить с ней.

Наконец мы доезжаем, Маша выходит из такси. Паркую машину где-попало, рискуя нарваться на штраф или эвакуатор, и иду за ней.

— Маша, — окликаю ее, когда она собирается повернуть за угол дома — не знаю ее дома или не ее.

Она поворачивается, видит меня и то, что отображается ее глазах, точно не назовешь спокойствием.

— Ну, привет. Давно не виделись... — говорю, подойдя к ней.

Глава 13. Три дня до свадьбы

Маша

Разглядываю свой шрам, стоя перед зеркалом в новом белом белье, купленном специально для свадьбы и брачной ночи, которое состоит из бюстье и трусиков с высокой посадкой. Как ни пыталась найти комплект, который прикроет хотя бы большую часть шрама, не смогла — такого просто не существует. Не покупать же белый слитный купальник, тем более, что Рома уже все видел.

Раньше думала, что интересно было бы посмотреть в глаза человеку, из-за которого всегда буду стараться скрыть свой живот, никогда не надену отдельный купальник, никогда не смогу покрасоваться перед своим мужчиной в нижнем белье. Но потом простила. Да и что толку увидеть его? Он вряд ли проникнется моей трагедией и попросит прощения. Тем более папа сказал, что разобрался с ним — это был какой-то то ли пьяница, то ли наркоман, и скорее всего второе, потому что то, как папа злился, вспоминая о нем, точно не было похожем на злость на обычного человека. Хотя машина вроде была нормальная — это все, что успела запомнить, перед тем как почувствовать удар и отключиться.

А до свадьбы осталось три дня, не считая сегодняшней ночи.

После того разговора с Женей прошло уже около месяца. Впрочем, я могу назвать и точную дату — в тот день мы с Ромой подали заявление в ЗАГС.

Вновь вспоминаю ту нашу встречу возле моего дома.

— Тебя можно поздравить?

— С чем? — слишком пьяняще действует на меня близость Жени, и я теряю возможность мыслить. А еще я, оказывается, безумно по нему соскучилась.

— Почему ты не сказала, что собираешься за него замуж?

Женя делает выпад в мою сторону и упирается одной рукой о стену позади меня. И хотя я спокойно могу уйти в другую сторону, все равно почему-то стою и терплю его близость в тридцати сантиметрах от себя. Да, именно терплю, потому что этих тридцати сантиметров очень много!

— Это тебя не касается, — тем не менее нахожу силы ответить с достоинством.

А ведь я действительно не говорила, хотя поводов было достаточно.

Женя отворачивается ухмыляясь, и вновь оборачивается на меня.

— Ты не выйдешь за него замуж! — смотрит он своими умопомрачительно-красивыми карими глазами в мои. А я наслаждаюсь его близостью и ничего не могу с собой поделать!

Он даже не знает, насколько желанны для меня эти слова. Закрываю на секунду глаза, чтобы не улететь слишком высоко от переполняющих эмоций. Но не успеваю их открыть, как чувствую нежное прикосновение пальцев к своей щеке. Они изучающе скользят по щеке к уголку губ, на мгновение замирают, после чего довольно резко переходят на заднюю сторону шеи, и в следующую секунду притягивают меня к губам этого невыносимого человека.

Женя целует чувственно, не переходя грань умеренности, а я позволяю отвечать ему, забыв обо всем на свете. Наши губы изучают друг друга, соприкасаясь, даря невероятные ощущения. В какой-то момент я оказываюсь прижатой к нему и чувствую его властную руку, спускающуюся по моей спине вниз. И все, чего я хочу, это чтобы этот момент длился как можно дольше. Я опять позволяю ему брать себя, пусть и не в полном смысле, потому что то,

как я сейчас открыта перед ним, чувствуется предельно обнаженно.

Женя отстраняется первым и пытается заглянуть в мои глаза. Но я их не поднимаю. Три года назад он тоже отстранился первым, а я потом осталась с разбитыми мечтами о любви.

И... Я ведь сделала выбор, который подтвердила тем же днем заявлением в ЗАГСе.

Я не смогу предать Рому — он этого не заслуживает. А Женя... Однажды он растоптал мое сердце. А люди ведь не меняются, и получается когда он разобьет мое сердце вновь — всего лишь вопрос времени.

— Женя, пожалуйста, оставь меня в покое... — произношу я, пытаюсь удержать подступающие слезы.

В этот момент фары разворачивающейся машины проходятся прямо по нам, и я вдруг понимаю, в какой компрометирующей ситуации сейчас нахожусь. Я ведь уже официально невеста другого! Вместе с этим осознанием все сильнее становятся слышны голоса из-за угла дома, что доносятся с той же протоптанной дорожки, по которой минутами ранее шла я.

Женя тоже их слышит, но перед тем как уйти, вглядывается в мои глаза и говорит твердое:

— Нет.

Его «нет» было угрожающим, и в то же время вселяющим непонятную надежду, но в итоге оно оказалось просто словом. Зачем только он постоянно берedit мою душу своими появлениями!

Снимаю белье, надевая другой комплект, и иду готовить ужин. Сегодня Рома должен приехать в гости, и потом до свадьбы мы не увидимся — завтра у меня девичник со Светой, а потом у Ромы важные встречи.

Пока готовлю ужин, еще раз прокручиваю в голове сценарий свадьбы. Вообще ссылаясь на загруженность на работе и некомпетентность в устроивании свадеб, сразу все делегировала организатору. Но вот последние дни она все же настояла на обсуждении подготовленного ею сценария. Меня устроило почти все, но теперь, зная программу, я немного волнуюсь.

Мы решили не звать много гостей — только самых близких, но в итоге набралось 50 человек: то Роме важно присутствие деловых партнеров, то папа решил собрать всех своих друзей — как-никак дочь выдает замуж. Но, несмотря на большее число гостей, чем планировала я, хотя и не такое огромное закати мы пир как хотел папа, программа все равно получается насыщенной. Про деньги я вообще молчу — основные расходы взял на себя папа.

Высыпаю и выливаю в миску все ингредиенты для одного из моих любимых соусов, и в этот момент звонит Рома.

— Алло, — отвечаю я.

— Мащ, привет. Ребята организовали мальчишник. Пытался отказаться, но они говорят уже застолбили программу.

— Не приедешь? — спрашиваю, зажав телефон ухом и помешивая в миске соус.

— Нет, приеду, конечно, но через часа два, ладно? Просто для галочки посижу немного с ними и к тебе. Я соскучился.

— Ром, не приезжай, — откладываю миску на стол и беру телефон в руки. — Всё-таки они старались, да и мальчишник бывает раз в жизни. Отдохни как следует, а вместе провести ночь мы ещё успеем. Для этого и женимся.

Произнеся все это, я понимаю, что не хочу, чтобы Рома сегодня приезжал. Так, видимо, выражается предсвадебный мандраж.

— Нет, я хочу приехать.

— Ром, если честно — я устала, очень хочу спать, — придумываю новую отмазку и верю сама себе, потому что прямо начинаю чувствовать эту усталость.

— Эмм, ну тогда ладно. Но я все равно напишу, вдруг не будешь спать.

— Ладно. Хорошо отдохнуть, — выдыхаю я.

— Спасибо. А тебе спокойной ночи. Не собрала еще вещи?

— Еще нет. Завтра.

— Ну хорошо. Целую тебя.

Да, я до сих пор не перевезла основные вещи, отправив лишь то, чем не пользуюсь и то, что по сути не особо нужно. Нравится мне моя квартира, а в Роминой мне не уютно, хотя она просторнее и ремонт там по последней моде.

Положив телефон на стол и вновь взяв в руки миску, вспоминаю его друзей. Некстати в памяти всплывает тот случай, после которого отношение папы к Роме изменилось.

— Машунь. Я... Видел Рому сегодня, когда домой ехал. Машина его мне попалась аккурат на светофоре. Он, — папа сделал паузу, подбирая слова. — В общем в машине он был не один.

— А с кем?

— С девушкой.

— Эм... И это была не Марина? — имела ввиду помощницу Ромы.

— Нет, не Марина.

— Тогда наверно кто-то с работы. Он вечно с кем-то встречается по рабочим вопросам.

— Они ехали не на работу. Я попросил Виктора проследить.

— Пааап... — следить гнусно, но я понимала, что папа так поступал не из любопытства, а из любви ко мне. — И куда они ехали?

— В клуб.

— Он мне говорил, что поедет в клуб. С собой звал, я не захотела, так что не переживай. А то, что девушки в их компании бывают, так это нормально — он один не свободный, остальные все холостые.

— Ладно. Не хотел тебя травмировать... — папа достал телефон. — Это Виктор снял.

Взяла папин телефон и на фото увидела, как Рома обнимал блондинку с огромной тату на шее.

— Видимо я ошибался в нем. Никакой он не порядочный.

— Перешли мне, пожалуйста. Я в клуб.

Я рассуждала так: если это так, и Рома действительно там мутит с какой-то девушкой, то я должна это видеть.

Прошла фейс-контроль, чуть не провалив его, потому что даже не пришло в голову одеться подобающе, а не в первое, что попало под руку: джинсы и свитер. После чего зашла внутрь, быстро отыскала глазами компанию Ромы и... Не увидела никого кроме парней.

Рома сразу меня заметил, подлетел ко мне и позвал присоединиться к его друзьям.

— Вы одни тут? — спросила я, чувствуя себя ревливой истеричкой.

— Даа, — довольно ответил Рома. — Бывшую однокурсницу встретил, потанцевал с ней один танец и она ушла. Надеюсь ты не ревнуешь?

— Нет.

— Останешься?

— Нет, я наверно пойду.

— Ок, идем провожу тебя.

Что странно: тогда Рома даже не спросил, что я делаю в клубе, да еще и в такой одежде. А я настолько себя неловко чувствовала, что даже не задумалась об этом.

Но ладно, что было, то было. Приехав тогда домой, сразу сказала папе, чтоб больше не лез в мою жизнь, потому что меня задевает его недоверие. И именно после этого случая я поняла, что больше жить под опекой папы не вариант — в итоге этот инцидент помог мне съехать от родителя.

Поужинав в одиночестве и в том же одиночестве уснув, на утро просыпаюсь в более приподнятом настроении. А все потому что сегодня я еду тусить со Светой. Хотя вряд ли наши посиделки в кафе можно назвать тусой. Но тем не менее. Виделись мы с тех пор, как она вернулась из Токио, только один раз, поэтому насладиться ее обществом сполна я еще не успела.

Надеваю под шубку свое любимое платье и теплые колготки и выхожу на улицу, не вызвав заранее такси — не хочу спешить по нерасчищенному с утра снегу.

Смотрю под ноги, чтобы не поскользнуться и пугаюсь, когда прямо возле меня тормозит машина с характерным звуком стирающихся шин. Окно с пассажирского места опускается, и за рулем я вижу Женю. Ну конечно, кого же еще я могла увидеть за три дня до свадьбы.

— Привет. Тебя подвезти? — чуть пригнувшись, чтобы видеть меня, спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я, стараясь не выдать своей злости на очередное его бессмысленное появление.

— Боишься, что передумаешь выходить замуж? — улыбается этот гад.

— Не боюсь.

— Тогда... Садись?

Усмехаюсь такой дешёвой манипуляции, но почему-то, открыв дверь, сажусь.

И уже через несколько минут понимаю, что это было ошибкой.

— Ты не туда свернул, — спокойно говорю Жене.

В самом начале я назвала адрес кафе, но Женя не стал даже вбивать его в навигатор, сказав, что прекрасно знает как ехать. Видимо все же не так хорошо знает, — усмехаюсь про себя его самоуверенности.

— Да — я не собираюсь подрабатывать твоим шофёром, — еще более спокойно, чем я отвечает он.

— Ты сам предложил подвести! — не выдерживаю этого хамства и даже выпрямляюсь насколько позволяет это сделать ремень безопасности.

— Да, но я не говорил, что довезу тебя, куда ты сказала.

Голова кипит, и я ничего не понимаю. Он странный. Или я глуповата. Или и то, и другое сразу.

— Ладно, останови машину, я выйду, — устало говорю я. Проще выйти и доехать самой, чем играть с ним в кроссворды.

— Мащ, ты не поняла что ли? — Клыков удивленно переводит взгляд с дороги на меня.

— Что не поняла?

— Я тебя украл!

Глава 14. Похитил

Женя

Маша пребывает в шоке, потому что после сказанного мной, она не проронила ни слова.

А мне это только на руку — нужно скорее выехать за МКАД, пока она не опомнилась. Я ее все равно, конечно, увезу, но без ее дерганий сделать это будет приятней. Периодически поглядываю на нее, убеждаясь, что она не превратилась в куклу и просто осмысливает происходящее. Щедро дарю ей на это время и тоже молчу, пока Маша, не оживляется, пытаюсь достать что-то из сумочки.

— Маш, прости, но если достанешь телефон, то мне придется его выкинуть.

Маша зло зыркает на меня, но руки из сумки достает пустыми.

— Куда мы едем? — спрашивает глядя прямо перед собой и по-прежнему испаряя злость.

— В одно место. Тебе понравится.

— С чего оно должно мне понравится, если меня туда везёшь ты! — поворачивается на меня и прямо пронзает насквозь своими карими глазами.

— Не надо делать из меня своего врага — я всего лишь желаю тебе счастья. Я дал тебе время подумать, но ты так и не прозрела. Придется прозревать тебя принудительно. Не давай же тебе загубить свою жизнь. Ну и мою заодно... — произношу себе под нос уже очень тихо.

— Я не собираюсь губить свою жизнь, — Маша сейчас напоминает мне маленькую девочку, которая не желает признаваться в своей неправоте.

— Не собиралась бы — порвала бы со своим мудилой. Вот скажи: ты с ним из-за денег? Не верю я, что ты настолько слепая, чтобы любить такого. Сначала, конечно поверил, но это сначала.

— Женя, я устала. Я думала мы все обсудили тогда в студии, — выдыхает устало Маша, имея в виду видимо то, что я собрался оставить ее в покое. А я и правда собирался, пока своими глазами не увидел, что она творит.

— Маш, я тогда не знал, что ты замуж за этого хорька собралась!

— Куда мы едем? — уже не спорит Маша, переводя тему.

— Ты не выйдешь за него, — отрезаю, также сбавляя обороты.

— Как скажешь. Слушаюсь и повинуюсь. Так куда мы едем?

— Я тебя похитил.

— Смешно, но не очень. Раньше ты лучше шутил.

— Да нет, и сейчас шучу классно, харизму не продашь, просто... Я не шучу Маш, поэтому и не смешно.

Маша вновь переваривает сказанное какое-то время, после чего выдает, опять подключив эмоции.

— Почему двери заперты?

Ох, какой я все-таки молодец, что запер их. Ещё думал: ну не будет же она на ходу выпрыгивать. Оказывается «будет», не продумай я этот момент заранее.

— Останови машину!

— А сейчас, мне кажется, шутишь ты. Ночь, метель, ты красивая — да тебя украдут, дверь не успеешь захлопнуть.

— Сейчас утро, — поправляет она.

— А могла бы быть ночь, если бы ты соизволила выйти вчера.

На этой фразе глаза ее округляются, и она не веря смотрит на меня.

— Ты меня ждал и ночью?

— Точнее всю ночь. Да. Чуть жопу не отморозил, когда уснул, выключив двигатель, ну и печку.

Вижу, что произвел эффект на нее, но я и правда не мог упустить ее. Итак протянул до последнего в надежде, что одумается сама.

Дальше едем в тишине, и в какой-то момент Маша засыпает. А я, пользуясь случаем, периодически люблюсь ей и жалею, что приходится делать это урывками, чтобы не отвлекаться от дороги.

Глава 15. Приехали

Маша

Слышу звук глушения двигателя и просыпаюсь. Как я могла уснуть? Я же вроде не так поздно легла вчера. Видимо сказались переживания последних дней. Или Женя меня усыпил. Чем только? Своей непошибаемой энергетикой?

Хотя отчасти это может быть правдой — несмотря на то, что он невероятно меня злит, в его присутствии мне комфортно и спокойно. Не всегда, конечно. Иногда очень даже беспокойно, если говорить про скручивание узлов внизу живота при его поцелуях, но все же, когда Женя никак не провоцирует, ну и когда я сама не смотрю на него как самка на самца, мне очень даже комфортно.

Сказать, что я очень удивилась, услышав его план — ничего не сказать. Вначале я даже отказывалась верить. Такое просто не укладывалось в голове! Больше воровать что ли некого? Зачем меня? Но чем больше мы приближались к периферии столицы, тем я больше убеждалась, что Женя действительно сошел с ума.

Окончательно я поняла, что он не шутит, когда он пригрозил выкинуть мой телефон. Я даже не смогла посмотреть звонила ли Света — вчера перед сном поставила телефон в режим «Не беспокоить», а утром забыла его выключить. Хотя, конечно, звонила — даже не представляю, какие эмоции она испытала, когда поняла, что я не приду, не отвечая ей при этом.

Но послушаться Женю и рисковать тем самым я не могла, потому что вероятность, что он вернется за моим телефоном, после того как исполнит угрозу, примерно равнялась вероятности того, что он потом сам даст мне свой телефон, чтобы я позвонила хоть кому-нибудь. То есть невероятно низка.

Благодаря вовремя включенному критическому мышлению мне удалось не впасть в панику. Во-первых, время есть — ему ведь пришлось в голову провернуть это не в день свадьбы. А во-вторых, отношения лучше выяснять не в движущемся транспортном средстве, особенно когда скорость на трассе за сто. Хотя, Боже, какие отношения. Я вообще не знаю, что у этого парня на уме.

Мешать ему вести машину, как это делают в фильмах, я и не думала: как-то очень ответственно начинаешь относиться к вождению после того, как прочувствуешь аварию на себе.

— Не надо делать из меня своего врага — я всего лишь желаю тебе счастья, — сказал во время нашей беседы Женя. — Я дал тебе время подумать, но ты так и не прозрела. Придется прозреть тебя принудительно. Не давать же тебе загубить свою жизнь.

Так вот оказывается почему он не исполнил свою угрозу не оставить меня в покое раньше! Пока я подсознательно ждала, он... Тоже ждал...

Нет, не надо мне об этом думать, иначе я очень-очень сильно рискую смотреть на Женю другими глазами.

И опять я забыла про Рому, с которым у меня свадьба в воскресенье. Нужно почаще думать о нем. Только вот когда Женя рядом это сделать практически не возможно. Да и не хочется. Совсем.

В какой-то момент я даже немного успокоилась.

Ок, ладно, похитил. Сейчас быстренько доедем, я ему еще раз все объясню и вернусь

обратно. Получится, что я просто прокатилась с ним и опоздала на встречу со Светой. Ну с кем не бывает, правда?

А может кто-нибудь обратил внимание, как меня увезли, и за нами едет полиция?

Поняла, что это полнейшая чушь — я ведь сама села в его машину! Кому придет в голову, что девушку, по своей воле садящуюся в машину, похищают.

Опять не посидим со Светой, только уже по моей вине. Не совсем, конечно, по моей — посмотрела я в этот момент на Клыкова.

И после его «Я не шучу, Маш», меня словно переключило.

Мне нельзя оставаться долго с ним наедине! Никак нельзя...

В панике дернула дверь, и хорошо, что она оказалась заперта — представляю как испугалась бы, откройся она на ходу. На этом моменте я все же погорячилась.

А потом Женя сказал, что я красивая, и что он ждал меня всю ночь. Точно. После этого меня и сморило. Настолько сказочными были эти слова, что мозг, видимо, принял их за сон и решил, что раз я уже во сне, то можно и поспать.

— Мы приехали, спящая красавица. Жаль, конечно, что ты сразу проснулась.

— Почему? — немного хриплым голосом после сна спрашиваю я.

— Хотел разбудить тебя поцелуем, — обаятельнейшим образом улыбается этот искуситель, опять заставляя краснеть мои щеки. Видимо замечая мое смущение, Женя говорит: — Но можешь притвориться что спишь, и я все же исполню это желание.

— В другой раз, — отвечаю я, оглядываясь по сторонам, стараясь не выглядеть застенчивой перед ним, и очень горжусь тем, что Клыков даже не находит что ответить. — Где мы?

Пейзаж вокруг, мягко говоря, настораживает. Мы за открытыми воротами посреди какого-то леса, только почему-то здесь проложена и даже немного расчищена дорога. Сколько мы ехали?

По ощущениям долго — точно не несколько минут, а значит мой план быстренько вернуться несколько проваливается. Плюс после сна я какая-то заторможенная, и весь боевой настрой спал на нет.

— Мы в моем логове. Смотрела Красавицу и Чудовище?

— Да.

— А я нет. Но там, кажется, девушку похитил дракон и привез к себе домой.

Женя нажимает на маленький пульт, и ворота начинают закрываться, отрезая нас даже от этой лесной дороги.

— Ты что, правда не смотрел этот мультфильм? — удивляюсь я. И ладно мультфильм, но ведь часто попадаются кадры из этого мультфильма. Или Женя думает, что это дракон?

— Там не было дракона, да? Зато смотрел Спящую красавицу и умею классно целовать. Пойдем, познакомлю тебя со своими владениями.

Женя выходит, и, обойдя машину, открывает дверь мне. А в следующую секунду я взвизгиваю от холода, внезапно охватившего ногу — это снег очутился в моих невысоких сапогах.

— Какая же ты принцесса, Маша. Ну ладно, так уж и быть, раз ты об этом просишь.

Не успеваю подумать, о чем вообще говорит Женя, как в следующий миг взвизгиваю уже от ощущения полета — это я оказываюсь на его руках.

— Я не просила!

— Маш, просто наслаждайся. Ты, кстати, довольно легкая. С твоей попой я думал ты

побольше вешишь.

В самый раз было бы залепить ему пощечину, но обе руки заняты, обхватыванием шеи Клыкова.

А попа у меня действительно есть, хотя и не такая перекаченная как сейчас у некоторых. Просто я когда-то ходила на танцы, и там преподавательница целым номером на разминке ставила приседания, а я как прилежная Маша не филонила, в отличие от других, приседая всю песню. Сейчас же, даже не давая той нагрузки, мне удастся удерживать ягодичные мышцы в форме.

Наконец смотрю, куда меня несет Клыков и понимаю, что он не соврал. Нет, там конечно не замок дракона и даже не дворец, а небольшой двухэтажный дом, но он так сказочно выглядит на фоне заснеженных деревьев, что я на всякий случай говорю мозгу, что это реальность, а не сон, чтоб не вздумал опять засыпать.

Иначе Клыков точно исполнит желание с поцелуем. Причем я уже сомневаюсь, что желание это будет только его, потому что так сладко мне у него на руках, что совсем не хочется покидать его объятия.

Ставит меня на ноги Женя только в доме, каким-то образом сумев открыть замок. А я некстати вспоминаю примету, когда на руках в свой дом мужчина вносит свою невесту.

Свою, а не чужую — отрезвляю себя.

Дом внутри оказывается не менее сказочным, хотя и довольно современным, как и снаружи. Из прихожей мы попадаем в большую гостиную. Отделка деревом, мебель и дизайн в скандинавском стиле, камин и елка, несмотря на уже прошедший праздник. Свою маленькую елочку я, по крайней мере, уже убрала.

— Ты встречал Новый год здесь? — спрашиваю, глядя на зелено-белую огромную красавицу, украшенную красными шарами.

— Да, — отвечает Женя, поворачиваясь туда же, куда направлен мой взгляд, а именно на эту волшебную елку.

Один? — едва не вылетает из меня, но Женя сам дополняет свой ответ:

— С друзьями. С Родригесом — он как раз прилетал на зимние праздники с девушкой, с ребятами по работе, и Андреем и его женой Ангелиной, если помнишь ее, — добавляет невзначай.

Конечно. Я ее. Помню. Я ненавидела эту милую и сногсшибательно-красивую девушку! Ведь тогда мне казалось, что именно она украли мое счастье с Женей. Это уже потом я прозрела и поняла, что дело было совсем не в ней, и не она виновата в том, что Клыков влюбился в нее, а не в меня.

Понимаю, что и сейчас ревную, слыша ее имя из уст Жени.

— Ладно, располагайся, пленница, — подмигивает мне мой похититель.

Блин, я ведь уже успела забыться! Маша, срочно соберись. Но не торопись, — тут же поправляю себя. Перед тем как действовать, нужно выждать время, чтобы усыпить бдительность этого злоумышленника. Поэтому решаю послушаться Женю и снимаю шубу, которую сразу же натягиваю обратно.

— Тут холодно!

Женя немного мнётся, и потом все же отвечает:

— Да, немного есть такое. Но ты не переживай. Сейчас мы зажжем камин.

Умелыми движениями он кладет в топку дрова, скручивает бумагу, поджигает, а потом, усевшись на диван рядом с камином, зовет меня:

— Идём сюда — садись рядом.

Холод заставляет двигаться в сторону тепла. Или Жени. Впрочем, решаю думать, что все же первый вариант. Хорошо, что такой выбор вообще есть, и можно не анализировать.

Женя даже немного двигается, и соприкасаемся мы лишь слегка, и то моей шубой и его курткой.

И сидим, смотря на огонь.

Я сижу вместе с ним, смотря на огонь, вместо того чтобы сидеть в кафе со Светой и обсуждать мое бракосочетание. От которого мне сейчас почему-то становится тошно. Наверно телу приятнее лицезреть полыхание пламени, нежели переживать о том, как все пройдет. Не могу же я и вправду не хотеть этой свадьбы.

Видя настрой Жени, понимаю, что разговоры с ним могут не помочь. Придумываю новый план. Как будет возможность позвоню Свете или на крайний случай папе, скину локацию и останется ждать, когда меня заберут, а Жене надают по попе за такие шалости. Конечно, чем дальше он меня увез, тем дольше придется ждать, но ничего.

— Рассказывай, — говорит Женя, глядя прямо перед собой на камин.

— Что рассказывать? — спрашиваю, глядя на его профиль в отблесках огня.

— Тебе печать в паспорт получить не терпелось, или подружкам хвастаться, или что? — теперь и он поворачивается на меня. — До сих пор не догоняю: почему из всей Москвы именно он.

Я уже и сама не догоняю... И правда, почему Рома?

Вспоминаю наше знакомство и почему мы начали встречаться.

Тогда я перевелась на четвертый курс в новом универе. Мы уже дружили со Светой, и на одном из перерывов она спросила, когда разговор впервые зашел про отношения:

— А ты вообще встречалась с кем-нибудь?

— Нет.

— Понятно, значит и секса не было, — сделала неправильный вывод подруга, а я почему-то не смогла ей сразу сказать правду. Было больно и обидно, потому что секс как раз был, а вот отношений нет. По крайней мере полноценных, а не подростковых, которые и отношениями-то можно назвать с натягом.

— Тебе надо с кем-то замутить, а то выходить замуж ни с кем не повстречавшись — так себе идея, — со знанием дела говорила Света. — Во всем нужен опыт. Как тебе Рома с параллельной группы?

— Это который на лекциях перед нами сидит?

— Ага. Я кстати еще тогда догадалась, почему он с Темой поменялся местами.

— Почему?

— Ну ты даешь, Маш. Нравишься ты ему!

Я не поверила, но потом все больше для меня это становилось очевидным, все чаще я замечала взгляды Ромы на себе.

А в один день он и вовсе пригласил меня на свидание, о чем я сказала Свете.

— Согласилась? — спросила она.

— Еще нет. Сказала подумаю.

— Маш, ну не в койку же он тебя сразу зовет. Встречайся с ним!

— С Ромой? — как всегда глупо переспросила я.

— Ну да. Для первого парня он подойдет. Он мне так не нравится особо, но по главным параметрам прокатывает. И в сексе опытный, что немаловажно. Но только торопиться не

надо. Лучше позже, чем раньше. Да и себя слушай — если не хочется, то можешь вообще не давать. Правило трёх месяцев знаешь?

— Нет...

— Короче, не спать с парнями первые три месяца. Вот продержится Рома, тогда и осчастливишь. Но думаю, ты легко сможешь три месяца динамить, — усмехнулась Света.

В итоге динамила Рому я не три месяца, а намного больше, пока не убедилась, что он действительно меня любит.

— Он хороший, — это все, на что хватает сил ответить.

Женя хмыкает и встаёт.

— Сейчас проверю кое-что и приду.

Выжидаю, пока Женя выйдет из комнаты, считаю до пяти и быстро, но аккуратно иду к своей сумочке, оставленной на диване. Трясущимися от волнения руками беру телефон, на котором высвечивается 19 пропущенных от папы и Светы, и, недолго думая, кому позвонить первым, решаю набрать Свете — она умная и быстрее ориентируется, в отличие от Ромы, который вряд ли что-то поймёт, если не смогу долго говорить, и Света не будет сильно переживать в отличие от папы.

Снимаю с блокировки телефон и нажимаю вызов.

Глава 16. Не ловит

Женя

Оставляю Машу греться у камина и иду включать отопление. Вообще мог сделать это сразу как вошли в дом, но искушение посидеть с ней рядом, пользуясь случаем, превысило рациональность.

Настраиваю отопление, а когда возвращаюсь, первое, что слышу от Маши:

— Как это понимать?! Тут связь не ловит!

Маша злая как фурия стоит с телефоном в руках.

Вот же ж жучка.

Как все-таки хорошо, что я продумал этот момент.

Что интересно, когда только купил этот дом на самой окраине нового поселка, который находится в часе езды от Москвы, что по сути не так уж далеко, связи практически не было. Но потом поставили антенны, и ловить стало почти как в Москве.

Что меня в случае с Машей абсолютно не устраивало. Пришлось ставить глушитель связи. Надеюсь, Маша не сталкивалась с ним раньше, так как стоит он на виду, потому что мебели, чтоб запрятать его, пока нет.

— Ну да, иначе забрал бы у тебя телефон. Я ж не совсем тупой — похищать, чтобы ты сбежала. Но вообще, Маш, неплохо было бы отдать мне телефон.

— Еще чего!

— Ладно, не хочешь — как хочешь, но мне так было бы спокойнее. Просто знай это.

— Женя! Отвези меня домой! — настойчиво требует она.

Мда, рано я обрадовался, что все так просто.

— Ты сейчас серьезно? Я еле сюда доехал, да и... Маш, косякнул я: бензина даже до ближайшей заправки не хватит, — сил уже моральных с ней бодаться нет. Все-таки женщины сильнее мужчин. Эмоционально. — И вообще, пошли есть. Или ты не проголодалась? Я прикупил готовой еды — на пару дней хватит, но потом придется готовить.

— Женя! Какое потом, какие, блин, пару дней?! Я замуж выхожу в воскресенье! — Маша даже в таких ситуациях не всегда повышает тон на максимум, и выглядит ее тирада, словно она пытается что-то объяснить непонимающему человеку. Ну хотя да, в принципе так и есть, вот только и она не понимает кое-что.

— Маш, чем скорее ты поймешь, что ты не выходишь замуж в воскресенье, тем лучше. Ну знаешь, я, конечно, терпеливый, но пока это никак не вознаградилось. Ты даже не представляешь, какой я голодный, — на этих словах невольно оглядываю Машу плотоядным взглядом. Жаль платье на ней сегодня не такое облегающее, как в тот день. — И да, голодный и в плане еды — с вечера ничего не ел, пока караулил тебя.

— Маньяк! — цедит Маша.

— А ты сейчас какого имеешь в виду? Сексуального? — спрашиваю, не в силах скрыть улыбку, и опять люблюсь ее смущением.

— Забудь, — отмахивается она, уводя взгляд в сторону и понимая, что я ее отпускать никуда не собираюсь.

Забудешь тут.

— Сейчас схожу за едой в машину и вернусь. Но веди себя, пожалуйста, хорошо. Ты все-

таким в гостях.

— В гостях не по своей воле!

Пожимаю плечами и уже с небольшой опаской оставляю Машу одну. Прихватив из машины лишь пару пакетов с готовой едой, спешу скорее вернуться и, слава Богу, на этот раз застаю Машу сидящей возле камина.

Разогрев покупные контейнеры с едой, ставлю их на стол, но ем потом в одиночестве. Точнее под презрительный Машин взгляд — она «такое» есть отказалась. Какая же она все-таки принцесса, причем сейчас в негативном смысле. Смотрит на еду так, словно это и не еда вовсе. Хорошо я тогда заказал еду из ресторана, к тому же одного из самых дорогих, иначе и тогда столкнулся бы с вот таким отказом.

Вчера же, закупаясь в магазине, просто не подумал, что Маша такое не будет. Я, например, как только появились деньги, кайфовал, что можно не готовить, а покупать готовую еду. Причём не надо утруждать себя звонками в рестораны или тыкаться в приложения — не особо люблю это дело и пользуюсь доставкой только тогда, когда это будет быстрее, например, если ехать до дома еще долго и в магазин заезжать нерационально по времени.

— Ну хочешь я приготовлю что-нибудь? Продукты есть в машине, — предлагаю я, хотя в готовке особо не силен.

— Не хочу, — отрезает Маша и отказывается даже от фруктов, которые помыв ставлю перед ней.

— Ну как хочешь. Потом просто так не дам, придётся просить, — даже эти слова не имеют на Машу никакого эффекта и она гордо уходит с кухни.

Когда выхожу за ней, вновь застаю ее сидящей у камина, но почему-то чувствую, что сейчас лучше оставить ее одну, и иду наверх, чтобы собрать кровать для гостевой спальни. Там уже есть одна, но она мне не нравится — купил ее, просто чтобы было где спать гостям в Новогоднюю ночь, если такое желание у кого-то появится, но в итоге никто из нас так и не спал.

Машу уложу в свою комнату — там у меня и кровать большая, а сам буду спать как раз в гостевой на новой.

Мудохаюсь со сборкой несколько часов, и наконец закончив, замечаю, как, поднявшись, к комнате подходит Маша. Она застаёт меня всего ухаханного. Какого сразу не заказал сборку, торопясь в Москву и оставив это на сейчас, когда не могу пригласить в дом посторонних людей и приходится все делать самому?

Маша с любопытством оглядывает комнату.

— Здесь мы будем спать, — выпрямляясь и демонстрируя свой успех в виде собранной кровати, решаю пошутить и послушать ее возмущение.

— В одной комнате? — спрашивает тоном, не особо похожим на возражение.

И тут меня осеняет гениальность сказанного ею. Ведь и вправду мы можем спать рядом пусть и на разных кроватях. Да ради этого я готов пожертвовать Маше только что собранную кровать! Поэтому о заготовленной комнате для нее решаю умолчать.

— Да, во второй комнате кладовка, — уже намеренно вру я.

Главное успеть закрыть ее на ключ до того, как Маша увидит, что никакая это не кладовка.

— Ладно, ты пока располагайся, а я в душ.

— Здесь есть душ? — удивляется Маша.

— Ну, конечно, есть, — улыбаюсь я.

— Класс. Отопления нет, а душ есть, — закатывает она глаза.

Обожаю эту девушку за ее наивность и доверчивость. Правда только тогда, когда дело касается меня.

Быстро ополоснувшись, возвращаюсь к Маше и застаю ее, сидящей на большом подоконнике окна. Она выглядит как девушка с романтической картинки на фоне падающего за окном снега в своём платье с распущенными длинными волосами. Какие же они у неё красивые. Прямые натурального темно-русого цвета. Да и вообще она такая нежная и открытая, что хочется оберегать ее от всех трудностей этого мира. Но тем не менее это уже не та Маша. Она стала сильнее и прекраснее, не растеряв своей сущности.

Застываю, не смея нарушить красоту этого момента. Только ради этой картины стоило купить этот дом.

Маша едва вздрагивает, увидев меня, а потом мило хмурит свои брови, вырывая меня из моих мыслей.

— Здесь есть отопление. Я потрогала трубы — они горячие, — с укором смотрит она на меня.

— Ну не совсем же я варвар — привозить тебя в неотапливаемое помещение. Я ведь знаю, какая ты нежная, — говорю, продолжая любоваться ею.

— Я не нежная! — возражает Маша, будто я сказал что-то плохое.

А я категорически не согласен с ее возражением.

— Маш, ты очень нежная, — подхожу ближе к ней. — И это прекрасно.

Подойдя вплотную, вновь касаюсь кожи ее лица — только оно сейчас в доступе, не считая кистей рук, которые лежат на ее ногах. Меня словно магнитом тянет к этой девушке, и я вновь предвкушаю наш поцелуй, приближаясь к ее губам, когда она говорит:

— Ты сказал располагаться, а у меня даже сменной одежды нет, — обламывает она момент, опустив свой взгляд.

— Возьмёшь мои вещи, — тихо говорю я, опьяненный ее близостью, но уже не пытаюсь поцеловать.

— И белья.

— С этим проблем вообще нет.

— Тоже возьму у тебя? — ухмыляясь, поднимает Маша свой прекрасный взгляд на меня.

— Нет, можно обойтись и без него. Попу не застудишь — уже не так холодно, — выдыхаю я, приходя в себя.

— Хорошо. Давай свои вещи. Я тоже хочу в душ.

Маша опускает ноги с подоконника и обходит меня, увеличивая расстояние между нами.

Я даю ей полотенце и чистую футболку, чтобы она надела ее после душа вместо халата и, не удержавшись, говорю:

— Маш, прости, но я не имею права не спросить: тебе составить компанию?

Маша дерзко смотрит на меня, а затем так же дерзко отвечает:

— Да, составь.

Глава 17. Повар

Маша

— Маш, прости, но я не имею права не спросить: тебе составить компанию? — спрашивает Женя вручая мне полотенце и свою футболку, когда я собираюсь в душ.

Опять он хочет полюбоваться моей потерянностью, и в попытке этого не допустить, я делаю глупость, ляпнув совершенно необдуманый ответ:

— Да, составь.

И если я надеялась таким своим ответом привести в замешательство Клыкова, то у меня это ничерта не получилось, потому что Клыков, пожав плечами, берет еще одно полотенце и идёт вперед.

— Пойдем.

Я спускаюсь за Женей, так как даже не поняла, где в этом доме душ и туалет. Но вот когда мы наконец доходим до ванной комнаты, я останавливаюсь и стою как вкопанная в пяти шагах от него и двери.

— Ты идешь? — Женя оборачивается и выжидающе смотрит он на меня.

Я вся напряжена, потому что просто не знаю, как выкрутиться из этой ситуации. Понимаю, что это глупо, но не хочу сейчас признавать свое поражение.

Да, зато хочешь, видимо, принять этот самый душ с Клыковым! — злюсь на себя, понимая, что если сейчас не остановлю этого Казанову, то все равно проиграю. А значит выход один — сдать сейчас, а не когда этот беспринципный парень разденется и будет ждать того же от меня. Неужели никогда мне не переиграть его...

— Я... — собираюсь озвучить свою капитуляцию, но Женя меня перебивает.

— Иди, Маш. Я пошутил, — смотрит прямо в глаза. — Я продукты из машины принесу, пока они там не заморозились, и снег расчищу во дворе. Так что не теряй меня.

Ловким движением он перекидывает полотенце через плечо и действительно идёт в сторону входной двери.

Что это сейчас было? В Клыкове есть благородство? Невольно проникаю к нему еще большей симпатией и... Благодарностью.

Захожу в ванную и осматриваюсь. Помимо душа с туалетом тут есть ещё и стильная ванная, в которой непременно хочется полежать.

Но не сейчас, — отговариваю себя и иду в душ. В классный тропический душ, почти такой же как у папы, по которому я успела соскучиться, так как в квартире, что я снимаю установлен хороший, но все же не такой к какому привыкла.

Добавляю еще один пункт к симпатии этого дома. И, стоя под упругими струями воды, нежно массирующими кожу, в голову лезут непрошенные картинки, что было бы, если бы и я и Женя всерьёз дошли до сюда вдвоём. Это вполне интересно, особенно учитывая, что несколько часов назад я хотела сбежать.

А вообще я запуталась. Когда поняла, что связаться ни с кем не удастся, так как связи попросту нет, я действительно разозлилась. Но при этом внутри я словно обрадовалась этому. Я наверно схожу с ума... А его «нет бензина» вообще расслабило, потому что я поняла, что теперь от меня вообще ничего не зависит и убеждать Женю бессмысленно. По крайней мере, до первой возможности сбежать отсюда. А так как сейчас от меня ничего не зависит, то можно и не думать об этом и просто жить.

Только полноценно жить сразу не получается. Вспоминаю то, что Женя ел, и едва зарождающийся аппетит тут же пропадает. Как он вообще может есть это неаппетитное месиво? Зачем он так питается? У него же есть деньги.

Вначале Женя видимо думал, что я специально отказываюсь есть, как это было в тот раз, и видимо его поглощение еды должно было заставить меня присоединиться к нему. Но потом я увидела в нем искреннее переживание:

— Ну хочешь я приготовлю что-нибудь? Продукты есть в машине.

Согласиться только ради того, чтобы посмотреть как Женя будет это делать, я не смогла — аппетита не было в принципе. И вообще хотелось побыть одной. Благо мест для этого в этом доме оказалось предостаточно. Сначала это был камин. Я устроилась возле него, и мысли сами разбежались, оставив меня медитировать на огонь. Всегда хотела начать медитировать, но никогда мне это не удавалось — не получалось сразу перестать думать, а тут это получилось как-то само собой.

Сколько я так просидела — не знаю. За окном давно стемнело, но я даже приблизительно не догадывалась сколько времени — настенных часов в доме я не заметила. И можно было посмотреть время на телефоне, но почему-то не хотелось лишний раз его трогать.

Неужели я боялась, что появится связь?.. Нет, даже если это так, то не хочу об этом думать сейчас.

Но, Боже... Какой же это подарок иметь возможность вот так сидеть и любоваться чем-то. Когда бы ещё я так посидела? Никогда? Дома всегда нашёлся бы ноутбук или другие дела, а здесь даже пыль протёрта.

По ощущениям прошло несколько часов, а Женя так и не спустился за это время. Зато откуда-то сверху периодически доносились звуки, а меня так и влекло посмотреть, чем он занимается. Не хотелось подниматься самой, но любопытная Маша все-таки пересилила скромную, правда, немного опоздав, потому что, когда я поднялась, Женя уже закончил, и все что я увидела — это результат его труда и его самого в испарине от проделанной работы. Так у меня появился незакрытый гештальт: посмотреть, как Женя работает.

— Здесь мы будем спать, — озвучивает мою догадку Женя, а я радуюсь, увидев, что он собрал для одного из нас вторую кровать. Мог бы и комнату выделить, но хотя бы так. Зная Женю, не удивлюсь, что я первая, с кем он собирается спать врозь. Все его девушки наверняка мечтали уснуть и проснуться с ним. Сколько их у него интересно было? И скольких он вот так добивался? А добившись, выбрасывал из своей жизни.

Об этом я думала, пока Женя был в душе.

Вид со второго этажа открывался очень манящий окунуться в его атмосферу: фонари вокруг дома подсвечивали снег, который шел мелкими, но густыми хлопьями и все больше укрывал собою деревья и ели. Осмотревшись в комнате, я не удержалась и залезла на большой подоконник. Этот дом явно проектировал романтик. В папиной двухуровневой квартире подоконники, несмотря на огромную стоимость жилья и ремонта, всегда были узкие, потому что стиль не подразумевал иного, а я всегда мечтала вот так забраться с книгой, укутаться пледом и читать. Книг у Жени не виделось, но они оказались и не нужны, как впрочем и плед, потому что тепло камина каким-то чудом дошло до второго этажа. Я действительно так думала, пока моя попа не нагрелась снизу, а рукой я не наткнулась на горячую батарею под подоконником.

Женя вскоре вернулся из душа и выслушал мое возмущение по этому поводу. Нельзя

злоупотреблять наивностью девушек!

А потом он назвал меня нежной. И чуть не поцеловал. А я как никогда понимала, что этого нельзя допустить. Потому что сейчас мы не на улице, как в последний раз, у него не звонит телефон, как в первый, а еще совсем рядом есть кровать. Две полутороспальные кровати, которые при желании могут вместить на себе двух человек.

Вдоволь насытившись душем, выхожу и, вытеревшись полотенцем, надеваю Женину футболку, чтобы хотя бы несколько минут после душа побыть в ней. А ведь я о таком даже раньше не мечтала, и эта футболка мне очень идет. Хотя мало кому она бы не пошла, ведь она принадлежит самому Клыкову.

Трусики еще крутятся в сушильной машине и нужно подождать минут двадцать, пока они высохнут хотя бы для приемлемой влажности. Но все же без них, пусть и не надолго, я выйти не решаюсь и, присев на край ванны, жду.

Наконец, надеваю белье и платье, выхожу из ванной и слышу звуки на кухне. Иду туда. А зайдя, вижу, как Женя что-то готовит на кухне. И что это, если не исполненное желание увидеть его в работе, пусть и не совсем мужской, но почему-то той, что все равно делает Женю привлекательным. Казалось бы, куда уж больше, но все же.

И это при том, что выглядит он не особо умелым поваром — овощи порезаны как попало, куча нерационально задействованной посуды и сам он несколько суетливый.

Он замечает меня, мягко говоря удивлённую происходящим, и говорит:

— Мария Владимировна будет яичницу с овощами? — и тут же его тон меняется с шуточного на серьезный. — Не говори «нет» — я тут изо всех своих моральных сил фигачу!

— Будет, — сдаюсь я не только стараниям Клыкова, но и действительно аппетитным запахам вопреки внешнему виду.

— Я давно не испытывал такого облегчения, — выдыхает Женя, и видно, как плечи его действительно расслабляются. — Переживал, что ты голодовку объявила.

— А это бы помогло?

— Вряд ли. Пришлось бы среди зимы искать поблизости пруд с устрицами, чтобы хоть чем-то тебя соблазнить.

— Или просто креветками, — подыгрываю я, слегка улыбаясь.

— Действительно просто, — хмыкает Женя. — Мой руки и садись за стол.

— Я только из душа, и руки чистые, — снисходительно отвечаю на это.

— Знаю, но всегда мечтал это произнести, — обаятельнейшим образом улыбается новоиспеченный повар.

Мы ужинаем, и, утолив голод яично-овощным шедевром, я говорю Жене:

— Мне нужно подруге и папе сообщить, что меня похитили.

Что ни говори, а я должна попытаться сообщить им хоть что-то о себе, чтобы они не переживали.

Вижу, что тема эта Жене не нравится, но он отвечает:

— Твой папа в курсе. Ему сообщили.

Почему-то верю и успокаиваюсь. Но не до конца.

— А подруге?

— Дай ее номер. Если будет возможность — сообщат и ей.

Не спрашиваю, как Женя сделает это, и немного ревную, диктую номер Светы. Хотя наверняка она нашла способ связаться с папой, и он ее посвятил. Только думать о том, что папа может найти нас и прихлопнуть Женю, не хочу. Что, интересно, сказал ему Клыков?

— Как мы выберемся отсюда, если здесь нет ни связи, ни бензина? — задаю интересующий вопрос.

— Не волнуйся. В понедельник за нами приедут. Кстати. Это тебе, — протягивает он пакеты с логотипами брендов одежды. — Забыл, что купил. Вот...

Заглядываю в них и вижу, ожидаемо, вещи.

Как можно об этом забыть?!

— Примеришь?

Обрадовавшись, что мне не придется до понедельника ходить в одном платье, киваю и спешу вверх. Прикрыв дверь, начинаю вытаскивать вещи из пакетов, в которых оказываются платья, кофты, юбки, футболки и спортивные штаны из магазинов массмаркета, а вот белье в одном из пакетов качеством лучше, но все равно не люксового бренда, что ношу я. И хотя это не премиум вещи, какие дарил мне Рома, или покупал папа, мне все равно приятно, пусть и не так, не пожалей Женя на меня денег, ведь я знаю, что сейчас он вполне может себе это позволить. О том что там, где Женя купил эти вещи, могло не быть привычных магазинов и бутиков в тот момент мне в голову не приходит.

Примеряю наиболее понравившиеся вещи и слышу негромкий стук.

— Маш, я уже устал ждать за дверью. Покажись хотя бы — мне же интересно, — доносится из-за двери.

Вот блин, он что уже столько времени ждет?

— Можешь входить.

Женя видит меня в одном из платьев, разумеется облегающем, потому что других он не взял.

— Я угадал с размером? Круто. Никогда не заказывал для кого-то одежду, — смотрит он на меня восторженным взглядом.

— Спасибо.

Его слова греют душу, а еще вспоминаю слова папы и хочется поделиться с ним тем, что купить платье мне Женя все-таки смог, и даже не одно.

— А белье на тебе... Тоже новое? — Женя сглатывает, разглядывая мое тело.

— Нет! Я высушила свое. А это еще нужно постирать.

— Ты стираешь новые вещи?

— Белье да, — отвечаю тише.

Повисает недолгое молчание.

— Уже поздно, но не сильно. Посмотрим фильм или пойдём спать? — спрашивает Женя.

Видимо сказывается свежий воздух, потому что в момент, когда он говорит это, я чувствую, что меня немного, но все же клонит ко сну. А ещё мне кажется немного странным смотреть фильм с Женей — фактически он до сих пор числится моим похитителем.

— Спать, — коротко отвечаю я.

— Тебе точно понравился ужин? — спрашивает Женя пока я складываю новую одежду, на что я одобрительно киваю. — А то какой-то я плохой дракон-чудовище.

Самый лучший из всех возможных...

Но думаю я так недолго, потому что когда мы ложимся спать, я опять мерзну, из-за того что опять в этом доме стало холодно. Не так чтобы замерзнуть совсем, но и уснуть не получается.

Глава 18. Имя

Женя

— Женя... — мне так нравится, что Маша зовет меня по имени, что не сразу улавливаю ее тон. — Мы здесь окоченеем! Почему так холодно?

— Что-то с отоплением, — отвечаю ей.

О том, что это что-то сделал я, благополучно умалчиваю. Да, знаю, что я подонок, но, зайдя вечером в котельную, не удержался от соблазна возникшего в голове, где мы с Машей, чтобы согреться спим вместе, и понизил градусы на втором этаже. Сама Маша ко мне в объятия не придет. А мне это нужно. Жизненно необходимо. Поэтому я даже не особо мучаюсь угрызениями совести.

— Маш, это тебе не квартира в центре. Идём ко мне, так теплее будет.

— Женя, у меня почти через два дня свадьба, я не могу обниматься с тобой.

Маша произносит это так, словно уже и сама не верит в свою дурацкую свадьбу, а говорит то, что должна сказать. Но я решаю не акцентировать на этом внимание.

— Ну так не обнимай. Ложись рядом и все.

Зная Машу, готовлюсь к очередному облому, но она, фыркнув, встает с кровати, идет прямо в мои объятия и ложится рядом.

Есс!

— Женя! — вскрикивает она через несколько секунд.

— Что?

— Ты говорил, что не будет объятий.

— Я сказал, что ты можешь не обнимать. Про себя я не говорил, наоборот, для этого и позвал к себе, — рад, что наконец озвучиваю правду. — Расслабься, не покушаюсь я на твою честь. Просто так теплее. Спи.

А я пока летаю от твоего запаха...

Дышу запахом ее волос. Плаваю в эйфории. Вот же она — та, которую я желаю уже не знаю сколько времени. Даже руку протягивать не надо, потому что она уже под моей рукой, которая обнимает ее в районе живота. И даже от такого соприкосновения наших тел, где мы в одежде, я улетаю. Я так не хотел ни одну. Наши тела идеально совмещаются как детальки пазла — моя грудная клетка прилегает к Машинной спине, а ее попка упирается аккурат в мой пах. Это какая-то пытка, на которую я сам себя обрек.

А как идут ей шмотки, что я сегодня купил. Быстро смотался в ближайший торговый центр, пока она была в душе. Все же во всем нужен опыт, даже в похищениях Маши — даже не подумал, что нужна запасная одежда. Хорошо, она не обнаружила отсутствие мое и машины, иначе вопросов было бы не избежать.

Ну и готовить пришлось самому, потому что если бы на кухне оказалась лапша-вок, причем горячая, Маша точно бы все поняла.

Еще раз вдыхаю полной грудью ее нежный аромат. Если Маша не уснет через пять минут, то я перейду в наступление. Ну невозможно быть джентльменом в этом плане, когда она вот так лежит в моих руках.

Но Маша засыпает. Лежу, наслаждаясь теплом ее тела еще несколько минут, и не выдержав встаю. В штанах, которые я не снял исключительно из-за Маши, дабы она не восприняла мое хождение перед ней в трусах за легкомысленное отношение к ней, уже давно

боевая готовность, которую надо как-то утихомирить, потому что никакого боя не будет — на той стороне все уснули, в отличие от всех нас.

Спустившись вниз, первым делом иду прибавлять градусы, потому что без меня Маша может замерзнуть. А сразу после иду в душ, потому что терпеть уже немогуту. Облегчаю участь самого главного бойца, дав пострелять вхолостую, и стою под душем, размышляя о происходящем.

Неправильно все это. Я совсем крышей поехал из-за Маши. Нужно ее отпустить. Если она что-то поняла для себя из сегодняшнего дня и не сделает глупости, то хорошо, а если нет... То кто я такой, чтобы решать за нее.

Пахан еще этот ее. Я не боюсь его угроз, даже учитывая, что он догадывается, кто увез его дочурку. Хотя, конечно, если включить мозги — бояться есть чего. Но меня в данной ситуации беспокоит другое. Если он реально доберется до нас завтра или послезавтра, то мои усилия будут напрасны, и Маша благополучно выйдет за своего пуфика и будет жить с ним, пока я буду коротать дни в тюрьме. И кто тогда сорвет Машину свадьбу? Он сам этого почему-то не сделал, хотя я думал, он за дочурку глотку перегрызет. Выходит не всем. Или тоже слепой?

Но не сообщить ему я не мог. Я сделал это ради Маши и не зря — она реально успокоилась, когда сказал, что ее отец в курсе, что с ней все в порядке.

Блин, ведь это реально преступление. Но мне бы было пофиг на это, если бы не Маша — не выглядит она особо счастливой со мной: не кидается мне на шею, не говоря о том, чтобы кидаться на меня в более пошлом смысле этого слова, не благодарит за спасение, а наоборот вечно припоминает о своем статусе невесты. Возможно, иногда стоит признать поражение — насильно мил не будешь.

И вдруг это мое убеждение, что с мудаком нельзя быть счастливой. Может у нее получится. А ведь это самое главное — чтобы она была счастлива.

Да, отвезу ее завтра домой.

Возвращаюсь в комнату, планируя лечь на Машину кровать, оставив ее спать на своей, но ведь это Маша — она притягивает меня магнитом, и я сам не замечаю, как вновь обнимаю ее, ложась рядом.

Пытаюсь впитать ее феромоны, насытиться ее близостью в последний раз и мысленно борюсь с собой, объясняя своему телу и душе, что нужно ее отпустить, и в этот момент она поворачивается и сама обнимает меня, прижимаясь ко мне бедрами.

А мое тело вновь приходит в боевую готовность, только вот сейчас я никак не облегчу это состояние, потому что ни за что на свете не лишу себя этих объятий.

Но ее объятия оказываются не самым главным подарком, потому что Маша в следующее мгновение томно выдыхает мое имя и я окончательно улетаю, правда еще больше возбудившись от ее самого сексуального на свете голоса.

Это она что? Эротический сон с моим участием видит?

В подтверждение моего домысла Маша опять едва заметно двигает бедрами.

Нет, Маш, вот после этого я тебя точно не отпущу.

Засыпаю опять с колом в штанах, но уже совсем в другом состоянии. А наутро просыпаюсь раньше Маши.

Она еще нежнее, когда спит. Ресницы слегка подрагивают, а кожа вблизи словно бархат. Не удержавшись, целую мягко в щеку, до которой могу дотянуться в отличие от еще более аппетитных губ, от чего Маша просыпается и немного резко поворачивается на меня, будто

осознавая где она, и что происходит.

— Доброе утро, моя спящая красавица. Ты, кстати, не должна была проснуться.

— Почему? — спрашивает спросони Маша.

— В сказке спящая красавица просыпается от поцелуя в губы.

Маша прикрывает руками лицо.

— Или ты думала я забуду про твой вчерашний «другой раз»? Сегодня он настал. Как тебе спалось? Что снилось? — с нетерпением и улыбкой спрашиваю то, что волнует сейчас больше всего, хотя уже давно догадался сам.

Щеки Маши тут же краснеют, говоря мне намного больше, чем сказала бы Маша словами.

— А почему ты спрашиваешь? — осторожно спрашивает она, еще больше подтверждая такую приятную для меня теорему.

Понимаю, что она все равно не признается, и увожу тему:

— Да так. Может наши сны синхронизировались, и тебе тоже снились желтые гиппопотамы.

Маша смеется, но ее смех граничит с улыбкой. А кайфую от того, что мне удалось ее рассмешить. Как ей идут улыбка и смех, и как мало она их показывает со мной... Хочу чтобы всегда такой была. Ну, хотя бы большую часть времени.

— Ты сегодня опять откажешься есть готовое, и мне нужно будет проводить эту экзекуцию над кухней снова? А ведь у нас есть еще много контейнеров с едой.

— Не вкусной и не аппетитной едой, — закатывает глаза эта принцесса.

— Ты просто привереда. С тобой я так готовить научусь, — ухмыляюсь, но смирившись с таким положением дел. — Я быстро в душ и потом на кухню. Ты не сильно голодная?

— Нет. Обычно на завтрак ем фрукты.

— А я жуть как хочу есть. И тебя бы съел, жаль ты ночью быстро уснула, — подмигиваю ей, почти спрыгиваю с кровати и иду в душ.

А когда выхожу, то не верю своему обонянию — в доме пахнет свежей едой. Запах еды точно не мог остаться со вчерашнего дня. Иду на кухню и застаю Машу там.

— Почти готово, — увидев меня, улыбается она. — Мой руки, — а произнеся это уже усмехается.

— Да я их хоть десять раз могу помыть, если то, что я вижу, происходит в действительности.

— А что тебя смущает? Ты думал я не умею готовить?

— Я думал мне это не светит, — честно признаюсь я.

— Нуу... Ты сказал, что голоден, поэтому я и решила приготовить, чтоб было быстрее.

— Ну хоть какой-то мой голод ты согласилась утолить...

Ем какую-то вкуснятину из овощей и мяса, в то время как Маша действительно завтракает фруктами. А когда позавтракав, складываю посуду в посудомойку, она спрашивает:

— У тебя есть книги? На камин я, кажется, насмотрелась.

Смотрю на нее исподлобья, повернув голову не поворачиваясь корпусом.

— Прости, но книг нет, — ополаскиваю руки, вытираю полотенцем и подхожу к Маше. — Мы будем смотреть сериалы.

Беру ее за руку и веду в гостиную.

Глава 19. Орудие мести

Маша

— Что будем смотреть?

Женя все-таки притащил меня смотреть сериал. Как я и говорила — для меня это слишком интимно, но я все равно пошла на это, оправдывая себя тем, что Женя не оставил мне выбора, да и чем еще здесь заниматься.

— Выбери ты, — отдаю власть над выбором полностью в его распоряжение.

— Ты любишь криминальные сюжеты?

— Эмм, пока не знаю, — отвечаю я, смутно представляя вообще что это. Надеюсь там не будет много крови.

— Ладно, давай посмотрим первую серию, а там будет видно. Но думаю тебе понравится — говорят сериал очень интересный, да и трейлер зачётный.

Но здесь Женя не угадал — несмотря на то, что в сериале даже убийств нет, не говоря о крови и жестокости, сериал не вызывает у меня особого интереса, но видно, что самому ему заходит. Во время титров перед третьей серией он спрашивает:

— Нравится? — и не найдя отрицания на моем лице, делает вывод сам. — Я же говорил интересный.

— Да, нравится, — отвечаю я и почти не вру, потому что мне действительно нравится пусть не сам сериал, но его просмотр. Мне нравится вот так сидеть с Женей. И я даже не сопротивляюсь тому, что он меня почти обнимает — мы устроились на полу, облокотившись о диван, и Женина рука лежит на этом диване, соприкасаясь с моей спиной. Мне нравится вот так быть с ним рядом.

А то, что сериал не отвлекает от прислушивания к себе и своему телу является для меня дополнительным плюсом. А прислушаться есть к чему: мне так хорошо рядом с Женей, что кажется, будто он самый близкий для меня человек, будто мы давно вместе, будто это не наше первое совместное занятие. А я пытаюсь разгадать: телу только кажется так или то, что я чувствую, на самом деле мне бесконечно нравится...

После нескольких серий Женя каким-то образом все равно замечает во мне отсутствие интереса к сериалу и ставит тот на паузу. Неужели меня настолько легко прочесть?

— Тебе не интересно, — заключает он. — Ладно, досмотрю потом без тебя.

Меня царапает это его «без тебя», но он тут же перекрывает эту фразу другой, которая вызывает во мне интерес:

— Можем прогуляться во дворе, если хочешь. Мне нужно почистить снег, а ты можешь посмотреть на это.

— Ты же вчера его чистил.

— Ну за ночь опять намело, — как-то неуверенно отвечает Женя.

— Хорошо, только оденусь потеплее, — соглашаюсь я и иду наверх, чтобы переодеться из платья, что купил Женя, во что-то более практичное. Кажется, среди вещей был теплый спортивный костюм.

Женя ждет меня внизу, после чего мы вместе выходим. Морозный ветер сразу касается кожи лица, и я торопливо надеваю капюшон. А пока я делаю это, Женя успевает сделать нечто невообразимо странное: он быстро отбегает вперед, берет снег в руки, делая из него снежок, и целится в меня!

Я стою не шевелясь, так и держа руками капюшон.

— Маша, вообще-то это, — указывает он на снежок в руке, — приглашение к бою! Кто больше всех попадет в другого, тот потом и целует проигравшего. Понимаешь, что я буду болеть за тебя?

— А я не брошу в тебя ни одного, — придумываю классное, как мне кажется, решение.

И в этот момент снежок попадает прямо в мою шубу. Не больно, но обидно.

— Попал, — констатирую я. — А я нет и не собираюсь, так что никакого поцелуя не будет.

— То есть ты признаешь поражение? — прищуривается Женя.

— Да, — с чувством превосходства отвечаю я.

— Ну раз так, то тогда мне придется тебя поцеловать — ты ведь проигравшая, — ухмыляется этот гад, и тут до меня доходит.

Вот блин... Я не просто проигравшая, но еще и глупая, раз позволила Клыкову заморочить мозги своим «буду болеть за тебя». Ведь и правда нет разницы, если целовать все равно придется одному из нас. У нас счет наверно уже 1000:0 не в мою пользу.

— Я не соглашалась на условия, — пытаюсь включить заднюю.

— Нет, Маша, так не пойдет. С тебя должок.

Женя не дожидаясь моего ответа, берет лопату и начинает чистить снег, который по ощущениям не чистили неделю, а не один день — вот ведь и вправду намело. А я стою и смотрю на него, но без движения быстро замерзаю даже в шубе. Сегодня особенно морозный ветер. Начинаю переминаясь с ноги на ногу, но домой заходить не хочу — выбираю смотреть на трудящегося Женю, который замечает мои телодвижения и подходит ко мне.

— Замерзла?

— Немного, — отвечаю я и жду, что сейчас он скажет идти в дом.

Но вместо этого Женя снимает свою куртку и накидывает поверх моей шубы. Становится в разы теплее, потому что холодный ветер уже не проникает сквозь одежду, но вот сам Женя остается лишь в теплом свитере.

— Ты замерзнешь, — пытаюсь возразить я.

— Замерзла ты, а мне лишняя одежда только мешает.

Стою укутанная его курткой и ароматом его одеколona вперемешку с запахом кожи самого Клыкова и таю, словно не я пять минут назад дрожала от холода.

По мере того, как Женя расчищает дорожки, он отдаляется все дальше и в какой-то момент совсем исчезает из виду. Я же продолжаю стоять на крыльце. Но когда становится интересно, куда он подевался, спускаюсь вниз и взвизгиваю, почувствовав чье-то приближение сзади. От испуга толкаю этот объект, но он сразу утягивает меня за собой. И вот мы лежим вместе — Женя в сугробе, а я на нем.

— Вот ты и попалась. Вернешь долг сейчас или посадить на проценты? — в голосе звучит коварство, а глаза смотрят на мои губы.

Я не отвечаю, сама желая этого поцелуя не меньше, чем он, и Женя все поняв без слов, запускает руку в мои волосы под капюшоном шубы, приближается к моим губам и... чихает, успев резко отвернуться в сторону.

— Ты раздетый! — наконец прихожу в себя я от его дурмана. — Пойдем скорее в дом!

Скорее встаю, за мной неторопливо встает Женя, несмотря на то, что весь в снегу на холодном ветру, и мы идем в дом.

— Ну все, теперь нам обоим нужна горячая ванна, — уже дома говорит он, когда я

заканчиваю отряхивать себя от снега.

— Угу. Только по-отдельности. Если хочешь — можешь идти первым. Я не сильно замёрзла.

— Нет. Иди ты. Я же не неженка какая. Подумаешь в сугроб из-за тебя упал, — хмыкает он, изображая пострадавшего.

— Ты сам виноват! — возмущаюсь я.

Женя ухмыляется на это.

— Если не выйдешь через полчаса — обещаю ворваться. Так что, — делает он жест выражением лица и плечами «пеняй на себя».

Закрываю дверь и включаю воду. А пока ванна набирается, смотрю на себя в зеркало.

Сегодня я не успела накраситься хотя бы легким макияжем, косметику для которого: карандаш и тушь, всегда ношу с собой. Быстро умылась, пока он был в душе, и решила скорее начать готовить для него, опять превратившись в дуру, у которой навязчивое желание сделать приятное Клыкову. Но все же счастливую дуру, потому что Женя ми старания оценил.

И естественно мне хотелось порадовать Клыкова после его утреннего «моя спящая красавица» и нежного поцелуя.

А когда он спросил, что мне снилось, я вспомнила что именно... Нет, такое нельзя даже просто вспоминать, иначе... Иначе захочется, чтобы так же было и наяву. С тем же самым Женей. И все это из-за его объятий. Это они вновь разбудили мое желание, хотя я старалась никак не выдать себя и тихо лежала, чтобы не провоцировать Клыкова на большее. И если честно, я думала, что уснуть у меня при таком раскладе не получится, но через несколько минут неподвижного лежания организм сделал своё дело, и я заснула в теплых объятиях Клыкова.

И зачем я вообще пошла спать к нему?

Просто действительно было холодно, и я сама не поняла, как легла с ним рядом.

Когда воды в ванной набирается достаточно, насыпаю в нее аромасоль, что увидела на полке, и ложусь в эту ванну, как и хотела еще со вчерашнего дня. И расслабляясь, все больше улетаю в своих мыслях о Клыкове.

В памяти всплывают его постоянные намеки типа: "И тебя бы съел, жаль ты ночью быстро уснула", или «Ну хоть какой-то мой голод ты согласилась утолить», и горячая волна вновь охватывает тело.

Лежу, наслаждаясь теплой водой и приятным ароматом какое-то время, а когда выхожу из ванны, вновь ловлю свое отражение в зеркале — мои глаза светятся слишком ярко, на щеках румянец, что добавляет красок, а на губах словно запечаталась улыбка.

И тут я понимаю, что видела такое же отражение. Я так же светила в ту нашу первую и единственную ночь, когда решила, что теперь мы с Клыковым вместе.

Выражение моего лица сразу меняется, потому что я понимаю, как далеко позволила себе зайти в этой неравной игре с Женей, который привык всегда только побеждать.

Нет... Я вновь совершаю ту же ошибку, при чем еще большую, чем тогда. Потому что тогда я не должна была выйти замуж через один день.

Я ведь прямо сейчас предаю Рому.

А что если Клыкову только это и нужно?

И тут до меня доходит. Боже, какая же я дура... Он ведь сам говорил, что хочет отомстить Роме. И выбрал он орудием своей мести меня. Ведь лучше нельзя придумать:

переспать с невестой врага, чтобы унижить того. А что потом будет с этой самой невестой, никого не волнует. Ну как я раньше не могла до этого додуматься? Женя ведь даже не скрывал этого. Ему нужно просто отместить Роме...

Выхожу из ванной, почти сталкиваясь с Женей, поднимаю к нему лицо и прошу:

— Отвези меня, пожалуйста, домой.

Глава 20. Что значит любить?

Маша

— Обещаю подумать над этим.

Женя разворачивается, идет к лестнице и поднимается наверх, игнорируя ванную, в которую должен был идти после меня.

— Ты издеваешься? — возмущаюсь в его спину. — Ты понимаешь, что я уже и собраться нормально не успею? У Ромы будет невеста а-ля «извините, но мне было не до сборов». Ты итак отомстил уже больше некуда, — вырывается из меня то, что точит изнутри.

Женя оборачивается и внимательно смотрит. А я не выдерживаю ни этого взгляда, ни нашего напряженного молчания.

— Ты хоть знаешь, сколько отец в эту свадьбу вбухал?! — почти рычу я.

— То есть я правильно понял, что тебя деньги больше интересуют, чем сам жених?

Женя спускается и останавливается рядом со мной.

— Нет, не правильно, — цежу я. — И вообще мне нужно поговорить с папой и Светой.

— Не волнуйся, твоей подруге тоже уже сообщили, что с тобой все в порядке — как ты и просила.

— Ты считаешь это в порядке?

— Ты сейчас похищенная мной намного больше в порядке, чем невеста, готовящаяся к свадьбе с непонятно кем.

— Хватит так о нем говорить! Может я его люблю!

Боже, даже в моих собственных словах уже есть сомнение...

— Может? — обращает внимание на мою оплошность в речи и Женя, но долго не заикливается, а спрашивает то, что немного вводит меня в замешательство: — И что же по твоему значит любить?

— Любить — значит уважать человека, поддерживать его, быть верным, — я словно слышу себя со стороны, и понимаю, что то, что я перечисляю, не рисует картину любви полностью, поэтому добавляю: — воспринимать человека таким, какой он есть, ничего не ожидая взамен, хотеть быть с этим человеком, проводить время, разговаривать, делать что-то, зная, что другому будет приятно, хотеть этого человека не только сердцем, но и... — останавливаюсь, едва не наговорив лишнего, потому что последние пункты относятся совсем не к Роме, а к человеку в чьи глаза я смотрю прямо сейчас.

— Еще как минимум один пункт опустила, — говорит Женя серьезным тоном, пристально смотря в мои глаза.

— Какой?

— Любить — это не дать человеку совершить ошибку, о которой он будет жалеть, мучаясь в браке с нелюбимым человеком.

Мое сердце срывается куда-то глубоко вниз, когда понимаю намек Жени. Он ведь не в самом деле имеет в виду, что... Любит меня?

Стою не шевелясь, так как его признание окончательно дезориентирует.

— Я тебе не верю.

— Конечно! Ты ведь думаешь, я затеял все это ради мести. Хотя знаешь, изначально возможно так и было, так что считай как знаешь.

Женя разворачивается и вновь поднимается по лестнице.

Так значит это правда! Злость вскипает во мне с новой силой, заволакивая туманом самое желанное в мире признание, о котором сейчас думать точно не стоит.

Набравшись решимости, надеваю шубу и сапожки и, едва справившись с замком на входной двери, выхожу во двор. Телефон остался наверху, как и платье в котором приехала сюда, а оно одно из моих любимых, но я решаю идти без них, потому что подниматься наверх и сталкиваться с Женей в мои планы не входит.

Я не безвольная жертва, чтобы полагаться лишь на обстоятельства, иногда нужно и самой совершать действия. Главное — знать чего хочешь, а я знаю — я хочу домой, хочу быть подальше от этого бередителя моих чувств.

И да, я выйду за Рому, потому что только в фильмах героини запросто сбегают из под венца. Но разве можно так поступать в жизни? Ведь человек, от которого сбегают, вряд ли достоин такого унижения. Наверняка это не случайный прохожий или злостный негодяй, чтобы выставить его посмешищем — были ведь причины согласиться выйти за него замуж.

Я не собираюсь ставить Рому в похожее положение. Я должна поехать и выйти за него, а там, если все же не смогу его полюбить — разведемся.

Да, сейчас я понимаю, что не любила Рому никогда. Были уважение, симпатия, благодарность, но точно не любовь — Женя открыл мне на это глаза. Но много браков заключаются не по любви, и люди в таких браках, тем не менее, живут достойно. Вдруг и у нас с Ромой выйдет что-то хорошее? Потому что лучше быть уверенным в человеке, чем вот так вновь обжечься.

Взрослея, я научилась отделять чувства от поступков. Поэтому как бы мне не было больно, я знаю, что мне нужно делать — точно не идти на поводу у сердца, которое однажды уже разбивали. Даже если Женя думает, что влюблен, то вряд ли он способен любить по-настоящему, потому что это Женя. Про него еще в универе говорили, что он своих девушек меняет как перчатки — это было тогда, когда у него не было денег. Не сложно догадаться каким он стал сейчас, когда он может себе позволить баловать девушек, которые ему по вкусу, еще больше.

Дохожу до ворот и понимаю провальность своего плана — если с замком на двери я справилась, то магнитный замок на воротах мне точно не под силу. Нужен пульт.

Но в любом случае, о чем я думала, когда шла сюда? Ведь за воротами лес — я вижу плотно расположенные ветви деревьев, подняв голову.

Едва не плачу от бессилия и желание только одно — распластаться на этом снеге и лежать. Но понимаю, что это все равно не решит проблемы, и, померзнув на улице добрые десять минут, возвращаюсь в дом, обещая себе, что как только подвернется возможность, я ею воспользуюсь и уеду.

Раздеваюсь, и ноги меня ведут на кухню. Что еще делать в этом доме, когда будучи пленницей находишься в одиночестве?

Готовлю обед, ожидая, что Женя вот-вот спустится, хотя до сих пор не хочу его видеть, но его нет ни через полчаса, ни через час, чему я вполне рада. Обедаю в одиночестве, а потом решаю что-нибудь испечь, чтобы занять себя чем-то.

Как-то Света, зная мое пристрастие к пп-кулинарии, подарила курс по безглютеновой выпечке, и я освоила его в полной мере. У Жени таких продуктов, конечно, нет, поэтому я, радуясь обычной муке, приступаю к делу. Вожусь с тестом очень долго, вспоминая рецепт и подбирая пропорции ингредиентов по наитию, но в итоге, довольная результатом, выкладываю на лист песочное печенье в форме квадратиков и отправляю в духовку. А уже

через полчаса достаю вредное, но очень вкусное печенье, невероятно ароматное и с идеальной текстурой.

Но даже аромат выпечки не приманивает Женю, хотя я уже осознаю, что хотела бы увидеть его реакцию восхищения, как это было сегодня утром. Потому что когда-то я тоже готовила ему завтрак, который он даже не попробовал, поскорее слиняв.

С немного смутным настроением иду в гостиную. К елке. Такой же простой и в то же время не обычной, как и хозяин этого дома. Вновь взбираюсь на окно и, глядя на елку, представляю, что все могло бы быть иначе, и с Женей мы могли бы находиться в этом доме совсем при других обстоятельствах — наряжать вместе эту самую елку, встречать его друзей и мою Свету, чтобы вместе встретить Новый год, а потом наслаждаться временем друг с другом.

Вспоминаю наш разговор. А может Женя совсем другое имел в виду, когда говорил про любовь?.. Теперь уже этот вопрос не дает мне покоя.

Женя так и не спускается. А когда по ощущениям наступает ночь, я поднимаюсь наверх. Он спит.

Беру свой плед, подушку и спускаюсь вниз, чтобы не спать с ним в одной комнате, опять забыв телефон наверху. А ведь можно было бы попробовать подключиться к вайфаю. Вдруг Женя поставил на него легкий пароль вроде восьми единичек или цифр от 1 до 8.

Утром обязательно попробую, — думаю я перед тем, как уснуть на диване под мерное потрескивание дров в камине, что смогла зажечь сама.

Но утром мне становится совсем не до этого...

Глава 21. Температура

Маша

Рано утром просыпаюсь от шума на кухне. По ощущениям около шести утра, так как чувствую я себя относительно выспавшейся, но за окном непроглядная темень. Не задумываясь иду на кухню и застаю Клыкова ставящим чайник с шарфом на шее.

— Доброе утро, — его голос дико хрипит. — Прости, что разбудил — старался не шуметь вроде.

— Ты заболел? — делаю вывод, видя, в каком он состоянии.

— Кажется да. Ты умеешь измерять температуру без градусника? Не помню есть ли тут вообще аптечка. Думал сегодня лучше будет, но нифига.

Женя садится на высокий стул, а я подхожу к нему и трогаю его лоб рукой, одновременно понимая, что это неинформативно, так как руки могут быть холоднее 36,6. Тогда не задумываясь касаюсь губами его лба. Его горячего лба.

— Женя, у тебя температура!

— Не знал, что должен заболеть, чтобы ты первая меня поцеловала, пусть и в лоб. А температура, кажется, и вчера уже была. Прости, кстати, что рано уснул — голова болела, ненадолго прилег, а проснулся вот только.

А ведь мне даже в голову не пришло, что Жене может нездоровиться — настолько была заиклена на своих мыслях.

— Нам нужно вернуться в Москву, — размышляю, как быть в данной ситуации. — Вдруг это не просто простуда, ангина или грипп? Надо сдать анализы, чтобы понять причину.

— Так хочешь от меня сбежать? — хмыкает Женя.

Зло молчу, придумывая колкий ответ, но потом переключаюсь на более существенные мысли — Жене сейчас и правда нужен постельный режим, а дорога может быть долгой, особенно, если машину буду вести я.

— Просто побудь рядом, — просит он.

И я выполняю его просьбу. Женя располагается на диване, укутываясь моим пледом, а я устраиваюсь в кресле.

— Чем ты лечишься обычно? — спрашиваю, не в силах просто смотреть, как он болеет.

— Я редко болею. Не помню. В последний раз пил какие-то таблетки — врач из клиники выписал.

Я лишь хмыкаю на это. Как можно в себя пичкать что-то и даже не знать что! Не всегда даже врачи бывают адекватными — мама слушала их, а когда поняла, что они подобрали неверное лечение, было уже поздно. Такое вот стопроцентное доверие стоило ей жизни. Я, конечно, не виню врачей — они лишь стали инструментом маминого ухода и значит так должно было произойти, но все же в вопросах здоровья папа научил меня доверять в первую очередь себе.

— Что? — видя мою реакцию, спрашивает Женя.

— Нельзя пичкать в себя всякую ерунду, только потому что тебе это выписал человек в белом халате, — опустив лирику, поясняю я. — Тебе надо чем-то лечиться. Если ты раньше сбивал температуру и пил антибиотики — организму будет тяжело справиться. Что у тебя здесь вообще есть при болезни?

— Ничего. Я не планировал болеть, Маш.

Я вздыхаю.

— Аптечки нет, никаких трав и бадов тоже, про соли Шюсслера вообще спрашивать не буду, и в Москву ехать ты не хочешь. Как ты планируешь лечиться?

— Намекаешь, что я умру?

— Нет, это вряд ли. Просто болеть будешь долго. Но если это не что-то серьезное, за что я не ручаюсь. Организм человека, конечно, сильный сам по себе и способен справиться с вирусами, но вдруг у тебя слабый иммунитет?

— У меня? Нет, Маша, у меня сильный иммунитет, как и все остальное.

Кроме твоего голоса в данный момент, — хочется парировать мне.

— Хорошо, — дальше подбираю варианты я, — может здесь есть поблизости какая-нибудь деревня? В деревне в любом случае должна быть аптека. Может позвонить и попросить доставку?

Говорю это, а саму сковывает отчаянием в каком мы непроглядном лесу. Зачем только строить дом в такой глуши?

— Нет, — сдерживая смех, отвечает Женя, а я не могу понять его веселого настроения, — деревня, может и есть, но тогда уж проще реально доехать до Москвы — мы в часе езды от нее.

— В часе? — удивляюсь я.

То есть пока я рисовала себе картину непроходимой густой тайги, мы находились не в такой уж глуши мира?

— А ты думала я тебя в тридевятое царство увез?

— Но мы ведь очень долго ехали...

И как я могла заснуть в машине по дороге сюда? Сейчас бы помнила хотя бы как мы доехали до этого дома.

— Ехали мы меньше часа, а вот спала ты долго. Я специально глушитель не выключал, чтоб печка работала.

— И поэтому сжег весь бензин? — вспоминаю, как он в самом начале сказал, что уехать мы не сможем по этой причине.

Женя на это как-то скомкано кивает.

Понимаю, что уговаривать его вызвать машину до Москвы бесполезно, несмотря на то, что мы вдруг оказались намного ближе, чем я думала, поэтому просто встаю с кресла, чтобы сделать хоть что-то для болеющего организма.

— Куда ты? — спрашивает Женя.

— Хочу сделать тебе теплый чай с лимоном и медом. Ты совсем не хочешь ничего есть? — спрашиваю, помня, что он не ел со вчерашнего утра.

— Совсем, — отвечает он.

Иду на кухню, а когда возвращаюсь с обещанным напитком для Жени, вижу, как он принимает сидячее положение.

— Совсем забыл — мне нужно встретить курьера, он уже подъехал. Бумаги по работе привез.

— Ты хочешь выйти на улицу? — удивленно спрашиваю я.

— Не хочу, но придется.

— Давай я встречу твоего курьера.

Женя задумавшись смотрит на меня, но в итоге не возражает:

— Хорошо. Возьми ключи от ворот, — кладет он мне в руки брелок с двумя кнопками.

Иду к воротам, забираю папку, обратив внимание на московские номера машины, на которой приехал курьер — значит мы и правда недалеко от Москвы... А войдя в дом, оставляю брелок возле двери.

Отдаю папку Жене и вновь устраиваюсь в кресло, наблюдая, как Клыков с серьезным видом изучает бумаги. Ему идет быть таким: задумчивым, деловым, успешным.

Засматриваюсь на него и не сразу замечаю, что он уже тоже смотрит на меня. Торопливо отвожу взгляд, но тут же возвращаю, слыша:

— Маш, можешь еще раз температуру померить?

Встаю со своего места, присаживаюсь рядом и вновь склоняюсь к нему губами. В какой-то момент мне кажется, что Женя привычно схитрит, и мои губы коснутся не его лба, а его губ, но этого не происходит. Я просто измеряю его температуру. Точнее пытаюсь измерить, потому что все датчики, если они и были, сбиты и дезориентированы близостью этого мужчины. Мне кажется, что температура есть, но не высокая, но вдруг я ошибаюсь?

— Мне сложно так определить насколько высокая у тебя температура. Может быть где-то все же есть градусник?

— Разве что в машинной аптечке, я, кажется, покупал его вместе с ней, — как-то удрученно произносит Женя, а я опять не понимаю этой его эмоции.

— Давай ключи от машины — я принесу ее.

Женя откидывается на подушку и смотрит в потолок.

— Они в кармане куртки. Возьмешь сама? — поворачивается на меня.

Нахожу его ключи от машины, беру свой телефон, чтобы использовать в качестве фонарика, если будет нужно, и зачем-то, надев шубу и обувь, подхватываю ключи от ворот и выхожу.

Дойдя до машины, открываю ее и тут же понимаю, что не зря взяла телефон — свет точно не будет лишним в этом утреннем полумраке, к тому же я не додумалась сразу спросить, где именно находится аптечка, в которой градусника вообще может не оказаться, так как он совсем не обязателен в машине. Посветив полминуты телефоном, решаю не мучаться и включить машинный свет. Завожу мотор, чтобы не сел аккумулятор, и взгляд цепляется за электронную приборную панель, точнее за показатель уровня топлива. Сначала не могу понять, что меня смущает, а потом очень четко осознаю. От переполняющих чувств сажусь в кресло и пялюсь в деления, что доходят до середины — все это время в машине был бензин!

Как же в этот момент я ненавижу Клыкова за его ложь. Вот почему он был не в восторге, когда я сюда собралась. Тут же вспоминаю обещание себе, что если подвернется возможность уехать отсюда, то я сразу же ею воспользуюсь. И вот эта возможность сейчас у меня в руках — я могу сейчас уехать и успеть на собственную свадьбу... Смотрю на ключ зажигания, ключ-брелок от ворот и телефон, который загорается сообщениями. Появилась связь!

Открываю сообщения, в которых в основном оператор информирует о куче пропущенных звонков, и перехожу в мессенджер, где сообщения вижу уже от Светы, папы, Ромы и даже Фины.

Первым делом открываю сообщение от папы — оно одно: «Я урою этого сученьша». В этот момент мне становится даже страшно за Женю, но не рефлексируя на эту тему сразу перехожу к следующим чатам. Света в начале сыпет вопросами о том, где я, почему

опаздываю и не беру трубку, а потом пишет, что связалась с моим папой и он ей все рассказал.

«Не знаю, Маш, что у тебя творится, но если этот сногсшибательный парень украл тебя, потому что и правда любит, как сказал твоему отцу, то я, конечно, переживаю, но не сильно».

«Как будет возможность — позвони».

«Насчет Ромы не парься — ты достойна лучшего».

Просто замечательно, учитывая, что она мне его и сосватала. Ну, по крайней мере в начале.

Не отвечая, открываю сообщение Фины:

«Машунь, я все знаю. Он тебя не обидит в отличие от твоего тьюфика. Поэтому будь счастлива и наслаждайся. Перерасчет за эти дни делать не буду — пусть будет моим подарком к несостоявшейся свадьбе».

Ну вообще «прекрасно».

Открываю наконец сообщения от Ромы и от горечи по щеке стекает слеза. Он написал очень много сообщений, но больше всего меня тронуло это:

«Маша, я очень люблю тебя. Мы с твоим отцом прикладываем все усилия. Я скоро верну тебя и больше никому не позволю забрать».

А горько мне, потому что я четко в этот момент осознаю — я не хочу, чтобы он меня находил. Не хочу, чтобы он возвращал меня себе. Я не хочу быть с ним. Я настолько не люблю этого прекрасного человека, что меня сейчас корбит от мысли, что завтра должна была состояться наша свадьба.

Понимаю, какую огромную совершила ошибку. Рома и правда любит, он много чего делал для меня, только вот я никогда его не любила по-настоящему, никогда мне с ним не было даже просто интересно. Я всегда сваливала это на его загруженность и зависание в телефоне, но ведь даже в те моменты, когда Рома откладывал свой телефон и старался уделять внимание лишь мне, мне все равно не было с ним хорошо. Боже, что же я натворила...

Телефон раздается звонком — видимо им всем сейчас пришло сообщение, что абонент стал доступен. Звонит Рома.

Сбрасываю звонок и пишу папе и Свете, что со мной все хорошо и прошу их не волноваться. А Роме набираю: «Прости меня. Я не знала, что так выйдет», и выключаю телефон с не прекращающимися литься слезами.

Закрываю дверь машины, снимаю ее с ручника, открываю ворота нажатием брелка и трогаюсь. Жму педаль газа впервые с того момента, как пообещала себе больше никогда не садиться за руль.

Глава 22. Видения

Женя

Слышу, как машина трогается. Она уехала. Как чувствовал, что нельзя ей давать ключи от машины. Конечно я не мог забыть и израсходовать весь бензин, но меня вполне устраивало, что Маша в это поверила. Еще и на свой счет записала, думая, что из-за нее истратил его на обогрев. А тут видимо решила проверить. Зря. Мне здесь она нужнее сейчас, да и вообще, чем кому-либо в любом другом месте этого мира.

Но правильно говорят — не построить счастья на лжи. Хотя я и не планировал этим промышлять и дальше — только пока она здесь.

У меня никогда не было нормальных отношений. Самые долгие были в школе, но и то не было там особой любви — просто самый классный парень школы мутил с самой популярной девчонкой — этакие король и королева, которые после окончания приняли решение разойтись и начать в универах новую жизнь.

Я и начал, уже понимая, что отношения не для меня. По душе мне были больше короткие интрижки — пока сущность девушек не начинала проявлять себя во всей красе. И так продолжалось до Маши, которая оказалась совсем не похожей на всех, с кем я мутил. После нашей ночи я пытался вернуться в прежнее русло, и чисто визуально это получалось, только теперь внутреннего удовлетворения как раньше я не получал. Не хватало какого-то элемента — искренности, а может и самой Маши.

А я ведь обратил своё внимание на невзрачную тихоню ещё с самого первого дня, как и она на меня — уж Машу прочесть было легче лёгкого с ее краснеющими щеками, перепутанными буквами в словах от смущения и взглядом, будто она впервые увидела своего кумира. Поначалу меня это даже забавляло, но потом, когда я узнал, что она дочь столичного мажора, я ее возненавидел. Потому что обязан был ненавидеть всех коренных москвичей. Даже с девушками москвичками никогда не мутил — только с приезжими куколками. Таков был мой принцип.

А все потому что отец, уехав на заработки в Москву, когда мы с сестрой были еще мелкие, снюхался тут со своей богатой начальницей. Она знала, что отец женат, что дома у него двое детей, но в ее понятиях не было такого слова как совесть. Однажды она позвонила маме, и так получилось, что тот разговор, в котором она говорила маме, чтобы она перестала терроризировать папу детьми, играя на чувстве вины, я слышал сам. Замухрышка из задрьпинска — так она назвала мою маму. Сука. Она решила, что деньги и ее квартира в Москве значат для отца намного больше, чем мама и мы, но что самое паршивое — она оказалась права. Отец и правда повелся на эту московскую шмару, которой он правда быстро надоел. Тогда он прискакал назад, так как работу в Москве найти не удавалось, а мама его приняла, запретив нам с сестрой навсегда поднимать эту тему.

Место рождения Маши и ее невзрачная внешность вкупе с обожанием меня сыграли против неё, а теперь и мое отношение к ней тогда сыграло против меня. А я надеялся, что у меня все же получится растопить ее сердце, удалив из него все прошлое.

Вообще я был очень близок к цели перед тем, как Маша ушла в ванную. Надо посмотреть что там за соль, которая вымыла из нее весь прекрасный настрой.

Сначала мы смотрели сериал, который Маше правда не зашел, потом были снежки, а точнее снежок — мой, затем чистка снега и валяние в снегу в обнимку с Машей, которую я

так и не поцеловал — видимо после этого я заболел — то ли не выдержал очередного облома, то ли переоценил свою устойчивость к переохлаждению. А может сказалось, что долго был в напряге без отдыха на работе до этого. Все же склоняюсь к этой версии. Как-то не совпадало у меня раньше: и холодное мороженое ведрами ел, и пил холодное, и замерзал как собака, а потом не болел. Хотя может с возрастом такое начинает сказываться? Фиг его знает.

Но вот что точно приходит с возрастом — это ответ на вопрос «Что значит любить?» — Маша перечисляла, а я понимал, что каждый пункт совпадает с тем, что я чувствую к ней. Хотя для меня это вовсе не новость. О том, что я испытываю к ней явно не просто плотский интерес я понял, как только увидел Машу на второй день без косметики и прочих приблуд. Поэтому и отцу ее написал прямо: «Я люблю вашу дочь, поэтому не волнуйтесь, но я ее похищаю. А этот Рома тот еще гандон. Может в качестве зятя для вас он и был бы в самый раз, но вот в качестве мужа для Маши явный отстой». Да, не мог его не уколоть — с виду нормальный и даже крутой мужик, но у нас с ним личная неприязнь. Его конечно можно понять — я обесчестил его дочь и бросил на следующее же утро, но и себя я прекрасно понимаю.

Вот и Маше сегодня признался в своих чувствах, только она не поверила. До сих пор думает, что это из-за мести ее Роме — зачем только ляпнул про это тогда. Да, вначале так и было, точнее я решил так думать, но сейчас я понимаю, что это был предлог — без этого стимула я бы вряд ли решился подойти к Маше после всего, что успел для нее сделать. В негативном, разумеется, ключе.

Сил переубедить ее не было, еще и голова заболела, поэтому я пошел в нашу общую спальню, лег и проснулся ранним утром один. Но выдохнул, когда увидел Машу спящей на диване. До чего же она оказывается упрямая и гордая, хотя здесь это вообще не к месту. Уж кто-кто, а я, как мне кажется, уже раз 1000 показал, как к ней отношусь сейчас.

И все-таки как не вовремя я заболел. Хотя, пока она была здесь, я даже успел найти плюсы этой болезни. Например, ее забота, беспокойство за меня и невинные поцелуи в лоб, и пусть это не поцелуи, а просто касание губ.

Но все это перечеркивает факт, что она уехала. Может если бы я не сказал, что мы не так далеко от Москвы, она бы не решилась на длинный путь? Хотя какая разница. Маша хоть и Синицына, а из моих рук все равно упорхнула, хотя именно эту синичку я бы предпочел всем на свете журавлихам.

Кажется опять поднимается температура... А она разве падала? Нужно позвонить кому-нибудь, а то одному тут быть в таком состоянии реально стремно, — думаю в полудреме. Но потом понимаю, что не хочу никого видеть, кроме Маши. К тому же она сказала, что я не умру. Позвоню Мише или Андрею завтра.

Дальше поток мыслей вкупе с воспоминаниями прерывается. И мне снится, как Маша сидит рядом со мной, прикладывает ко лбу что-то холодное, что-то шепчет своим прекрасным голосом и вновь целует мой лоб, щеки и губы. Улыбаюсь сквозь сон — мне нравятся такие видения.

Глава 23. Скучал

Маша

У Жени жар. Я вовремя вернулась — даже по ощущениям температура поднялась, а купленный мной градусник так вообще показывает 38,1.

Зачем-то снова касаюсь губами его лба, а потом, не удержавшись, так же невесомо касаюсь щеки с немного отросшей щетиной, что слегка колет губы. А мне в этот момент не хочется колкости — хочется мягкости и тепла, чтобы раствориться в этих ощущениях, и его губы выглядят именно такими — манящими и нежными.

Не удержавшись, касаюсь губами и их, слегка втягивая и пробуя на вкус, и улетаю — это как раз то, чего я так жаждала только что, и это точно уже не похоже на просто касания — это стопроцентный поцелуй, инициированный мной.

Женя улыбается в ответ на мои действия, и я думаю, что он поймал меня с поличным, только он так и не разлепляет глаза, продолжая спать. Выдыхаю и постепенно прихожу в себя от своих же действий.

Кладу на лоб Жени мокрую марлю, чтобы немного охладить голову. Съездив в ближайшую аптеку, что попалась на выезде из поселка, купила ромашку с тысячелистником от температуры, сироп эхинацеи, витамин С, цинк и другие бады фирмы какая была в аптеке, ну и взяла жаропонижающее на всякий случай. Но сейчас будить Женю, чтобы дать хотя бы заваренные мной травы не хочу — сон — это лучшее лекарство, поэтому просто часто остужаю марлю и вновь прикладываю к его лбу, зная, что если организм сильный — он вполне способен справиться с легкой болезнью самостоятельно.

К слову, дом Жени оказался ни в каком не в лесу. Точнее в нем, но точно более цивилизованном, чем я о нем думала. Дом действительно расположен на большом участке и окружен деревьями, только вот на небольшом расстоянии есть и другие дома — целый поселок с такими же красивыми новыми домами.

Сижу рядом с Женей полдня, периодически меняя охлаждающую марлю и немного медитируя — вспомнила про один эксперимент, в котором ученый или врач — уже не помню, представлял свет идущий от своего сердца, который даже фиксировали приборы, улавливающие фотоны, к больному мальчику, и в итоге этот мальчик очень быстро выздоровел, а весь мир, ну или почти весь, узнал, что наше сердце способно светиться в прямом смысле. Уже второй раз в этом доме медитация мне удастся, по крайней мере, я сама так это чувствую.

За это время, что практически не отхожу от Жени, его температура падает, и, когда в очередной раз проверяю это электронным градусником, приложив тот ко лбу, он просыпается и недоуменно на меня смотрит.

— Ты здесь?

— Конечно. Где же мне еще быть...

Не готовиться же к свадьбе в самом деле.

— Я думал ты уехала, — с невыносимой грустью говорит Женя, а может мне так кажется, и у него просто сейчас такой голос.

— Всего лишь ездила в аптеку, — не хочу поднимать эту тему, не хочу сейчас никаких расспросов. — Я заварила ромашку с тысячелистником — будешь? — вовремя вспоминаю о лечении.

— А это вкусно? — этим вопросом Женя напоминает мне маленького ребенка и... Папу.

— Положу немного меда, — сразу нахожу компромисс я.

Это проще, чем объяснять полезность напитка. Папа такой же — хоть и выглядит сурово, но всегда пьет травы только с медом.

Приношу с кухни кружку с заваренными травами, даю Жене выпить, и интересуюсь:

— Ты по-прежнему не хочешь есть?

— Да, когда болею аппетит выключается напрочь.

— Ну да, организм предпочитает тратить силы на восстановление, а не на переваривание пищи. Но если хочешь, могу приготовить легкий салат.

— Салат? — немного загораются его глаза. — Салат хочу.

Иду на кухню делать салат, оставляя Женю на диване. Режу помидоры, огурцы, ананас, измельчаю грецкий орех, добавляю маринованные грибы, нерафинированное оливковое масло, и когда дорезаю зелень, чувствую легкое касание к спине — Женя смотрит через мое плечо на стол, едва касаясь меня:

— Ты готовишь прямо как в ресторане! — вновь делает он комплимент моим кулинарным способностям, хотя салат еще даже не размешан.

— Тебе нужно лежать, — возмущаюсь я то ли и правда нарушенному постельному режиму, то ли тому, что он едва не прижимается ко мне в момент, когда я абсолютно этого не ожидаю.

— Чувствую я себя лучше, даже градусник 36,3 показывает. Спасибо тебе, кстати, и за него, и за все, — говорит Женя уже не таким хриплым голосом.

— Пожалуйста, — тихо отвечаю я, после чего размешиваю салат, и мы садимся есть.

— Мне кажется, я ничего вкуснее в жизни не ел. Что ты туда добавила? — спрашивает Женя, почти доев порцию, что я наложила.

— Рецепт прост — приготовить для человека, который не ел почти сутки, — улыбаюсь я, хотя мне безумно приятно то, как хвалит Женя. — Но, если хочешь, могу записать для тебя рецепт.

— Предпочту, чтобы ты сама мне его готовила, — изучающе смотрит в мои глаза Женя, а потом поспешно добавляет: — Иногда, — видимо в угоду современным веяниям, где девушки отказываются готовить вообще, считая это абьюзом.

Опустив глаза, я не нахожу что ответить — слишком идеальной рисуется такая картинка, где я пусть и иногда готовлю для Жени то, что ему нравится.

— Маш... За что ты меня любила в универе? — еще более пристально смотрит Женя, когда поднимаю свой взгляд на него, услышав данный вопрос.

— Это была не любовь, а влюбленность, — даже не пытаюсь отрицать, что испытывала к нему чувства — об этом знали, наверно, все.

Любовь, похоже, у меня к тебе сейчас... — отвечаю про себя.

— И в чем разница для тебя?

— При влюбленности идеализируют человека. В то время как любовь — это не вспышки гормонов, а сознательное чувство, на которое способен лишь взрослый в уме человек.

Женя выглядит задумавшимся, а потом с еще более серьезным выражением лица говорит:

— А я скучал по тебе, когда ты перевелась.

— У тебя уже бред начался, кажется. Надо снова проверить температуру, — нервничаю я от таких признаний и встаю со стола.

— Давай попробуем быть вместе? — Женя делает небольшую паузу, прежде чем продолжить. — Мне кажется, из нас получится классная пара. Поженимся потом, нарожаем детей. Если что — я хочу быть многодетным папой. А ты?

Застываю, не веря своим ушам, и оборачиваюсь.

— Женя...

Глава 24. Луну

Женя

— Женя... — выдыхает Маша мое имя в ответ на мое предложение о совместном будущем.

И я с неким трепетом ожидаю, что она ответит, но Маша дальше лишь молчит.

Что ж, в любом случае то, что она вернулась, говорит о многом, и пока я готов довольствоваться этим. Пока.

Смотрю в окно — на улице уже темно и автоматом включились фонари, что работают на датчиках. В голову приходит одна мысль, и я подхожу к окну, чтобы разглядеть небо. На нем ни облачка, а вот луна почти полная.

— Хочешь посмотреть на звезды и луну? — оборачиваюсь к Маше, которая до сих пор выглядит задумчивой.

— У тебя есть телескоп? Неожиданно, — удивляется она.

— Ну в фильмах же обычно ставят его в таких домах, вот и я решил.

— То есть это не мечта твоего детства?

— Не а. Это просто тупое следование стереотипам, — улыбаюсь на ее мини-разочарование.

— Ну не самое тупое, конечно, учитывая, что это не надувной розовый фламинго в бассейн, — улыбается Маша.

— Не хочу тебя расстраивать, но я и его покупал летом.

— Серьезно? — смеется Маша. — Ладно, пойдем смотреть твои звезды.

Веду Машу на второй этаж и только на середине лестницы понимаю свой косяк. Осенью я перенес телескоп с мансарды в свою спальню, чтобы он находился в тепле и механизмы не испортились, как объяснял продавец. И сейчас получается я либо должен показать Маше эту самую спальню, либо придумать, почему смотрение неба отменяется.

— Какой у тебя телескоп? Я давно хотела рассмотреть луну при большом увеличении. У меня был телескоп в детстве, только я уже почти ничего не помню из увиденного, — с заметным предвкушением говорит Маша.

Блин. Вот и как теперь ее обломать?

— Я не особо разбираюсь в них. Получается, ты с детства знала, что луну как на фотках в интернете в него не увидеть. А я вот это узнал недавно. Представляешь степень моего разочарования? Я вначале думал, что меня развели, втюхав ерунду.

— Я наоборот радовалась тому, как все хорошо видно, — пожимает плечами Маша.

— Ты сейчас озвучила главную мысль: чем выше ожидания, тем больше может не понравиться результат, — делаю вывод я. — Но я все же сумел преодолеть свою неудовлетворенность через какое-то время, хотя осадок все равно остался.

Немного нервничаю, когда мы подходим к закрытой спальне. Поворачиваю ключ в замке и, мысленно пожелав себе удачи, открываю дверь и включаю свет.

— Ого, а я думала здесь кладовка, — осматривается Маша, едва мы заходим. — А почему ты не спал... Здесь, — заканчивает свой вопрос Маша уже не совсем вопросительным тоном. — Ясно, — выдыхает она, сама сделав выводы, и идет к окну, рядом с которым стоит телескоп.

Подхожу следом и берусь его настраивать, стараясь не провоцировать Машу на

дальнейшие вопросы.

— Что хочешь посмотреть сначала? Звезды или...

— Луну, — твердо отвечает Маша.

— Тогда нужен фильтр — она слишком яркая. Достаю нужную примочку и прикручиваю ее к телескопу, как показывали при установке, затем регулирую увеличение и, когда более-менее четко вижу луну, уступаю место за телескопом Маше, параллельно выключая свет в комнате.

— Как красиво... И ты еще жаловался на увеличение! Да у тебя просто крутейший телескоп.

Маша рассматривает луну, периодически комментируя кратеры и полосы от попадания метеоритов, а я рассматриваю Машу при этом тусклом свете, что падает в комнату лишь от окна. На ней сейчас одно из платьев, что я ей купил, и я безумно рад, что она сейчас именно в платье, которое облегает и подчеркивает ее женственный силуэт, который делает еще более соблазнительным контурный свет. Волосы, что спадают водопадом по ее плечам и спине вызывают острое желание провести по ним рукой и скрутить, намотав на кулак.

Вся кровь, что есть во мне, вскипает.

Все. Терпение мое кончилось. Подхожу к Маше и довольно дерзко отстраняю ее лицо от телескопа, сразу впиваясь в губы.

Я слишком долго ждал.

Глава 25. Люблю

Маша

Я слишком долго ждала. Понимаю это сейчас. Слишком долго держала себя в рамках и сопротивлялась как могла. Но все, чего я сейчас хочу — это наконец окунуться с головой в свое истинное желание принадлежать Жене полностью.

Поэтому, когда он сметает мои губы в поцелуе, я сразу растворяюсь в этих трепетных ощущениях, ни капли не сопротивляясь тому, что происходит. И будет происходить — я предвкушаю это как никогда и сейчас точно не остановлю Клыкова.

Женя целует меня голодно, уверенно, еще больше отрезая пути к отступлению, хотя какое может быть отступление, когда я забываю, как дышать от его умелых, увлакивающих в негу поцелуев. Руки его прижимают к его телу так крепко, что хочется растаять в этих сильных и властных объятиях.

В следующую секунду эти же руки ловким движением снимают с меня платье, оставляя меня лишь в нижнем белье — белом комплекте, что купил мне сам Женя.

Разделавшись с платьем, он подхватывает меня на руки и, сделав пару шагов, почти швыряет на кровать, только это несколько не кажется грубым, а наоборот хотя бы чуточку отражает внутреннее желание. И очевидно не только мое.

Возвышаясь надо мной на коленях, Женя снимает футболку, и я даже в темноте вижу, что его торс идеальный. А потом он смотрит на меня. Смотрит как хищник на свою добычу, наслаждающийся своим превосходством, перед тем как съесть.

И он съедает. Голодно, жадно, но так уверенно и умело, что мое тело очень быстро вспыхивает сладкими судорогами-фейерверками.

А потом он проделывает тоже самое опять и опять. То уже нежно и медленно, то снова дерзко, грубо, горячо.

А уже далеко за полночь, когда я почти засыпаю на его плече, Женя тихо говорит мне на ушко:

— Я люблю тебя, Маша...

И нежно проводит рукой по моим волосам.

Просыпаюсь утром, когда за окном уже всю светит низкое зимнее солнце. Слегка поворачиваю голову, чтобы поморщиться от его слепящих лучиков и обратно кладу голову на спящего Женю.

Сегодня день моей несостоявшейся свадьбы, и я встречаю этот день в кровати с ним — с моим любимым мужчиной, который несколько часов назад прямо сказал, что любит меня. Как же я сейчас счастлива...

Женя тоже почти просыпается — я понимаю это по его изменившемуся дыханию и руке, что движется по мне от талии до груди, едва не задевая шрам, о котором я ночью чудом ни разу не вспомнила, хотя в первые разы с Ромой только об этом и думала. И еще большим чудом Женя этой ночью его не касался, хотя казалось бы не оставил на мне нетронутым ни сантиметра.

В ужасе я быстро вскакиваю с кровати и прижимаю к себе платье, валявшееся на полу, стараясь целиком спрятать шрам. Не оборачиваясь на Женю, спешно выхожу из комнаты и сразу иду в ванную. Запираюсь и смотрю в зеркало на себя голую и растрепанно-прекрасную, но все с той же уродской шершавой линией на теле. Она никуда не исчезла за

эту ночь и даже не стала менее заметной. А как бы я этого хотела...

Мне кажется, я не переживу, если этот шрам оттолкнет Женю. Поэтому принимаю решение — не подпускать к своему телу Клыкова при свете дня — только ночью.

Принимаю душ, чищу зубы, а когда выхожу обмотанная полотенцем, сталкиваюсь с Женей в дверях. Он сметает меня в объятия и ведет обратно в душ, заставляя идти спиной.

— Куда ты так убежала из кровати? Я даже поймать тебя не успел, — говорит Женя, утыкаясь носом в мою шею и берясь за мое полотенце, чтобы снять.

— Женя, стой, мне нужно попросить тебя кое о чем, — останавливаю его серьезным голосом и жестом рук.

— Все, что пожелаешь, — лукаво улыбается он, собираясь продолжить свою «атаку».

— Женя, мне нужно отдохнуть. До вечера, — не уточняю от чего именно мне нужно отдохнуть, потому что Женя и так все понимает.

— А мне кажется, я больше работал, — усмехается он.

— И все же. Пожалуйста, — остаюсь непреклонна, и мое выражение лица делает свое дело — он, прищурившись, говорит:

— Ладно. Но ночью не жди никакой пощады.

Внутри проносится горячая волна, предвкушающая эту самую «ночь». Мне и самой хочется сейчас наброситься на него, но разум помогает не поддаваться этому желанию.

Выскакиваю из ванной и спешу скорее одеться, пока Женя в душе. А когда спускаюсь вниз, застаю Женю в штанах с голым торсом.

Мамочки, какое у него все-таки потрясное тело — мое ночное зрение меня ни капли не подвело. Так и хочется подойти и провести рукой по этой коже, под которой рельефно выделяются мышцы. Но делать это вопреки моему же правилу нельзя.

Беру яблоко и сажусь за стол. Женя делает какой-то спортивный коктейль.

— Тебе сделать? Клубничный. Там вроде хорошие ингредиенты — я заметил, что ты следишь за этим.

— Нет, спасибо, — отвечаю я, любуясь его напрягшимися мышцами при взбалтывании бутылки, а потом при легком кашле.

— Как ты себя чувствуешь? — спохватываюсь, вспоминая о болезни.

— Как ни странно, хорошо, хотя обычно болею дольше. Это ты меня вылечила, — открыто улыбается Женя, и я не сразу понимаю в каком контексте он это говорит, хотя наверно уже давно пора привыкнуть к его намекам.

А до меня после его фразы внезапно доходит одна вещь: если бы он не заболел — вряд ли бы я смогла поступить так, как поступила.

Где-то там, в другой реальности сейчас могли быть свадьба, жених, гости. Но я здесь, и мне хорошо настолько, что я просто не хочу об этом думать.

— Спасибо тебе, — вылетает из меня прежде, чем я успеваю подумать о нужности этой благодарности.

Ожидаю уточняющий вопрос, но Женя словно читает мои мысли:

— Рад, что ты наконец все поняла.

Глава 26. Шрам

Маша

— Я хочу проехаться по окрестностям. Покатаешь? Обещаю не убежать, — улыбаюсь я, когда Женя допивает свой клубничный коктейль, а я доедаю яблоко.

— Сделаю все, что попросишь, — улыбается в ответ он. — Но к ужину мы должны вернуться и приготовить твой обалденный вчерашний салат.

— Все, что попросишь, — дублирую его ответ.

— В твоём исполнении эта фраза звучит пошловато, — приподняв бровь, Женя слегка облизывает губу.

— Это просто в твои уши встроен такой фильтр! — возмущаюсь я.

Женя смеется, а потом мы одеваемся и идем в машину.

— Ты заправила полный бак? — спрашивает Женя, увидев индикатор топлива.

— Угу, мне так было спокойнее.

— Скажи, сколько потратила на бензин и лекарства — я не люблю быть должным, — Женя говорит таким тоном, что даже не решаюсь возразить — проще действительно назвать сумму.

— Девять двести, — называю сумму, вспомнив, сколько отдала на заправке и в аптеке.

Женя тут же достает две пятитысячные купюры и отдает мне.

— Без сдачи нет? Я не люблю быть должной, — немного стебу Женю.

— Остальное за доставку, — отбивает он, и мы трогаемся.

С восхищением рассматриваю волшебные зимние пейзажи по дороге, уютные дома с дымом из труб на фоне белого снега, деревья и ели, украшенные пышными белилами, небо с поволокой прямых размытых облаков на горизонте. Конечно, картина отличается от деревенской, которая на фотографиях русских глубинок мне казалась еще более душевной и сказочной, но даже такой современный вид деревни прекрасен.

— Куда едем? — спрашивает Женя, когда мы выезжаем на Московскую трассу.

— Какой здесь ближайший город? Хочу туда. Я никогда еще не была в Подмосковье. Точнее была, но не в городах — мы с папой ездили раньше на рыбалку в различные загородные клубы.

— Значит хочешь экскурсию по провинции? — подкалывает меня Женя.

— Вот только не надо утрировать. Москвичи тоже люди.

— Хорошо, не буду. Я ведь и сам теперь москвич со столичной пропиской.

— Ммм, поздравляю. Многие годами не могут достичь этого статуса.

Женя хмыкает.

— Что? — не понимаю я его реакции. Может он не так воспринял мое поздравление? Но я никогда не разделяла москвичей и приезжих.

— Так ты не в курсе, что раньше я терпеть вас не мог?

— Кого нас? Москвичей? — удивляюсь я.

— Ага, — подтверждает Женя.

— А Андрей — он же тоже вроде. Москвич, — вспоминаю его лучшего друга из универа, который к тому же был успешным и при деньгах с самого первого курса.

— Ну, там своя история. В общем, я имел право его таковым не считать и дружить с ним со спокойной совестью.

— Понятно... — вспоминаю некоторые моменты в универе, где Женя демонстрировал эту нелюбовь, о которой говорит. А ведь и правда что-то такое было. — А теперь ты к москвичам как относишься?

— Ну, от одной москвички, например, я без ума, — улыбается он и слегка откидывает голову, чтобы посмотреть на меня.

Я лишь закатываю глаза на его умение переводить тему.

— Что? Это ревность или ты все же понимаешь, что я сейчас имею в виду тебя?

Закрываю лицо руками от смущения и переполняющего восторга, связанного с его очередным признанием, а когда опускаю их на колени, все равно свечусь и улыбаюсь, стараясь смотреть вперед, а не на источник, поднимающий во мне эту бурю эмоций.

Мы въезжаем в ближайший город, недолго колесим по нему, и проезжая мимо одного из немногочисленных кафе Женя спрашивает:

— Заедем поесть?

— Давай, — соглашаюсь я.

Мы заходим в кафе и садимся за столик. Официант приносит меню, я заказываю цезарь с креветками, так как не особо голодна и согласилась на кафе лишь из-за атмосферы, Женя заказывает припущенное филе лосося, и когда нам приносят заказ, в кафе входят люди.

Все во мне переворачивается, когда понимаю, что эти люди пришли праздновать бракосочетание. Смотрю на невесту в скромном молочном-белом платье, на улыбающегося жениха и меня накрывает опустошением от того, как я поступила с человеком, который так же мог улыбаться сегодня, принимая поздравления. Я даже не позвонила Роме, а просто отправила смс, благополучно выключив после этого телефон, не думая каково ему — тому, кого бросила за день до свадьбы.

На глаза чуть ли не наворачиваются слезы. Женя аккуратно берет меня за руку, бережно переводя мое внимание на себя.

— Хэ-эй, — мягко говорит он, поглаживая мою руку большим пальцем, — если ты думаешь, что упустила свой шанс надеть белое платье, то ты ошибаешься — я за официальный брак со всеми его причиндалами. Сейчас да, — пытается он отвлечь меня от переживаний легким юмором, который при всей серьезности моей внутренней драмы, все же вызывает улыбку. — И я в состоянии оплатить свадьбу сам, не напрягая отца невесты.

Хмыкаю, улыбаясь на его очередную попытку бросить камень в сторону Ромы. У того тоже было достаточно средств для этого, но он не увидел смысла отказываться, когда будущий тесть сам предложил взять большую часть расходов на себя. Как мне тогда не понравилось это — я не понимала ни папу, который это предложил, ни Рому который это предложение принял без малейших возражений, но в итоге лезть не стала.

— Мне точно не послышалось, и мы сейчас говорим о... свадьбе?

Я точно попала в параллельную реальность. В самую лучшую параллельную реальность, в которой спустя такое небольшое количество времени самый любимый и желанный мужчина в мире говорит о подобных вещах.

— О нашей свадьбе, — уточняет Женя. — Только мне кажется кринжом жениться зимой. Ему так не терпелось, да?

Здесь он попадает в цель, хотя принято считать, что обычно девушка торопит свое событие.

— Я предлагала перенести свадьбу хотя бы на весну, но Рома настоял на выбранной мною же ранее дате.

— То есть ты изменила свое решение, — делает вывод Женя. — После?..

— Да, после встречи с тобой, — поджав губы, отвечаю я.

Я правда запуталась тогда и уже была не рада запланированному замужеству. Конечно, я избегала на тот момент связать появление Жени в моей жизни с возникающими сомнениями, и обосновывала это предсвадебным мандражом, который просто начался не за несколько дней, а за месяц, но сейчас сложив элементарное, я прекрасно понимаю, откуда росли корни этих сомнений.

Вновь перевожу взгляд на счастливых жениха и невесту, но уже без тоски и чувства вины. Женя чудесным образом умеет исцелять своими словами, которые даже прямого отношения к моим чувствам не имеют, и мы затронули то, что действительно меня беспокоит, лишь косвенно.

Мы выходим из кафе, и я понимаю, что домой еще рано, так как солнце еще не село, и прошу Женю купить мне горячий шоколад и остановиться возле какого-нибудь красивого места по пути домой. Этим местом оказывается небольшой замерзший пруд, на льду которого на коньках катаются дети. Мы сидим с Женей на капоте его машины, он обнимает меня и даже сейчас смотрит в основном лишь на меня, мои руки греет теплый напиток, и я, глядя на счастливые лица детей, понимаю, что так как мне хорошо сейчас, мне не было уже давно.

Домой возвращаемся с закатом, который делает дорожный пейзаж еще более романтичным. И едва входим в дом и успеваем снять верхнюю одежду и обувь, как Женя прижимает меня к стенке прямо в прихожей и начинает покрывать поцелуями мою шею.

— Женя, — выдыхаю стоном, сама не узнавая свой голос от в миг охватившего желания. — Нам нужно в спальню.

Там можно сразу выключить свет и не переживать по поводу своего внешнего вида. Я наверно впервые радуюсь, что зимой темнеет так рано.

— Хочу тебя везде. Хочу пометить тобой каждый предмет этого дома. Моя... — Женя прижимает к себе, одновременно приподнимая за попу так, что я вынуждена поднять ногу и обхватить его пах, игнорируя задранное платье.

От этих слов и кружащих голову ощущений уже готова согласиться и отдаться ему, где он пожелает, но когда Женя хочет стянуть мое платье под ярким освещением, тело само сковывается, вынуждая обратить на себя внимание.

— Подожди, — мягко отстраняюсь от Жени, поправляя платье, перевожу дыхание, а потом беру Клыкова, настороженного моей реакцией, за руку и тяну за собой наверх. Не для этого я ждала весь день, чтобы нарушить свой план. Не должен он видеть то, что не положено.

Поднявшись и дойдя до спальни, он сразу включает в ней свет.

— Женя... Пожалуйста, нет, — заглядываю с этой просьбой ему в глаза и выключаю свет. Он ничего не говорит и, молча соглашаясь, целует меня, продолжая начатое внизу, но уже в почти полной темноте. Женя избавляет меня от платья, сразу покрывая поцелуями шею, ключицу, верх груди, что не скрыт бюстгальтером.

Я растекаюсь от этих ощущений, которые вызывают мурашки по всему телу, довольная тем, что мой план удался и мое уродство останется незамеченным и сегодня. Только я рано радуюсь — тут же это понимаю, когда Женя сначала слегка задевает мой шрам рукой во время ласкающих кожу движений, а следом уже осознанно проводит по нему ладонью, после чего резко включает свет, застав меня врасплох.

Происходит ровно то, чего я так боялась — картинка совпадает вплоть до мельчайших деталей. Женя ошалелым взглядом рассматривает мой шрам, а когда я пытаюсь закрыться, он перехватывает мои руки, разводя их в стороны, и продолжает смотреть расширившимися от ужаса глазами, после чего поднимает глаза на меня.

— Что это? — спрашивает то, что вполне очевидно без всяких объяснений.

— Шрам. После аварии, — смотрю на него открыто без единой доли смущения.

Женя молчит и переводит взгляд со шрама в глаза и обратно.

— И ты все помнишь? — спрашивает осторожно после долгих секунд молчания.

— Помню, как водитель ударившей меня машины, чтобы избежать столкновения с грузовиком, вырулил руль в мою сторону. А дальше нет — дальше я не помню, — отвечаю зло, и мы смотрим друг другу в глаза — я со злостью от разрушенных надежд, а Женя непонятным для меня взглядом. Хотя зачем пытаться разгадать его — все лежит на поверхности.

— Тогда... Зачем это все? — Женя выглядит потрясающе непонимающим.

— Зачем? — из меня вырывается истерический смешок. — Затем, чтобы увидеть твоё выражение лица! Ненавижу тебя! — почти выкрикиваю, но потом беру себя в руки. — Я уезжаю. Спасибо тебе.

За что именно его благодарю, сил договорить не хватает, поэтому «за вновь вдребезги разбитые чувства» озвучиваю в голове, уже спускаясь по лестнице.

И как я могла поверить его словам? Все что ему нравилось во мне — моя изменившаяся внешность, а как увидел, что не такая уж я прекрасная везде, включая тело, сразу стала не нужна. Конечно, он ведь с легкостью найдет себе более совершенную пассию. Зачем любить такую, когда полно красивых.

Собираю в этот раз все привезенные вещи, не оставляя ничего своего, вызываю такси и, пока жду, прислонившись к комоду, спускается поникший Женя, у которого чувство вины просто отпечатано на лице. И все это из-за какого-то несчастного шрама! Да, большого и ужасного, но все же шрама на теле, а не отсутствия сердца как у некоторых.

А мне нет дела до его попыток показаться страдающим. Жертва обстоятельств, блин. Пусть катится к... Не знаю! Куда хочет, пусть туда и катится! Все его слова о любви оказались ложью, потому что стоило увидеть мой изъян, как они тут же улетучились.

Вот я дура! Надо было сразу показаться ему во всей красе, а не бояться, что это его оттолкнет. Не было бы сейчас так больно, потому что вчерашняя ночь не отпечаталась бы в памяти приторными воспоминаниями о том, как мне было хорошо.

— Маша, прости...

Я смотрю на него и выхожу, ничего не отвечая.

Потому что не могу простить. Потом обязательно это сделаю, чтобы не носить этот груз с собой, но точно не сейчас, потому что боль выросла в мое сердце так, что ее сейчас никак не отделить и не вырвать, не задев этот орган, который все же поверил в то, во что верить было нельзя.

Глава 27. Авария

Женя

Она меня ненавидит и никогда не простит. Но так ли нужно мне ее прощение, после того что я узнал какая она?

Как Маша, которую я знал, стала способной на такое? Не верю, что она была мстительной и стервозной всегда. Да я с уверенностью могу сказать, что Маша была одной из самых чистых людей, каких я знаю.

А может все же так изменила ее та авария?..

В то утро я ехал на работу невыспавшийся после тусы в ночном клубе. До той аварии я еще позволял себе вести подобный образ жизни с ночными гулянками, девочками и сексом без обязательств. Я не пил, поэтому сел за руль с чистой совестью, не беря во внимание свое никакущее состояние.

Как сейчас помню, ехал по еще свободной дороге в вот-вот начинающуюся пробку, до которой оставалось несколько километров. Помню, как все больше сбавлял скорость, но не сразу обратил внимание на грузовик, который делать то же самое не собирался. Заметил неладное я слишком поздно. И, когда увидел грузовик, мчащийся на меня сзади, не нашел ничего лучше, чем резко вырулить вправо, врезавшись тем самым в бок другой машины, водителем которой оказалась прекрасная девушка, а потом и Маша, когда узнал ее потерявшую сознание.

Оказалось, что водитель грузовика уснул за рулем и проснулся лишь от оглушительных сигналов соседних машин, после того как моя машина стукнула машину Маши. Это сохранило жизнь не только ему, но и тем, кого он мог протаранить. Никто больше не пострадал. Кроме Маши.

Анализ, взятый у меня на содержание алкоголя в крови, показал, конечно, нулевое значение, но после случившегося я был в еще более невменяемом состоянии, поэтому плохо помнил, что происходило потом. Помню гаишников и как шло разбирательство с водителем грузовика, помню скорую, что увезла Машу, но вот саму ее я видел лишь мельком. Радовало тогда только одно — из-за низкой скорости движения я стукнул ее машину не сильно, и она, самое главное, была жива, хотя и без сознания.

После всего я пытался узнать, куда увезли Машу, и, кое-как выяснив, помчался сразу в ту больницу. Где встретился с ее отцом — Владимиром Олеговичем, как его называл персонал. Именно тогда я узнал, как его зовут, потому что в нашу первую встречу он даже не назвал своего имени. Нужно ли говорить, сколько ненависти и презрения было в его глазах.

К Маше меня так и не пустили, а этот козел попросил врача, чтобы тот убедил меня отправиться домой и прийти завтра, когда Машу можно будет навестить. Оценивая свое состояние, спорить я не стал и ушел, учитывая и то, что находиться рядом с этим демоном, испепеляющим своей ненавистью, мне претило.

Но когда пришел на следующий день с корзиной фруктов и букетом цветов, выяснилось, что Машу перевезли в частную клинику. Разумеется в какую, никто мне говорить не собирался.

Но я не сдавался и смог найти ее, после того как ее выписали из больницы — дал своему ассистенту задание разузнать все о ней. Хорошо, что она хоть и редко, но в силу новой профессии вела инстаграм — так Миша и выяснил, где она работает.

Только выслеживал не я один — ее отец тоже следил за мной и выловил меня, когда я караулил его дочку после работы. Тогда у нас состоялся очередной разговор.

— Ну, здравствуй, — первое, что я услышал, когда пересел в его машину по просьбе его водителя. — Я, кажется, уже брал с тебя обещание не подходить к моей дочери? — сурово смотрел он на меня своим прожигающим взглядом. — Помню, ты тогда высказался, что тебе это и не нужно. Что же изменилось?

— Я всего лишь хочу попросить у нее прощения.

— За то что изуродовал ее?

Все во мне перевернулось, когда услышал эти слова. Вспомнилось ее милое личико.

Но ведь было все нормально — я ведь видел! Или нет? Или я был настолько в невменяемом состоянии от случившегося, что даже не заметил?

Стоп. Я видел ее недавно, но не успел подойти, и издалека все казалось обычным, даже наоборот — еще издалека было видно, что Маша похорошела со времен третьего курса. Получается вблизи все иначе?

— Я не...

Слова застряли в горле, и я сам не знал, что хочу сказать. Я не знал? Не хотел? Не виноват?

Но последнее точно было неправдой, потому что стукнул ее машину именно я. Да, фактически я не был виноват, но если бы я был в нормальном своем состоянии — реакция моя была бы четче, и я нашел бы выход не врезаться так резко в машину справа.

После его слов тогда я пообещал себе никогда больше не вести себя так безответственно.

— Если ты действительно хорошо к ней относишься, то оставь ее в покое. Не нужно ей напоминать о себе. Она уже итак из-за тебя настрадалась. А если ты все же не слушаешь сейчас меня, то проблемы у тебя в бизнесе будут такие, что пожалеешь, что вообще посмотрел на Машу.

Меня и тогда не особо напугала его угроза, но на меня произвели эффект другие его слова.

Она уже итак из-за тебя настрадалась...

Он был прав. Да и кто, как не он знал, каково было Маше после моего поступка тогда, когда я, по сути, просто использовал влюбленную в меня девочку.

Помню, как сник после этих слов и принял его правила игры, снова пообещав, что Машу больше не беспокою. Я оставил идею поговорить с ней, потому что так и правда мог сделать только хуже той, о которой часто думал в последнее время, и которая засела где-то в районе солнечного сплетения, а может и сердца. И удавалось мне себя сдерживать ровно до того момента, пока не увидел ее с тем, кого ненавидел еще больше ее папаша — с ублюдком Ромой. И так как я уже знал, где она работает, на следующий день, не утруждаясь новыми поисками, приехал сразу к ней.

Тогда еще больше, чем желание насолить ее парню, мною двигало желание попросить прощения, но все выглядело так, будто Маша была не в курсе, и ее отец действительно решил сохранить произошедшее в тайне. Я решил не поднимать эту тему, еще и потому что никаких увечий я на Маше не заметил, и подумал, что соврал, ее отец просто нашел способ вызвать во мне чувство вины и отгородить тем самым от дочери.

Но он тогда не соврал. И я действительно изуродовал Машу. Не лицо, нет. Хотя в голове почему-то при таких словах рисовался лишь такой исход, но все же та авария не прошла для

нее бесследно. Но самое ужасное, такой огромный шрам мог означать, что могли быть повреждены и органы. Какое счастье, что она осталась жива... Я бы не пережил другого исхода.

Увидев результат того происшествия своими глазами, я оцепенел. Потом пытался понять, почему не заметил кровь в тот момент. И вспомнил. Конечно, я мог не заметить тогда кровь — Маша была в черном платье, на котором красные пятна скорее всего не были видны.

Не знаю на что я надеялся: что она не видела того, кто вырулил в ее сторону, на автомате спасая свою жизнь, или что отец не сказал ей, что это был я. Но если она все знала и помнила, то зачем так жестоко молчала распалая во мне любовь? Зачем?

Я думал она действительно не помнит, но выходит она все знала и просто решила поиграть. Когда она собиралась сказать, что все помнит и ненавидит меня за это, и что наша близость была лишь планом ее мести? Когда я бы еще больше привык к мысли, что мы теперь вместе?

Вспоминаю ее, и никак не вяжется ее поведение, ее искренние реакции в некоторых моментах с ее лживой игрой. Но я также был слеп с Анжелиной, считая, что та от меня без ума. Поэтому не лучше ли верить словам, которые отображают все намного яснее.

Еду в Москву, потому что нет сил оставаться в доме, где все успело пропитаться Машей. Запираюсь в квартире, не желая ни с кем контактировать. Так хреново и пусто на душе, что кажется, будто вновь поднимается температура, только на этот раз я не хочу видеть даже Машу с ее жестокостью. Смешно: «Я не хочу». Будто от моего хотения что-то зависит, и сама Маша горит желанием быть сейчас со мной.

Беру градусник и меряю температуру — всего лишь 37. А так паршиво будто вот-вот откинусь. Но прислушавшись к своему нутру, понимаю, что дело вовсе не в физических ощущениях — мне хреново на душе.

Меня всегда выручал Андрей. Раньше меня бесило, что я ему в трудных ситуациях всегда открывался по полной, а он всегда был закрытым как показ эксклюзивной коллекции. А сейчас я его понимаю. Не хочу никого видеть: ни Кристину, ни даже его — того, кто выслушивал и помогал всегда.

Хорошо, что завтра уже на работу и дел там накопилось немало, из-за того что строго наказал своим меня не беспокоить, если дело не требует моего личного вмешательства, как было с курьером и документами. Уверен, бизнес и в этот раз придаст мне сил.

Но это будет завтра, а сегодня я вдоволь позволю себе пережить жестокость Маши, которую я, возможно, и заслужил.

Ложусь прямо на мягкий ковер на полу, потому что лень идти до кровати, расправлять ее, принимать душ, и верчу в руках телефон.

Нет, все же не срастается в голове Маша, которую я знаю, и ее поступок. Может она погорячилась, и эмоции взяли верх? Может она не планировала эту свою месть? Я должен с ней поговорить.

Набираю ее номер и тут же понимаю, что она меня заблокировала. Решаю проверить догадку и, зайдя в мессенджеры, вижу ее аватарку без фото с подписью «была очень давно». И это и есть ответ.

Глава 28. Дежавю

Маша

Еду к папе. Потому что как бы мне не хотелось побыть сейчас одной, мне нужна почему-то именно его поддержка. И у меня ощущение дежавю. Тогда также я плакалась в его жилетку, словно маленькая, и меня обидел мальчик в песочнице, но плевать я хотела на то как это выглядит или называется — сейчас мне важнее пережить этот внутренний смерч. Звоню ему по дороге:

— Пап, ты дома?

— Дома. С тобой все в порядке? — голос папы больше спокойный, что радует.

Я вздыхаю.

— Фактически да, но по состоянию нет.

— Хорошо. Поговорим, когда приедешь.

А едем мы долго — вечерние пробки в центре этому причина, но это наоборот меня умиротворяет. Не хочу приезжать. Хочу ехать и ехать, любуясь огнями прекрасной столицы. Но как и все в этом мире, поездки, какими бы не были красными дороги в навигаторе, имеют свойство заканчиваться. Выхожу из такси и иду домой к папе. Нажимаю звонок, дверь открывается, и через пару секунд я уже стою в обнимку с ним.

— Доченька... С тобой точно все хорошо? — отстраняя меня, он заглядывает в мое лицо.

— Нет, пап. Он опять разбил мне сердце, — снова утыкаюсь в его плечо, прячась от всего мира.

Папа дает мне столько времени, сколько нужно, а когда я сама отстраняюсь, чтобы хотя бы раздеться он говорит:

— Подожди, не раздевайся. Нам нужно съездить — написать заявление на похищение. Я уже обо всем договорился.

— Папа, я была там по своей воле, — немного испуганно поднимаю глаза на отца. Каким бы не был Женя козлом, я не хочу его сажать или вообще как-то привлекать к ответственности.

Папа смотрит на меня как на полоумную и наверняка думает, что у меня поехала крыша на фоне случившегося.

— Не сразу, но потом да. Пап, я его опять люблю, — на глаза наворачиваются слезы.

— Тогда почему плачешь?

Усмехаюсь идиотичности этой ситуации.

— Я ему опять отвратительна — он... Видел мой шрам.

Краснею, потому что видеть его Женя мог только в одном случае, и признаваться в этом родителю очень неловко.

— И сказал, что... — папа пытается подобрать слова. — Он сам сказал, что не может тебя любить из-за твоего шрама?

— Не совсем. Но он попросил за это прощения.

— Я правильно понял, что он попросил прощения, и ты сама решила за что?

— Папа, да не нужно много ума, чтобы понять что к чему. Ты бы видел его лицо, когда он увидел этот шрам.

— Мда, может и видел что-то похожее, поэтому даже представлять не хочу. Ладно.

Маш, надо твой телефон на жучки проверить. Мало ли. Давай мне — Артем сейчас подъедет, все сделает.

Не вникая в смысл слов, отдаю папе телефон, продиктовав пароль. Голова тяжелая, и все, чего мне хочется — это в душ и спать.

Ненавижу этот шрам! Ненавижу ту аварию! Ненавижу того придурка, что вырулил на меня, хотя по сути у него не было другого выбора! Ненавижу того водителя грузовика! Всех ненавижу!

Ненавижу...

Долго плачу на полу душевой и даже когда слезы перестают смешиваться с водой я просто сижу, опустив голову на колени, пока упругие капли стучат по голове и спине.

Выхожу из душа выжатая и успокоившаяся, но все равно избегаю смотреть в зеркало, потому что не хочу новой волны слез и переживаний. Закутываюсь в любимый халат, который по-прежнему мне великоват и иду на кухню, где меня ждет папа.

— Не спишь?

— Ждал тебя. Ну как ты?

— Лучше. К тому же переживать на эту тему для меня не впервой. Иммунитет же должен вырабатываться, да? — уже появляются силы на подобие шуток.

— Наверно должен, Маш. Я никого кроме твоей мамы не любил. Пока, — добавляет он, и я чувствую в этом новый подтекст, но глядя на папу, решаю эту тему пока не затрагивать, чтобы не спугнуть. Неужели у папы появился кто-то на горизонте?

Почему-то вспоминаю о Свете:

— Спасибо, кстати, что Свете рассказал, что меня увезли.

Не хочу употреблять «похитили» даже разговаривая с папой, так как это все же не отражает истинной сути.

Папа откашливается и выглядит немного странно, но потом все же отвечает:

— Да, она сильно переживала.

— Если честно, я думала, что за мной приедет какой-нибудь спецотряд по твоей наводке, — улыбаюсь я. — Даже странно, что ты не вычислил где мы.

— Я нашел тебя, — отвечает папа. — Но Света, узнав, что тебя похитила твоя первая любовь, надоумила дать тебе самой определиться. Ну я и подумал, что ты сама не хотела быть найденной, иначе не выключила бы телефон.

— Телефон переставал ловить дома, хотя уже во дворе связь появлялась. Я так и не поняла, что это было, — пожимаю плечами.

— Глушитель связи. Вот говнюк, — хмыкает папа.

— Но в любом случае хорошо, что ты не вмешался. Я должна была это пережить. И как бы Женя ко мне не относился, я ему очень благодарна за одну вещь...

Папа вопросительно смотрит, ожидая продолжения.

— Я не вышла за нелюбимого человека, — поясняю я. — Я правда рада, что не испортила этим жизнь не только себе, но и Роме.

— Да, тут не поспоришь. Если на то пошло — и я этому недоуголовнику благодарен. Ты ведь знаешь: я твоему Роме все равно не доверял.

Дальше мы молча допиваем ароматный чай и идем спать.

А утром перед работой я решаю завершить одно дело.

Еду в кафе недалеко от центра и жду Рому. Телефон остался у папы, хотя уже утром я подумала, что проверять его на жучки бессмысленно — не трогал Женя мой телефон, но тем

не менее остаюсь без связи до вечера.

Сегодня понедельник — рабочий день, а Рома всегда перед работой заходит в это кафе.

Пока жду, в памяти всплывает разговор со Светой.

— Серьезно? У вас все настолько серьезно? — удивлялась она три минуты, когда я сказала ей о том, что Рома сделал мне предложение. — Сейчас чувствую себя виноватой в том, что надоумила тебя с ним встречаться. Вот блин.

— Да чего ты, — смеялась я над ее реакцией. — Мы вообще-то любим друг друга.

— Да, любите, — закатила она глаза. — Да вы даже трахаетесь раз в месяц!

— Света! — оглянулась я нет ли кого поблизости, и, убедившись, что ее никто кроме меня не слышал, ответила, опустив взгляд: — Чаще иногда.

— Маш... — ее тон изменился. — Ты прости меня, конечно. Вместо того, чтобы нормально поздравить, я тут свои выводы сую. Просто реально не ожидала, что у вас так далеко зайдет. Я думала он просто раскачает тебя и отправится восвояси, а ты вон как. Про любовь говоришь.

— Все нормально. Ты имеешь право на свой взгляд. К тому же не знаешь наши отношения изнутри.

Света словно опять хотела вставить что-то свое, но передумав сказала другое:

— Ладно, главное — будь счастлива.

Выдыхаю и понимаю, насколько проницательной оказалась Света. А может и не она оказалась проницательной, а просто даже со стороны все было видно как на ладони.

Поднимаю голову, слыша звук открывающейся двери. Но это не Рома — в кафе заходит какая-то девушка и садится за столик позади меня.

— Натуль, привет, — тут же начинает она говорить по телефону.

А я как назло даже номер Ромы не помню наизусть, чтобы попросить у кого-нибудь позвонить. Надеюсь он все же не изменит свой распорядок дня и придет.

— Да, снова тут. Я не отступлюсь, ты же знаешь. Тем более сейчас, — продолжаю я слышать речь девушки.

— Ну блин, и что что отшил? Он мне тогда сказал, что я ему понравилась. А отшил только из страха. Да стопудово он не любит эту свою.

— Ой, перестань. Мне не восемнадцать, чтобы думать какой он в постели — вот переспим и узнаю. Да и знаешь, пофиг на это. Главное, что деньги есть. У него мерс эс класса, на минуточку.

У Ромы тоже мерс эс класса, — отмечаю про себя. И надеюсь этот мерс подъедет наконец к этому кафе. Зря я все-таки не договорилась о встрече заранее. Уже начинаю думать, что мой план сорвался, как дверь вновь открывается, и в кафе на этот раз заходит действительно Рома. Он сразу замечает меня, и на его лице сразу сменяются эмоции от удивления и радости до обеспокоенности и грусти.

Только то, что я наблюдаю следом, грозит вызвать истерический приступ смеха.

— Рома, — слышу, как его окликают та самая девушка за соседним столом.

Глава 29. Не хочу

Маша

— Что ты здесь делаешь? — цедит Рома сквозь зубы, обращаясь к блондинке.

— Как что? Кофе пью, — наигранно смеется она. — А тут вот ты заходишь.

Поворачиваюсь, чтобы разглядеть девушку, и внимание привлекает ее тату прямо на шее — лилия в огне. Секунда мне понадобилась, чтобы понять, где уже видела не только рисунок, но и саму девушку-блондинку — на фотках из клуба, что тогда отправил папе Виктор, а папа показал мне.

Уже с интересом наблюдаю за их диалогом.

— Я тебе уже все сказал. Пожалуйста, не нужно больше разговоров при моей невесте.

Она переводит взгляд на меня и тут же тушует, понимая, что я слышала, как она говорила о Роме с подругой.

— Ладно, мне пора, — берет она свои вещи и практически вылетает из кафе.

— Это твоя однокурсница? — вспоминаю, что тогда Рома назвал ее именно так.

— Нет, мы... По работе как-то познакомились. Давно еще, — отмахивается он.

Вот в чем прелесть вранья — человек сам забывает, что говорил.

— Когда ты приехала? — садится он за мой столик и пристально вглядывается в мое лицо, задавая вопросы. — Он отпустил тебя? Почему ты не позвонила мне?

— Не хотела, Ром. Прости. Сейчас вот решила вживую с тобой поговорить.

— Маш, не переживай насчет свадьбы. Если хочешь — организуем все заново, а если нет — просто распишемся и все, — здесь он берет мои руки, лежащие на столе, в свои, а я смотрю на этот жест и понимаю, что Рома ничего не понимает.

Я почему-то решила, что объяснять ничего не придется, так как все уже было ясно из сообщения, что я отправила накануне свадьбы, но видимо ошиблась.

— Рома... Ты получил мое смс?

— Да. Это он его отправил? Я говорил с твоим отцом — нужно написать на него заявление.

— Не нужно.

— Ладно, это можно сделать и позже, но тянуть не стоит — у нас на следующей неделе самолет. Понимаю, что лететь в медовый месяц без свадьбы не комильфо, но что поделать — придется опять месяц ждать, после того как подадим заявление заново.

Надо же, я совсем забыла о запланированном путешествии в Тай после свадьбы.

— Ром, я не полечу никуда.

— Почему?

— Я... — несколько долгих мгновений пытаюсь подобрать слова, но в итоге отвечаю честно и коротко: — Не хочу.

— Почему? — снова спрашивает он.

— Прости меня, но соглашаться выходить за тебя было моей ошибкой.

— Тебя по голове ударили или что? — морщится он, строя неприятную гримасу. — Или это стокгольмский синдром? Только не говори, что он сумел тебя одурачить.

Я не успеваю ничего сказать, и Рома продолжает.

— Я понимаю — он твоя первая любовь — твой папа обмолвился про это, но пойми и ты — он тебя просто использует, чтобы отомстить мне. Иначе почему он объявился только

сейчас? Не задумывалась?

Ах, если бы причина была в этом или только в этом. На самом деле мне даже больнее, потому что истинная причина гораздо прозаичнее той, что рисует в голове Рома.

— Не решай за других. Лучше подумай о девушке, что строит на тебя планы. Скажи... Ты тогда, в клубе, заметил Виктора, поэтому сплавил эту блондинку до моего приезда?

Воспоминания словно проносятся по его лицу, и он понимает, что сейчас прокололся, но ничего не отвечает. А мне и не нужно его слов — я прекрасно вижу ответ в его глазах — я попала в точку.

Удачно я не вышла замуж, однако.

Встаю, но Рома подсакивая следом, берет меня за локоть.

— Маша, подожди. Прости. У меня с ней правда ничего не было — мы только потанцевали тогда, обменялись номерами и все. Она потом писала, звонила, но я понял, что не хочу тебя обманывать. Мы не спали. Пожалуйста, поверь мне. Она ничего не значит для меня — я тебя люблю.

Слушаю его речь, но думаю о своем: наверно и Женя меня так же легко вычеркнул из своей жизни. Это я успела опять влюбиться по уши. Такая же дурочка, что и эта блондинка. Она, конечно, вряд ли испытывает ту же полноту чувств, что и я, но в любом случае отношение к нам мужчин, которые нам нравятся, похожи.

— Не веришь? — поникшим голосом спрашивает тот, кто познакомился с девушкой будучи в отношениях со мной, взял ее номер, общался с ней, раз уж и она знает в каком кафе его ждать, и тот, для кого она, несмотря на все это, ничего не значит. Просто все так у мужчин...

— Верю, Ром, — я не вру — это действительно так, учитывая, что девушка тоже говорила, что они не спали. — Но это все равно ничего не меняет. Я правда перед тобой виновата, но дело не в ней и даже не в тебе. А во мне.

— В нем! — снова заводится он. — Хорошо, иди к нему, только он еще пожалеет, что украл тебя у меня!

Смысла объяснять Роме нашу ситуацию, а именно, что Женя меня может и украл, да потом вернул из-за обнаруженного дефекта, я не вижу, поэтому наконец выхожу из кафе.

Еду на работу впервые не хотя. И не зря — сначала приходится противостоять сияющему лицу Насти, которая опять думает, что у нас с Женей идиллия в отношениях, а поняв, что это не так по моему лицу, бурчит в спину:

— Когда у вас уже будет все нормально.

А потом и Фине, когда рассказываю, что с Женей не вышло. Но в отличие от Насти, Фина всегда прагматична.

— Так, раскисать не надо. Плюсы от этой истории есть? Есть. Лично я вижу один большой огромный плюс — ты наконец пустила по бортам этого придурка. Как он мне не нравился, ты бы знала! Я тебе не рассказывала, но я видела, как он с Полиной флиртовал, и причем не так как этот обаяшка, — имеет она ввиду Женю, — у которого начерно в крови, блин, соблазнять, а так тошнотворно, что бэ-э, — изображает она рвотный рефлекс, и от ее невербалики на место моей грусти временно приходит смех.

— Ладно, мужиков обсудили — теперь по заказам, — плавно переходит она к делу и перечисляет немалый объем работы. — Ты летишь не летишь на следующей неделе?

Надо же, даже она помнит, а я умудрилась забыть.

— Нет.

— Могла бы одна слетать. Но ладно, это хорошо, что не летишь — работы много, Маш. Твой Женя прям как-то раскрутил нас — все просят теперь предметную съемку с моделями. Но ведь и инфографику им подавай. А куда им ее лепить? На лицо что ли? Придумают тоже, — закатывает она глаза, но весьма довольна.

Заваленная работой, тружусь до поздна, но несмотря на усталость, после работы все равно еду к Свете в офис. Надеюсь она сегодня на работе. Вчера так и не написала ей, пока ехала домой, а потом уже отдала телефон папе.

Жду ее в фойе их офиса, а когда, наконец, вижу ее, выходящую с ее коллегой из лифта, спешу к ней, пока она не проскочила мимо, увлеченная как обычно обсуждением рабочих моментов.

Замечая меня, Света прощается с коллегой и идет мне навстречу.

— Ты уже совсем, Синицына, совесть потеряла! О том, что ты благополучно покинула свой сладкий плен, я почему-то узнаю от твоего папы, а не от тебя, — огорошивает она, когда мы обнимаемся вместо приветствия.

— От папы? — уточняю я, не начались ли у меня слуховые галлюцинации.

— Да, он... — так и не договаривает она. — В общем, пойдем перекусим. Да же?

Мы заходим в кафе, расположенное в этом же здании, садимся за столик и пока ждем официанта, Света спрашивает:

— Ну как ты?

Рассказываю ей историю моего «сладкого плена» как она выразилась, слушаю ее «Неужели он такой индюк?» и «Не парься. Ты, Маш, не представляешь насколько ты классная и еще встретишь своего принца», отмахиваюсь от последнего ее выражения, так как никаких принцев сейчас не хочется и пью фруктовый чай, что нам уже принесли.

— Твоя очередь, — поставив чашку, выжидательно смотрю на неё.

Не думает же она, что я забыла ее упоминание о моем папе.

— В общем, я устраиваюсь на работу к твоему отцу — сегодня дала окончательный ответ, а заодно узнала, что блудная дочь вернулась в Москву, — улыбается подруга.

— Ого. Вот как? — мне даже в голову такой вариант событий не мог прийти. — А ты будешь успевать совмещать? Тебя же здесь к повышению вроде готовят.

— Нет, успевать точно не буду. Поэтому... Отсюда увольняюсь.

На это я уже ничего не отвечаю, так как слов просто нет. Он ей что золотые горы пообещал? Ей ведь нравилось здесь все: и зарплата, и сама работа, и командировки в крутые страны.

— Он мне ничего не сказал, — вспоминаю наш разговор вчера, в котором не было даже намека.

— Да ничего в этом такого нет. К тому же стало ясно только сегодня. И он же не докладывает тебе о всех сотрудниках, которых принимает на работу.

— О обо всех нет, только о самых важных. А ты все-таки не чужой человек, а моя лучшая подруга.

Замечаю, что Свете не нравится мой ответ, но не понимаю, что именно я сказала не так.

— Ладно, Маш, — сделав глоток чая, она устремляет взгляд в дальнюю точку, — на самом деле это интересный опыт — я еще не работала с подобными фирмами, — говорит Света уже серьезно, будто сама для себя обосновывая свое решение.

Мы сидим с ней еще около часа, болтая обо всем подряд, или просто молчим, когда каждая задумывается о своем, а потом я снова еду к папе, и не только за телефоном, но и за

ответом на вопрос: почему он не сказал, что берет Свету на работу — это ведь как минимум прикольно.

Еду, еще не зная, хочу ли снова ночевать у него. Но забрав телефон и проверив журнал вызовов, смс и даже мессенджеры и не обнаружив от одного человека никакой активности в мой адрес, решаю остаться.

— Что у вас там со Светой? — спрашиваю папу, отрывая его от ноутбука. Он такой трудоголик, что часто работает и дома, даже в столь позднее время.

— Ничего? — нахмурившись, он словно пытается угадать правильный ответ, но потом понимает о чем я. — Аа, да, Света вызвалась помочь мне с маркетингом. Так что через две недели с ее помощью, я надеюсь, мы начнем взлетать.

— Вообще это здорово, что ты ее отхватил — она крутой специалист, — делюсь с папой своим личным мнением. — Только не будь с ней таким же строгим как со своими подчиненными — она слишком свободолюбива, — предостерегаю родителя, зная характер подруги.

— Постараюсь, — обещает папа.

Иду спать и снова проверяю телефон — ни-че-го. А я не могу перестать думать о Жене, вспоминая каждый момент проведенный с ним. Засыпаю с единственной просьбой к исполнителю желаний — поскорее выкинуть из сердца и забыть того, кому оказалась не ценна моя душа. Но либо я свое желание сформировала неправильно, либо меня просто не услышали, потому что почти всю ночь мне снится он.

Глава 30. Эскортница

Маша

Дни идут своим чередом. Я уже практически не жду, что Женя напишет или позвонит. Точнее, конечно, жду, но это больше похоже на эфемерную надежду, которую иногда даже получается игнорировать и не проверять телефон так часто, как могла бы.

Помогают в этом и многочисленные заказы, которые мы с Ясей — вторым фотографом еле успеваем сфоткать и обработать. Fiна уже проводит собеседования на должность третьего фотографа, но пока безуспешно.

— Нет, все не то. Не знаю в чем дело, — говорит она нам с Ясей во время обеда, который мы заказали в студию, чтобы быстро перекусив, вернуться к работе. — Вас я так долго не выбирала — фоткаете нормально и все. А тут прям особенного чего-то хочется.

— Ну спасибо, — недовольно отвечает ей Яся. — Нормально фоткаете. Классно мь фоткаем!

— Сейчас да, а тогда мне пофиг было. Но не в этом суть, говорю же. Не нравятся мне все что-то.

— Ты такими темпами нас с Машей уработаешь и вообще потом без фотографов будешь сидеть. Уже обед вон урезали из-за времени.

— Я плачу вам вообще-то дохрена и за каждый заказ дополнительно! Ни в одной студии нет такого.

— Ну ладно, ладно, не злись. Уже и сказать ничего нельзя, — смеется Яся.

А потом мы понимаем, чего особенного ждала Fiна, и разинув рты смотрим как она представляет нам нового фотографа.

— Сколько ему, — шепотом спрашиваю у Яси, пока Fiна что-то объясняет ему.

— Не знаю, но смазлив он на все 100. Баллов — не лет, — смотря на «парочку» отвечает Яся.

Егор оказывается весьма интересным молодым человеком, который уже успел стать профессиональным фотографом, несмотря на свой юный возраст — ему недавно исполнился 21 год.

На вопрос почему он выбрал нашу студию, когда со своим послужным списком мог устроиться в более престижное место, он ответил:

— Я сам не понял. Увидел объявление, и меня потянуло сюда. Я давно ищу работу, но хотелось чего-то особенного.

Еще один.

— Стервозной начальницы? — уточняет Яся, а я толкаю ее в бок — не такая уж Fiна и стервозная.

— Возможно, — смеется Егор, демонстрируя свои прелестные ямочки на щечках.

С приподнятым настроением после обеда возвращаюсь в кабинет и натыкаюсь на конверт на столе. Раскрываю его и достаю письмо, написанное от руки до боли знакомым почерком, который я безошибочно узнаю с первого курса универа.

Читаю немногочисленные строки и ничего не понимаю.

«Я уже просил у тебя прощения, но не говорил за что. Сначала думал ты не помнишь и не знаешь, и что твой отец все же не рассказал тебе, что это был я. А потом я слишком был ошарашен тем, чем та авария обернулась для тебя. Понимаю, что это ничего не изменит, но

твое прощение важно для меня. Поэтому... Прости, что из-за меня ты тогда пострадала».

Неужели Женя говорит про аварию? Неужели тем водителем был он...

Перечитываю несколько раз и не могу поверить. Как из миллионов людей, живущих в Москве, человеком, которого я ненавижу больше всего, мог оказать Женя? Разве такое возможно?

Это ведь точно он написал? Но почему было просто не написать тоже самое хотя бы в мессенджере — зачем утруждать себя письмом? Звоню Насте.

— Насть, а Женя...

— Да, приезжал, пока ты с новым мальчиком флиртowała, — немного зло отвечает она. Она видимо сериалов пересмотрела и теперь так же реагирует на людей в жизни, когда те не следуют ее желаниям быть вместе. Но я точно в этой ситуации не виновата. Или... Смотрю на строчки еще раз, беру телефон и, еле как найдя, захожу в заблокированные номера. Где, как я и думала, оказывается номер Жени. Номер его также оказывается в черном списке и в мессенджерах.

Это значит вот так папа мой телефон на жучки проверял?!

— Папа, как это понимать? — тут же звоню ему, даже не спросив, удобно ли ему сейчас говорить.

— Ты о Свете?

— Нет! О Жене! Зачем ты заблокировал его мне?

— Думал никогда не поймешь, — не очень приятно, когда даже собственный отец считает тебя душой! — Приезжай домой сегодня — поговорим.

А меня так злит сейчас все, и особенно это его «домой».

— Не домой, а «ко мне в гости»! Я уже не с тобой живу. Слава Богу.

Чувствую, что очень резка с папой, но по-другому не могу сейчас. Какого он вот так лезет в мою жизнь?!

Кладу трубку, так как не хочу сейчас с ним разговаривать в таком взбешенном состоянии, и только задумываюсь: звонить или не звонить Жене, как от папы приходит сообщение:

«Не торопись ему звонить. Вечером скажу почему».

Опять его указания! Теперь хочу послушаться его на зло, но кнопку вызова так и не нажимаю. Что-то не дает это сделать. Возможно, надо собраться с мыслями и все обдумать.

Ладно, прошло уже столько дней, как мы не общались. Я смогу дотерпеть до вечера. Ведь не просто так папа написал мне это сообщение?

Когда приезжаю к нему, его еще нет. Готовлю ужин, зная что папа вряд ли поужинает или закажет что-то на дом. И постепенно успокаиваюсь, уже не желая грубить ему так ярко. Поэтому, когда он приходит злости остается лишь на:

— Почему ты не рассказал мне про аварию? И зачем ты заблокировал Женю? Пока я ждала его звонка, ты видел это, знал и просто смотрел. Папа!

— Так было нужно. Я ведь твой родитель. И сказал Артему заблокировать его везде, где только можно, чтобы сначала убедиться в нем.

— Папа, мне не 3 года и даже не 17! Мне 24! Я уже взрослая, — в который раз пытаюсь достучаться до него.

— Тогда тебе тоже было не 17, однако ты попросила моей помощи, — жестоко напоминает о моей слабости папа.

— Помощи пережить свои страдания. Я и тогда не просила ехать разбираться с ним!

— Я делал то, что должен был сделать нормальный отец.

— Опозорить меня перед любимым парнем, выставив ненормальной дурой?

— Не дать вытирать ноги об мою дочь! Ты не думала, что он и дальше мог успешно пользоваться тобой, если бы не наш разговор и не твой перевод в другой вуз?

— Хорошо. Возможно ты даже прав. Но почему ты не сказал, что это он врезался в меня?

— Маша, я знаю, что ты его любила, и не хотел чтобы ты ещё и в этом разочаровалась. Поэтому и скрыл, что это из-за него ты чуть на тот свет не отправилась.

— Ты прекрасно знаешь, что пострадала только кожа — рана была не глубокая, — закатываю я глаза от его преувеличений.

— Мне не надо было, чтобы он и дальше оббивал пороги, таща тебе свои веники, а потом играл на твоих чувствах снова.

— Он приходил? — учащает ритм мое сердце.

— Да, но в первый день к тебе не пускали, а на второй я увез тебя из больницы в клинику — это ты уже должна помнить.

Я и помню. Помню, как ничего не объясняя, папа перевез меня, несмотря на мои протесты, что чувствую я себя нормально и вполне могу полежать пару дней без лишней суеты.

Хочу тут же пойти в свою комнату и позвонить Жене, но все же перед этим решаю уточнить один момент.

— У меня слов нет. Но если ты понял, что сейчас дело не в моей дефектности, а в Женином чувстве вины из-за нее, то почему не рассказал мне? Неужели ты настолько его ненавидишь, что тебе отгородить его от меня важнее, чем состояние собственной дочери?

— Машунь, я был у него вчера...

— Опять?! — все же удивляюсь я, хотя после того раза думала меня удивить уже сложно. — И?

— Поехал, чтобы выяснить его намерения, но из его квартиры вышла девушка.

Папа говорит это таким тоном, каким тогда рассказывал про блондинку Ромы в клубе.

— Девушка... Хорошо, но бывает всякое, — пытаюсь не делать преждевременных выводов. — Может это его сестра или... Или подруга, я не знаю.

— Маш, она эскортница. А эскортницы приходят к клиентам на работу. И она точно не его сестра, — я это знаю, потому что она долгое время обслуживала одного моего хорошего знакомого... Я понимаю, это неприятно, но он не изменился, как ты это рисуешь в своей голове. Он такой же как и был.

Выжженные угли внутри — вот что остается после слов папы. И что самое ужасное — я понимаю, что это вполне похоже на Женю.

— Ты ведь не врешь про эту девушку? — делаю последнюю попытку прояснить этот момент.

— Нет, Маша. Не вру. Я ведь и ехал, чтобы нормально поговорить и убедиться, что он нормальным стал и к тебе достойно относится. Но увы.

Папа часто косячил со своей гиперопекой, но он не стал бы врать про эту девушку легкого поведения — такое специально и придумать сложно. Значит это действительно так, и Женя легко мне нашел замену. Да еще какую! И значит его слова о любви и правда были водой.

Убеждаюсь я в верности своих выводов еще и потому что телефон за весь вечер не

издает ни звука, хотя Женю я достала отовсюду, и, если бы он заглянул в мой профиль в мессенджере, то увидел бы это.

Нет сообщений и от Ромы, который видимо принял наше расставание, и причем достойно, если не считать последней фразы, брошенной перед моим уходом. Хотя эту фразу оправдать можно — видимо сыграли эмоции.

Но уже на следующий день я понимаю, как ошибалась насчет принятия ситуации Ромой и узнаю каким он подлым и ужасным может быть — утром телефон пиликает сообщениями от него.

Глава 31. Поговорим?

Женя

Номер Маши по-прежнему выключен. Глупо, конечно, было надеяться, что она передумав разблокирует меня, но я надеялся.

Не выдерживаю и звоню Кристине. А когда она приезжает, тупо молчу, сидя на полу и пялюсь в потолок.

— Жень, я могу тебе чем-то помочь? — спрашивает она, устав сидеть в тишине.

— Нет, Крис. Походу нет.

— Секс не буду предлагать, но если захочется поговорить — велком.

— А может наоборот нужно предложить? Может легче станет? Давай переспим, — возвращаю голову в вертикальное положение и смотрю на нее.

— Я умею отличить истинное желание от потребности просто потрепаться на эту тему, — хмыкает эта прошаренная в мужчинах женщина.

— Ты права. Не хочу тебя. Хотя как можно тебя не хотеть? — вздыхаю. — Хочу только ее.

— Расскажи о ней, — почти требует Крис.

И я рассказываю.

На душе странным образом становится теплее и легче.

— Спасибо тебе, — говорю напоследок.

— Ты много для меня сделал.

— Деньги тебе и без меня давали.

— Нет, Жень, я не о деньгах. Ты всегда видел во мне человека, а не куклу, пригодную только для красоты и секса.

А ведь она права. Хотя раньше я относился ко всем девушкам именно так. Но мы с Крис похожи, поэтому и понимаем друг друга, и видим больше, чем видят в нас другие.

— Я не виноват, что ты и правда классная. Была бы куклой — относился бы как к кукле.

Крис пора уходить. И так уже долго просидела со мной. Она одевается, но задерживается возле двери.

— Поговори с ней. Попроси прощения, глядя в глаза, ну или найди способ, как сделать это другим способом. Но не жди, пока она тебя разблокирует.

За Крис закрывается дверь, а думаю над ее словами: а ведь и правда, что мне мешает поехать к Маше?

Планирую завтра же увидеться с ней, так как сейчас уже поздно, и она наверняка спит, но планам не суждено сбыться сразу — на следующий день попадаю в больницу с осколочным ранением. Звучит страшно, но на деле ничего серьезного, просто на работе неудачно поскользнулся и напоролся на что-то острое на столе, немного раскроив кожу в районе печени. Но и царапиной это назвать трудно — пришлось все же зашивать, чтобы быстрее зажило.

Была бы тут Андреевская Ангелина — сказала бы, что это я сам себя наказал, и это все из-за моего чувства вины. Но как его не испытывать, когда я реально виноват? В общем, до осознанности и высоких вибраций мне видимо еще далеко.

В итоге все же решаюсь на разговор с Машей через несколько дней, но все равно сомневаюсь, что она захочет меня выслушать. Поэтому, как запасной вариант, пишу ей

записку и сую ее в конверт, беря с собой.

Еду к ней на работу, но, когда вижу как она улыбается какому-то парню, которого я раньше не видел, выбираю второй вариант и прошу Настю передать конверт с письмом Маше.

А утром следующего дня встречаю Машиного бывшего, а может уже снова настоящего хмыря. Он караулит меня возле моей машины на парковке. Как нашел ее только здесь. Псих.

— Поговорим? — озлобленно смотрит он, стоя из себя крутого мачо. Если честно, то ему вообще не идет.

— Ну давай, — открыв машину, кидаю туда куртку на случай, если придется драться.

— Пошли, — кивает он головой в сторону одного из выходов на лестницу.

Неподходящее место для обычного разговора, да и выглядит этот говнюк так, будто собирается мне надавать. Еле сдерживая смех иду за ним, но параллельно разминаю кулаки. Сердце начинает учащенной биться из-за разыгравшихся тестостерона и адреналина в крови, и я с особым азартом предвкушаю, как наконец надаю ему вволю.

А когда мы выходим на лестничную клетку, понимаю его смелость. Меня сходу принимают два амбала.

Вот гнида трусливая, — успеваю подумать, прямо перед тем как в меня прилетает первый удар, который не успеваю отбить из-за второго амбала, который меня уже скрутил. Резвых нашел. И сильных. Пытаюсь вспомнить, чему учил Ахмед на нашем единственном занятии, но и это не помогает, так как развернуться мне попросту не дают, удерживая и лепя удары один за другим по печени и по другим местам. Пару раз прилетает и в лицо, когда я все же ухитрюсь зарядить одному из них.

— Поаккуратней, — морщится сыкун Рома, наблюдая как его шавки продолжают меня мочить.

И я не думаю что он беспокоится обо мне — просто не хочет мокрухи. Или боится, как боятся девочки.

— Как скажете, — отвечает первый, ничуть не меняя силу удара.

— Подождите, сделаю пару фоток для одной неверной. Держите его.

Вот же ж задница. Меньше всего мне хочется, чтоб меня в таком жалком состоянии видела Маша. Но радуется одно — раз все это шоу про мою честь, значит Маша его все же кинула.

Вспышки камеры немного ослепляют, но сил вырваться из захвата уже нет, как нет их и на язвительный комментарий. Видно, что он сразу отправляет сделанные фото и довольный собой говорит продолжать.

Только в этот момент кровь проступает на моей футболке.

Блин, шов все же разошелся...

Замечая это, один выражается матерными словами, а другой поднимает футболку.

— Вы... Вы что сделали? Он умрет? — начинает паниковать зайчик.

— У него шов разошелся — операция походу была. Его в больницу надо, а то реально может откинуться — вдруг с органом что не так, — констатирует амбал.

Раньше я бы воспользовался их замешательством и успел бы вмазать, но с возрастом поумнел, поэтому стою, не делая лишних движений, да и рана реально болит.

— Вы что, идиоты, наделали? — начинает орать Рома.

— Мы обсудили все заранее. Вы четко сказали, что парень здоров, и нужно вмазать как следует. А если еще раз назовете идиотами, то в больничке лежать будете в соседних палатах

с этим, — кивает он на меня. — Звоните в скорую, скажите нашли его. Мы отчаливаем.

Они быстро смываются, а я преодолеваю свою боль и двигаюсь на паникующего «заказчика», чтобы выйти с этим трусом один на один. Чего к моему сожалению все же не случается — он, видя, что я намерен сделать с ним, пятится назад, собираясь дать деру.

А потом у меня темнеет в глазах и я реально отключаюсь, падая на холодный бетон.

А открывая их, думаю что попал в ад, потому что передо мной стоит и разговаривает с врачом в больничной палате Машин пахан.

Глава 32. Привет

Маша

Открываю фотографии, что прислал Рома, и в ужасе закрываю рот руками.

На фото Женю держат два огромных шкафа, и видно, что они уже с ним «поработали».

Как давно сделаны эти фото? Что сейчас с Женей?

Трясущимися руками набираю номер Жени, но он не отвечает.

Мамочки...

Быстро делаю вдох и выдох — сейчас не время для паники, от нее толку нет, поэтому постаравшись взять себя в руки, звоню Роме. Но он сбрасывает несколько раз подряд, пока я упорно продолжаю его набирать, а потом присылает смс:

«Вызови скорую своему любовнику. Он на парковке своего дома».

Я не знаю, где он живет!

Звоню снова, и наконец Рома отвечает.

— Где он?

— Там где и оставили, написал же.

— Рома, пожалуйста, вспомни адрес и вызови скорую сам. Встреть их. Вдруг они не сразу найдут его, — понимаю, что лучше сейчас вместо угроз и нападения применить другую технику.

Но она не срабатывает, и, вместо того, чтобы согласиться или хотя бы назвать местоположение, Рома смеется:

— Может мне ещё доставку фруктов заказать ему от твоего имени и открыточку с любовным посланием? Не собираюсь я ему помогать, мне вообще на него пофиг! Неужели ты не понимаешь, что я это сделал из-за тебя? Я люблю тебя, Маша!

Я сбрасываю трубку, не желая слушать этот бред. А когда понимаю, что погорячилась, и мне нужен адрес, перезваниваю, но номер Ромы уже недоступен.

В отчаянии звоню папе и обрисовываю ситуацию.

— Я тебя услышал. Я знаю его адрес. Все будет хорошо, не переживай, — отвечает папа и отключается.

А я, как бы не старалась не переживать, все равно это делаю. Но папу не беспокою — пусть лучше он скорее доберется до Жени, а потом уже сообщит новости мне.

Хоть бы они были хорошие...

Вся ненависть, что осталась к нему улетучивается. Пусть он только живет. Понимаю, что таких передраг в жизни парней бывает много, и в большинстве случаев все заканчивается нормально, но в голову то и дело лезут мысли одна хуже другой. Вспоминаю, что и в универе Женя часто приходил со следами рукопашной борьбы, и все на нем очень быстро заживало. Это помогает успокоиться, а потом я вспоминаю, что на фото его держали два амбала, и снова начинаю переживать.

Тогда пытаюсь включить разум: Рома не дурак и не стал бы его убивать или наносить серьезные телесные повреждения, тем более прислав мне эти фото, рискуя быть привлеченным к ответственности. В голову тут же стреляет мысль и, торопливо зайдя в мессенджер, я делаю скриншоты его последних сообщений с его именем.

Наконец звонит папа и говорит, что с Женей все в относительном порядке, что небольшую открывшуюся рану снова зашили, и называет адрес больницы, в которую я

незамедлительно еду.

— Где он? — спрашиваю у папы, приехав в больницу и поднявшись на нужный этаж.

— Он уже в палате, только там... Эта девушка. Про которую я тебе говорил.

В услуги таких девушек нынче входит и посещение в больнице? Или между ними что-то большее нежели торгово-клиентские отношения?

— Я подожду, — говорю папе, сникшим голосом, потому что как бы не было мне сейчас больно, я должна навестить Женю, ведь пострадал он в том числе из-за меня.

— Ладно, я здесь уже не нужен. Поехал на собрание. Напиши потом как он.

Сажусь на диван рядом с какой-то женщиной и ее сыном, и спустя 10 минут из палаты Жени выходит очень красивая, высокая и статная девушка. Такое ощущение, что она пришла не в больницу, а на светское мероприятие — так эффектно она выглядит.

Видя меня, она всматривается, а потом подходит и спрашивает:

— Ты случайно не Маша?

— Маша, — отвечаю, удивленная тем, что она знает меня. Это интересно.

— Я Кристина, подруга Жени. Можно тебя на минутку?

Мы отходим к окну, где нас никто не услышит, и я даже не представляю, что она хочет мне сказать. На ум приходит почему-то только: «Оставь Женю, он мой», как в дешевых сериалах.

Едва мы доходим, Кристина без предисловий тут же говорит:

— Мы не спим. Ты должна это знать. Женя с тех пор, как вы вновь встретились, не изменял тебе. По крайней мере со мной, — закатывает она умело глаза.

Она так искусно владеет мимикой, что я невольно люблюсь. И я должна ей верить, что будучи в квартире Жени они не спали?

— А до того как мы встретились, вы...?

— Да. Ты ведь наверняка знаешь, кто я и чем занималась — я узнала твоего отца — он друг моего бывшего клиента. Но не нужно смотреть на прошлое — где, с кем и как Женя трахался. У тебя тоже прошлое не идеальное. Ведь так? Поэтому главное, что происходит в настоящем.

— В каком это смысле у меня не идеальное прошлое? Я не спала со всеми подряд, не снимала прос... Прости, эскортниц, да?

Боже, как неловко вышло. Но Кристина никак не реагирует, будто такое ее вообще не задевает.

— Да, зато ты была лицемеркой и обманывала не только всех, но и саму себя, думая что любишь уроды, который чуть не покалечил из-за ваших разборок Женю, — холодно отрезает она.

На меня словно выливают ведро холодной воды. С такого ракурса я никогда не смотрела на эту ситуацию. Я всегда считала себя хорошей девочкой, но сейчас, видя себя глазами этой девушки, я прочувствовала, как я ошибалась и как я действительно лицемерно поступала, в том числе по отношению к себе.

— Ты права, но... — пытаюсь найти оправдание, но Кристина меня перебивает.

— Но это не имеет смысла, потому что это прошлое! Короче, выбор за тобой. И если ты не собираешься жить настоящим, то лучше не заходи и не терзай Жене душу.

Она уходит, а я думаю: смогу ли я сделать, как она говорит, и полностью отгородиться от прошлого? Прошлого в котором у нас было столько всего, что приносило боль не только мне, но, как понимаю сейчас, и ему.

Немного постояв, я принимаю окончательное решение и вхожу.

— Привет, — аккуратно прикрыв за собой дверь, здороваюсь с Женей.

Глава 33. Друзья

Маша

Выглядит Женя не так ужасно, но все же не айс. В универе он бывало приходил таким, а пару раз и хуже.

— Привет, — откидывает Женя голову назад, устремляя лицо к потолку и сглатывает.

— Ты как? — подхожу к его кровати.

— Не очень. Впервые меня отмузузили, а я нет.

— Ну если уязвленная гордость единственная проблема, то думаю все не так плохо, как представляла я.

Женя усмехается, но по-прежнему на меня не смотрит.

— Жень...

— М?

— Я не знала, что тем водителем был ты.

Услышав это, Женя приподнимается насколько может и смотрит на меня.

— Тогда что значили твои слова? О том что ты ненавидишь, о том, что все это чтобы посмотреть на мою реакцию?

— Я думала тебя оттолкнул мой шрам.

— Как ты могла такое подумать? — будто я сказала какую-то мерзость смотрит на меня он.

— Я... — хочу подобрать слова, чтобы объяснить, но Женя меняется в лице и продолжает уже другим тоном.

— Прости, Маш. Вообще у тебя наверно были основания так думать, учитывая каким я был раньше и как к тебе относился.

В его голосе за все время, что я здесь, нет обычного флирта. Мы впервые разговариваем как друзья, и мне от этого одновременно и грустно, и тепло. Грустно, потому что возможно после всего Женя не захочет со мной не только дружеских отношений, а тепло потому что дружба между мужчиной и женщиной — это даже больше чем секс, потому что дружба — это близость не тел, но душ.

Наш диалог прерывает стук в дверь.

В палату заглядывает Андрей, а потом они вместе с его женой Анжелиной входят.

— Маша! — видя меня, удивленно радуется Андрей.

Ангелина тоже улыбается, говоря: «Привет». Она и раньше-то была не просто симпатичной, а очень красивой, а сейчас она будто стала еще краше, сияя своим светом.

Вспомнила как раньше Женя смотрел на нее и невольно перевела взгляд на него. Но хоть он и смотрел на свою бывшую девушку, а ныне жену Андрея, во взгляде его не было ничего, что говорило бы о былой влюбленности в нее.

Андрей тоже похорошел — стал еще более мужественным, а черты лица его наоборот стали добрее. Видимо так работает любовь.

— Прости, мы думали в палате никого, кроме одного обалдуя.

— Андрей, — пихает в бок мужа Ангелина. — Не слушай его, Жень. Никакой ты не обалдуй. Ты настоящий засранец! Знаешь как я испугалась?! А мне нельзя нервничать. Кто будет любимым гостем для нашего сына послезавтра на его дне рождения?

— Не бойсь, приду.

— Ну уж нет, — говорит Андрей. — Давай приходи в себя, а потом ради Смольнова младшего устройм персональное пати с его любимым дядей Женей.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Женя у Ангелины указывая на ее живот, и только сейчас обращаю внимание, что он округлившийся. Она беременна? Боже, какое это счастье...

И какие же они классные.

— Все хорошо, — улыбаясь, Ангелина кладет руку на живот.

— О чем думает твой муж? Тебе нельзя в твоём положении ходить по больницам — малышка же все видит!

— Нельзя таскать по больницам свою беременную жену, — тут же строго отчитывает он Андрея.

— Пусть привыкает, что дядя Женя может выкинуть такое, — заступает за Андрея Ангелина.

— Это не дядя Женя, — фыркает Клыков.

— Так говоришь, будто встречать в передряги не было твоим любимым занятием в универе.

— Видишь Маша, как плохо, когда друзья припоминают дела давно минувших лет, — говорит Женя мне, бросая камень видимо и в мой огород.

Друзья...

— Ладно, теперь о серьезном, — меняет тон Андрей. — Нужно писать заявление. Ты ведь не против, Маш? — обращается он ко мне.

Но ответить я не успеваю — Женя не дает.

— Потом это обсудим.

— Ок, — соглашается Андрей.

Еще немного побыв и порасспрашивав о Женином состоянии, они уходят. И снова мы с Женей остаемся вдвоем.

— Ты хочешь оставить это безнаказанным или расквитаться с Ромой таким же способом?

Все не дает мне покоя этот момент.

— Еще не решил, — признается Женя. — Ум говорит поступать по одному, а душа просит крови.

— Это не душа.

Женя вздыхает.

— Да, ты права. Не душа. Но безнаказанным оставлять не буду. Скоро ко мне придут по этому вопросу, так как такие случаи всегда расследуются — врачи не дураки, они сразу видят и сообщают в правоохранительные органы. Да и папа твой наверно не придумывал историю о том, что я неудачно упал. Поэтому я рад, что другого выбора возмездия у меня не остается — не придется руки марать об него. К тому же... Не знаю, насколько тупой этот Рома, но он вообще не учел, что парковка вдоль и поперек оборудована камерами. Даже его наемники оказались поумнее и скрыли лицо капюшонами. Короче, нет у меня другого выбора, а покрывать, как ты понимаешь, мне его незачем. В скорой, кстати, тоже его номер скорее всего зафиксировали.

— Но он не вызывал скорую. Я попросила папу.

— Как понял из их разговора с врачом, когда твой отец позвонил в 103, ему сказали, что машина по данному адресу уже выехала. Вряд ли вызвали те двое. Но это не меняет того, что

этот индюк козел. Не выходи за него больше, ладно?

Я усмехаюсь. Даже в этой ситуации он не изменяет себе и находит место для шутки.

— Можно тебя попросить? — обращается Женя ко мне.

— Да.

— Поправь, пожалуйста, подушку, — серьезным тоном просит он и слегка ворочается, демонстрируя, что ему неудобно.

— Сейчас.

Подхожу к нему, присаживаясь на край кровати. Но едва руки касаются подушки, как меня припечатывает к нему, и тут же мои губы занимают поцелуем, не сказав при этом ни слова.

— Выйдешь за меня? — отстраняется Женя, вдоволь насытившись моими губами и заглядывая в мои глаза.

Пытаюсь выпрямиться, но Женя упрямо держит меня в своих объятиях.

— Тебе нельзя напрягаться, Женя!

— Тогда скажи, что выйдешь за меня.

— Я подумаю, — светясь от счастья отвечаю я.

— Маша, не шути так, а то увезу далеко-далеко.

— А может я этого и добиваюсь? Мне там, кстати, понравилось. Спасибо, что похитил.

Сама тянусь к нему за поцелуем и шепчу:

— Я согласна.

Спустя 10 месяцев.

Маша

Сегодня важный день. Мы с Женей идем на первое УЗИ нашего малыша: мальчика или девочки. Мы выбрали самое простое обследование без наворотов, чтобы было меньше воздействия на ребенка. Я вообще подумывала сделать его на более поздних сроках, но решила, что небольшое знакомство с маленьким нашим чудом будет на пользу. Во-первых, мы уже будем спокойны, зная, что ребенок развивается нормально, а я чувствую, что так и есть, а во-вторых, зная пол ребенка, мы сможем уже обращаться к нему не просто «малыш», а дочка или сыночек и ждать встречи с нашей крохой.

Женя тоже волнуется, но совсем не так как я. Иногда завидую его спокойствию и непринужденности, но радуюсь, что хоть один из нас в этих качествах преуспел.

Но вот в том, что мы оба не понимаем, что показывает УЗИ, когда мы приходим в клинику, мы похожи, поэтому без подсказок мало понимаем, что транслируется на экране.

— Это сердечко вашего ребенка, — вырывает своими комментариями милая доктор. — Послушаем...

— Так быстро стучит, — улыбаясь, поднимаю голову на Женю, который очумелым взглядом уставился в монитор.

— Ножки, ручки, голова, — продолжает комментировать доктор, ставя какие-то точки и делая записи.

И в конце выносит радостный вердикт:

— У вашего ребеночка все в норме. Пол ребенка запечатать в конверт? Или хотите узнать сейчас?

— Эмм, — теряюсь я, так как не планировала делать из этого событие типа гендер-пати.

— Я уже привыкла, что пары просят оставить в тайне от них, поэтому уже и не показываю пол на экране, — улыбается доктор.

— Мы как-то... — смотрю на Женю ища ответа у него.

— Запечатайте в конверте, — отвечает Женя. — А там решим: откроем сами или нет, — поворачивает голову он на меня.

А дома, держа конверт в руках, признаюсь Жене в своих убеждениях. Как-то мы не обсуждали эту тему до этого.

— Если честно, мне никогда не нравились гендер-пати со счастливыми лицами родителей, если ребенок оказался нужного им пола, или грустными, если своей половой принадлежностью не угодил. Кого бы ты хотел? — тут же спрашиваю я.

— Того, кто у тебя сейчас в животе.

— А если честно? Мальчика, как и все мужчины?

— Нет, Маша. У меня такого стереотипа нет. Да и от моего желания по факту мало что зависит, особенно сейчас, — смеется он, указывая взглядом на уже определенного человечка возрастом несколько недель. — Только... Мне почему-то видится, что ты держишь на руках дочку. Не знаю почему. Но если будет мальчик, Маш, я обрадуюсь не меньше. Главное, чтобы ребенок был здоровым. А у тебя есть предпочтения? — улыбается он, будто я смогу переплюнуть его трогательную речь.

— Если честно, то сейчас поняла, что хотела бы угодить тебе. Не совсем хорошее открытие для меня. Так ведь не правильно?

— Уже угодила, — кладет он руку на мой живот. — Так что можем устроить гендерпати — пригласим только самых близких, и обрадуемся любому цвету торта.

— Торты? А может тогда шарики? — загораются во мне идеи, как организовать мини-праздник.

— Давай шарики, если хочешь.

На вечеринку, которую мы решили устроить дома, а точнее в квартире Жене, куда я переехала почти сразу, после того, как он выписался из больницы, приходят только наши самые близкие люди: Андрей с Ангелиной и их двумя малышами и папа со Светой. Да именно вместе, а не по отдельности. Сначала многие были в шоке их отношений, в том числе и они сами — я была невольным свидетелем этому, но сейчас они выглядят очень гармонично, и я рада за них.

— Три, два, один, — кричат хором гости, и мы с Женей одновременно лопаем шарик и нас с ног до головы обсыпает розовым конфетти.

— Девочка, — улыбаясь смотрю на Женю, не потому что не обрадовалась бы мальчику, а потому что он угадал.

— Дочка, — обнимает, а затем целует он меня.

Мы едим, общаемся и даже танцуем. Но все это время мой взгляд то и дело притягивает маленькая принцесса Андрея и Ангелины.

Не выдержав в конце вечера, прошу Ангелину дать подержать эту кроху, и аккуратно беру ее на руки. Даже не верится, что скоро также смогу держать свою малышку.

— Маша, можно я почаще буду приходить к тебе в гости — она впервые не плачет, когда ее держит кто-то кроме нас с Андреем, — умиляется Ангелина, умиляя тем самым и меня.

— Я только за, — отвечаю, любуясь прекрасным личиком, которое с любопытством меня разглядывает.

В это время Женя посадив на шею маленького Егора, болтает с Андреем и папой — у них собралась прямо мужская компания.

Я рада, что Женя с папой поладили. После того, что папа во время того случая лично проконтролировал, чтобы с Женей все было хорошо и вызвался быть сопровождающим, когда скорая его забирала, бросив свою машину, когда мог просто ехать следом, Женя перестал его люто ненавидеть. Но окончательно они отбросили свои терки, после того как поговорили. Но тот разговор дословно не пересказал мне ни тот, ни другой, а я решив довольствоваться результатом, оставила попытки лезть в их отношения.

Дело на Рому все же завели, но он успел уехать из страны. Пытался откупиться, но у него не вышло. Я отпустила эту ситуацию, перестав желать ему возмездия — оно все равно его настигнет и без моих пожеланий, а вот за вклад Ромы в наши с Женей отношения я до сих пор благодарна. Наша встреча с Женей в тот день произошла из-за того, что он поскользнулся. Решил на следующий день прийти ко мне на работу Женя также из-за него. Да и не встретить я Кристину в больнице, после усилий Ромы, мы тоже вряд ли бы были вместе, по крайней мере, ее слова тогда промыли мне мозги.

После ухода гостей Женя идет в душ. А я иду переодеваться и останавливаюсь возле зеркала в нижнем белье.

Девочка...

Аккуратно вожу по животу рукой, говоря малышке, что мы с ее папой ей рады.

Смотрю на шрам, который растянулся на уже слегка заметном животике, и впервые чувствую не только ненависть. Точнее ее я как раз почти не чувствую — она фонит где-то далеко, а на передний план выходит уже совсем другое чувство — чувство благодарности. Благодаря этому шраму была сохранена жизнь человека. И не просто человека, а моего любимого мужчины.

Удивительно, но шрам стал менее заметным, причем стал светлеть и уменьшаться по краям он после нашей свадьбы с Женей, которую он как и обещал устроил полностью за свои деньги летом. Заметив эти изменения я еще больше стала ухаживать за ним, и сейчас он стал уже не таким бросающимся в глаза. Видимо он выполнил основное свое предназначение.

Следующий новый год мы встречаем гостей уже втроем. И решаем это сделать в доме.

Антонио в этот раз приехать не смог, поэтому гости приезжают почти тем же составом, что был на гендер-пати. Почти, потому что новый член семьи появился не только у нас, но и у папы со Светой. Так у нашей дочки появился дядя младше нее — мой младший братик.

— Располагайтесь и чувствуйте себя как дома, — как хозяйка дома, приветствую приехавших первыми чету Смольновых. — Хорошо, что сейчас с отоплением все в порядке — когда я тут была в первый раз оно та-ак ерундило, — вспоминаю как замерзла тогда ночью и не могла уснуть, пока не пошла к теплому Жене.

— Почему? — спрашивает Андрей и смотрит на Женю, и по его взгляду я понимаю, что он что-то заподозрил. В отличие от наивной меня!

— Ты и в этом меня надурил? — сощурив глаза, смотрю на Женю.

— У меня не было другого выхода. Да и не делал я ничего криминального — просто немного понизил градусы в первую ночь.

И я вспоминаю, чем это обернулось. В ту ночь я спала в объятиях Жени. Если честно, не понимаю, как мы ночевали тогда в одной кровати и не переспали, потому что как только Женя выписался из больницы, он устраивал мне целые марафоны любви. Ладно, мы устраивали.

Ущипнуть Женю за этот трюк не успеваю, так как слышу плач со второго этажа — проснулась наша Соня. Наша дочка, которая так похожа на своего папу и безгранично любимая нами обоими.

А спустя несколько месяцев приходим в гости уже мы к Синицынам на день рождения Светы. Они молодцы — несмотря на маленького ребенка, устраивают свидания, выбирают куда-то вдвоем. Я пока так не могу — только однажды оставила Соню с няней, когда мы с Женей ходили на выставку фотографий известного фотографа. Да, без фотография я по-прежнему не могла. Даже Женю как-то уговорила поснимать его очередной товар дома, а не в студии с другим фотографом.

Отмечаем день рождения под периодические тосты, чокаясь соком, и прерываясь на кормления наших деток. Соне очень нравится быть здесь. Хотя они с Данилой еще маленькие, но все равно тянутся друг к другу и даже пытаются общаться, подползая друг к другу на четвереньках.

Встав со стола, в какой-то момент любуемся с папой их игрой, и я замечаю как Женя отводит Свету в дальний угол и о чем-то разговаривает с ней, но когда подхожу, оставив малышей на папе, слышу только Женино:

— Три часа, ладно?

— О чем вы тут? — не могу сдержать любопытство. — Похоже на какой-то заговор.

— Так и есть, — вздыхает Света.

— Пойдем, нас попросили купить соль в гипермаркете, — обнимает за талию Женя и ведет меня к выходу.

— Да, езжайте, — поддакивает Света.

И только в машине я задаюсь вопросами: зачем им понадобилась на ночь соль, почему за ней нужно обязательно ехать в гипермаркет, и зачем нам ехать туда вдвоем.

— Клыков, ты что задумал? — начинаю догадываться я, что что-то тут не чисто.

— Не поверишь, — усмехается мой муж-наглец.

— Нет, только не говори, что ты меня... — смотрю на него и не верю, что он правда решил это сделать. Сумасшедший!

— Да-да, я тебя украл! — подмигивает мне он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net